Юлия Каштанова

Второй шанс для героя

повесть

Юлия Каштанова
Второй шанс для героя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260800
ISBN 978-5-4474-3000-9

Аннотация

Думаете, играть в он-лайн игры, не выходя из дома, безопасно? Друзья-участники игры по истории Карибского моря тоже так думают, собираясь на вечеринку-знакомство в подмосковном Клину. Никому не ведомо, что пансионат, где проходит встреча игроков, на самом деле аномальная зона и ночью во время грозы в нем открывается портал в мир игры-книги, где реальные люди занимают место своих персонажей…

Содержание

Карнавал 5
Второй шанс для героя 7
Часть первая. Правдивая история 7
Конец ознакомительного фрагмента. 191

Второй шанс для героя
повесть
Юлия Каштанова

© Юлия Каштанова, 2015
© Ирина Голуб, иллюстрации, 2015

Редактор Светлана Мыльникова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Карнавал

В ярком свете карнавального шествия,
В небывалой суете бытия
Ты проходишь блеском дикого лезвия,
За тобою тенью следую я.
Разбивая на кусочки и ломтики
Яркой ярмарки роскошный пирог,
Мы становимся сухими и ломкими
На дороге замерзающих строк.
За тобою зарастает толпа,
За струною обвивает струна
Костяные на гитаре колки,
Закружившиеся в ритме надежд.
А судьба – она обычно слепа
И, чужая, никому не нужна!
Полководцы собирают полки
Из шагающих с улыбкой невежд.

Вслед за лицами, закрытыми масками,
Вслед за шествием менял и шутов
Ты идешь, торгуя странными сказками,
Под карнизами старинных домов.
За воротами, закрытыми наглухо,
Чтоб поймать тебя, святоши стоят,
Ты же ходишь, не скрываясь, и в наглую

За тобою тенью следую я.
В этом городе сегодня пиры
В завершение святого поста.
Ты бросаешь на холодный кирпич
Прямо под ноги танцующих дам
Непохожие на этот миры,
Песни ветра и звенящую сталь,
Вой сирены и ликующий крик —
Все, чего быть не могло никогда.

А когда вокруг заря заполощется,
Перекрашивая бывшую ночь,
И тебя не будет здесь среди прочего,
И тебя прогонит будничность прочь…
Пнув ногою, позабытый и брошеный,
Никому уже не нужный колпак,
Ты пойдешь, ведомый строго святошами,
Ну, а я с тобой пойду… просто так.
На дороге запылает костер,
Пламя с треском пожирает сушняк,
Звук оборванной струны резанет,
Словно детский несмолкающий плач,
А святоши заведут разговор
О ненужности никчемных бродяг
И о том, как от забот устает
Их заслуженный, великий палач.

(Наталья Шептунова)

Второй шанс для героя

Часть первая. Правдивая история

Я хочу рассказать вам совершенно правдивую историю. На первый взгляд она покажется вам неправдоподобной, вы скажете, что я все придумал с целью показать собственную удаль или доказать кому-то, что мои друзья больше, чем люди способны в них увидеть… Но я прошу вас не судить скороспело. Мои друзья и вправду могут творить чудеса, хотя в это сложно поверить… Мне, признаться, тоже было бы непросто, и, окажись я на вашем месте, я сам ни за что не поверил бы, если бы лично не стал свидетелем тех странных и страшных событий. Теперь я уверен в одном: честь, храбрость и верность – вот три слагаемых любого чуда, и даже самый пропащий человек способен его сотворить.

Да, извините, забыл представиться. Друзья зовут меня Алекс, полностью – Алекс Грейди. В жизни я менеджер по работе с клиентами компьютерной фирмы, название и деятельность которой значения не имеют. Хотя… разве ж это жизнь! Жизнь для меня начинается тогда, когда, скинув вместе со стильным костюмом груз забот, я нацеживаю чашечку кофе и включаю компьютер, а дальше…

дальше меня ждет море. Море веселья и приключений, где я хозяин себе и своей судьбе, где я могу быть тем, кем в обычной рутинной жизни не всегда получается. Там меня ждут друзья, с которыми мы покоряем просторы неведомых океанов. И если вы их спросите, прав я или нет, они непременно расскажут вам то, о чем я по причине короткой памяти не упомянул…

Но, тем не менее, не буду забегать вперед и расскажу по порядку, а ваше дело уже судить – на чьей стороне истина…

– Ну, думаю, договорились, – администратор пансионата удовлетворенно кивнул, подписывая договор и передавая гостям квитанцию на перевод денег. – Надеюсь, вам понравилось помещение, господа?

Русоволосая молодая женщина покровительственно кивнула, мягко улыбнувшись.

– Вполне.

Она не отличалась яркой внешностью, но выглядела стильно и держалась так, будто родилась не в Москве постсоветского периода, а как минимум в Версале несколько веков тому назад. Казалось, она взирает на мир сверху вниз, хотя, возможно, подобное поведение было лишь следствием игры, крутившейся вокруг экономического интереса.

– Значит, уточним еще раз: вы снимаете пансионат на четыре дня. Питание включено. Шоу-программа и спиртные

напитки с вашей стороны. Я верно понял?

– Верно, – поддержал молодой человек, нетерпеливо поглаживая испанские усики. Он выглядел заметно старше спутницы, черты лица хранили печать сурового спокойствия, свойственного выходцам из офицерских семей. – Странно только… Отличное место, сервис приличный… У вас не должно быть отбоя от клиентов. Почему же пансионат пустует, и вы сдаете его с такими скидками? Не сезон, конечно, я понимаю…

Администратор поморщился при этих словах и нервно вздохнул:

– Так раньше и было… пока…

– Пока – *что*? – нахмурилась женщина. Администратор сделал непроизвольный защитный жест рукой: явно боялся потерять дорогих клиентов. Несколько секунд он нервно жевал губы, а потом театрально тяжко вздохнул, разведя руками для пущей убедительности.

– Антиреклама! Всего лишь антиреклама. Черный пиар – так сейчас принято говорить… Кому-то из соседей-воротил не по вкусу пришелся мой бизнес… *ну, вы понимаете*… вот он и развернул кампанию против моего заведения. Накручивает местных жителей, а те пугают потенциальных гостей и спонсоров страшилками и байками про плохое обслуживание.

Молодая пара переглянулась, между их взглядами проскользнула искра. Они будто о чем-то безмолвно спорили,

но предмет их беседы посторонним был неведом. Так продолжалось секунд тридцать, которые показались хозяину гостиницы часами и стоили изрядного клубка нервов. Потом оба синхронно повернулись, женщина пронзила собеседника обжигающим взглядом, заставив заметно вздрогнуть:

– Тогда почему вы заперли западное крыло? По внешнему виду оно вполне пригодно для жилья, отремонтировано…

– Не до конца, – кисло улыбнулся хозяин, и слова его от этого еще больше потеряли в убедительности. – Неужели в остальном помещении места недостаточно?

– Достаточно, достаточно, – возразил молодой человек. – Просто придется рассчитывать на меньшее.

Его тон звучал вкрадчиво и успокаивающе, как у психиатра, и администратор не мог не поддаться его чарам. Конечно, подобное заявление клиентов, которых он с таким трудом разыскал, означало понижение цены, но… Все лучше, нежели пустота в кассе и, как следствие, в кармане. Администратор уже отчаялся сдать помещение хоть кому-то и хоть на какой-нибудь срок! Процветавший в прошлом бизнес уже даже не трещал по швам – просто разваливался, как трухлявый пень. А значит – не до торга, удержать бы свалившееся не иначе как с небес благословение. Он помедлил немного, но кивнул, все еще ощущая некоторую неловкость. А что еще делать? вдруг откажутся? И тогда – прощай, гонорар!..

– Так мы договорились? – с надеждой произнес он, стремясь поскорее завершить сделку, чтобы у гостей и секунды

не оставалось, чтобы передумать. Молодые люди снова переглянулись.

– Ну…

– Что такое? – в голосе собеседника звучала чуть ли не паника.

– Ничего, – быстро произнесла девушка. – Разве что помещение меньше, а значит…

– Я готов сделать вам скидку, – директор стремился любыми средствами удержать гостей. – Скажем, двадцать процентов…

Вновь воцарилось молчание, молодые люди медлили. Тянули они время или действительно сомневались – было неизвестно, оба явно были отличными актерами, как, впрочем, и сам директор дома культуры, но все-таки прочитать их мысли по поведению ему не удалось. С другой стороны, легкая скидка обычно скрывает подвох – это любому понятно.

наконец молодой человек повернулся к собеседнику и произнес:

– По рукам.

…Тот день совершенно ничем не отличался от остальных. Я возвращался с работы и по привычке сунул руку в почтовый ящик, в котором обыкновенно ничего, кроме рекламной макулатуры, не лежало. Однако… под нее попало что-то твердое с острыми краешками – не иначе конверт. Наверняка очередное «письмо счастья», решил я то-

гда, не особенно ожидая чего-то сверхъестественного: кроме них разве что счета за телефон приходили в таком виде. Мне вот уже года два как никто не слал ни писем, ни открыток на день рождения или новый год. Я привык жить особняком, с друзьями общался, в основном, в Интернете, кроме тех редких случаев, когда они звали меня в гости, но и такое случалось, прямо сказать, не часто. У нас в Испании (не в настоящей, конечно, а в игровом онлайн-мире – там я отстаиваю интересы этой славной державы в роли одного из капитанов компьютерного кораблика) видеться лично не особенно принято: никто не хочет брать на себя ответственность за сбор людей и вероятные последствия, а сейчас, после недавних событий – так особенно. Считают чреватым. Впрочем, есть кое-кто, на кого возлагают «вину» за все с нами произошедшее – наши, как называют их мои коллеги, «активисты». Славные ребята, хотя и не без тараканов в голове… Именно они положили начало запутанной истории. Работали, не жалея сил, и результат не всегда от них зависел, но тем не менее они умудрялись порой заставлять саму судьбу играть по своим правилам… Не сказать, что мне не за что их благодарить: события, произошедшие с их легкой руки, заставили меня многое переосмыслить.

Порой мне кажется, что тот, вымышленный мир, ставший плацдармом для описанных ныне событий, во многом был более настоящим для нас, нежели «объективная ре-

альность». В обычной жизни нам не хватало то времени, то возможности проявить себя такими, какие мы есть… А там – узкий круг, игра, где можно не бояться выглядеть смешным или нелепым, где все признают, что реальность – воображаемая. Есть четко определенный враг, есть союзники, данные тебе изначально – нравятся они тебе или нет, есть сторона, которую ты защищаешь… некий странный аналог патриотизма, ведомый героям приключенческих романов, да и нам, когда мы читаем их и представляем себя Дон Кихотами, Д'Артаньянами, Робин Гудами… Как и в любой стране, здесь есть интриги, конкуренция, борьба за власть и расположение сильных мира сего, есть гордость и честь, есть зависть и злоба, есть свои лидеры и своя оппозиция… словом – мир, живущий по тех же человеческим законам, только в нем, как в сказке, нельзя умереть насовсем…

Впрочем, я отвлекся. Я рассказывал о том самом дне, когда все началось, верно? Так вот, я шарил в почтовом ящике, снедаемый любопытством, и чем дольше я этим занимался, тем больше подозрений зарождалось в моем сердце, и тем меньше оставалось желания вообще извлекать конверт. Наверное, это была интуиция – та, что подсказывала мне не спешить и умерить авантюризм – но я слишком нетерпелив и любознателен, потому не удержался. Наконец необычное послание оказалось в моих руках… и я приложил немалые усилия, чтобы удержаться на ногах. на моих ла-

донях лежал белый аккуратный конверт с печатью, какие обычно ставят в курьерских службах, а поверх аккуратным почерком были выведены мой адрес и имя. Контактов отправителя, разумеется, не было. В нетерпении я только что не влетел в квартиру и, едва бросив вещи на пол, тут же надорвал конверт и вытряхнул содержимое (даже чайник поставить не успел, хотя прежде со мной такого ни разу не случалось: быть бы сытым – первое дело, остальное приложится). Я был так поражен, что порадовался оказавшемуся позади краю кушетки, ибо в противном случае растянулся бы на полу. В конверте обнаружилась открытка, но не поздравительная, а пригласительная. Внутри значилось следующее:

«Уважаемый сеньор Алекс Грейди (это, стало быть, я)! Мы рады сообщить вам, что сбор игроков Испании (то есть тех, кто поддерживает в нашей компьютерной баталии Испанию) состоится во вторые выходные сентября в Подмосковье, город Клин. Заезд в четверг вечером или в пятницу с утра, начало действа в пятницу вечером. Встреча происходит на станции каждый час до 11 вечера в четверг и с 10 до 16 в пятницу. Проживание, развлечения, питание включено. В случае если вы едете на собственной машине, маршрут прилагается. Пожалуйста, не опаздывайте! Если у вас возникли сложности в дороге – будьте любезны, сообщите организаторам. Ждем вас! Искренне ваша, Э. Р.»

«Э.Р.»! Я прекрасно знал, кто такая «Э.Р.», и новость

заставила меня выругаться, чтобы только не ловить челюсть от изумления под кроватью. Почему я говорю – «такая», спросите вы? Ничего удивительного. Несмотря на разнообразие персонажей в нашей игре, почти все участники этой авантюры – юноши, либо уже взрослые, но все же мужи. Девушки встречаются редко, и потому эти сокровища знают по именам. Одни приходят сюда за тем, чтобы найти себе поклонников, другие – чтобы повысить самооценку, третьи – поспеть за молодым человеком, а эта… Я толком никогда не мог ее понять. Порой казалось, она «более мужчина, чем все мы». Она могла быть жесткой, суровой, прямой, как стрела, и даже жестокой; иной раз ее голос заставлял многих из нас забывать обо всем. Между собой мы с друзьями называли ее «королевой без короны». Впрочем, тогда… тогда я считал таких людей выскочками, не более чем… пусть и очень трудолюбивыми, но выскочками…

Только сейчас, сидя на диване со злополучным конвертом в руках, я начал вспоминать о том, как еще недели две назад вопрос о встрече игроков поднимался в наших кругах. Такие мероприятия проходят в лучшем случае раз-два в год: это чуть ли не единственный шанс увидеть настоящие лица своих игровых противников и, что немаловажно, союзников, «братьев по игровому оружию».

Вначале мы, остальные игроки, приняли предложение нашей «сеньоры-затейницы» за шутку и поддержали… а вот оно как вышло! Я еще раз осмотрел конверт и открытку,

но те хранили молчание и не желали опровергать или подтверждать мое подозрение. Или все-таки шутка?.. Черт побери! Вот здесь мне требовалась помощь со стороны, потому я решил сперва «выдохнуть», чтобы сформулировать вопросы как следует, без шанса получить на них столь же абстрактные ответы. Так что я отложил пока приглашение в сторону, неторопливо разобрал вещи, наспех сваленные в углу после столь сумбурного врывания в квартиру, а потом, уже запасшись чаем для успокоения взбудораженной души, включил компьютер. На просторах сети было пустынно: я заявился слишком поздно, под вечер, многие уже отправились кто спать, кто за очередной порцией пенистого напитка. В «комнатке» (так ласково называют у нас место, где собираются члены некоей общности внутри игрового мира, гордо именуемого «клан») я застал молодежь и Генри.

Генри – это мой друг; наверное, самый близкий. Многие считают его несдержанным и даже грубым, и далеко не во всем они не правы, но поведение не делает его человеком дурным. Генри – это Генри. Его заветная мечта – победа, причем во всем, и он настойчиво к этой цели стремится, невзирая на все препятствия, которые ставят ему и жизнь, и завистливое, придирчивое окружение. Он порой бывает резок и даже несправедлив, он способен вспыхнуть от любой моральной спички, но, к счастью, такое быстро проходит, и он уже снова простой, честный парень, мало чего жаж-

дущий лично для себя и всей душой желающий радости друзьям. Забегая вперед, открою секрет, что именно ему предстоит сыграть одну из самых завидных и важных ролей спектакля, в сценарий которого мы все оказались ненароком вписаны…

Как ни странно, первый мой вопрос не относился ни к одной из привычных тем наших с ним бесед: боям, тактике или торговле. Едва успев обменяться приветствиями, я спросил:

– Скажи, дружище… тут дело такое… мне пришло одно странное письмо…

Хотя по реакции друга я догадался, что случилось что-то из ряда вон выходящее, но он не задал встречного вопроса – мол, что там, да откуда. Его ответ меня взбудоражил и я, грешным делом, едва не впал в то самое состояние, что граничит с одной стороны с паникой, с другой – с безумием.

– От Эл? – просил Генри совершенно серьезным голосом. – Ну, да. Ты думаешь ехать?

Эл – это Элеонора, та самая «Э.Р.», о которой я упоминал несколькими абзацами выше, «наш талисман», как говорят некоторые игроки, писательница, музыкант, художница… словом – фантазерка, вечно веселая, неунывающая, что бы ни стряслось.

Генри знал, что я и без особых причин в состоянии найти время и возможность встретиться с нашей общей знакомой, более того, он сам был одним из первых, кто поддер-

жал идею о сборе игроков с целью поближе познакомиться. Почему он сейчас в раздумьях?.. Конечно, ему ехать дольше, чем мне, из другого города, расположенного в нескольких сотнях километров, а он не из тех, кто легок на подъем… Но ему было одиноко в далекой северной столице, где, конечно, попадались игроки, но не из его ближайшего окружения, которое мой друг подбирал всегда с большой щепетильностью.

– Ты решил отказаться? – вопрос был чистой провокацией. Если откажется Генри, у меня тоже будет повод отклонить приглашение. И вовсе не потому, что я не хотел увидеть друзей или имел что-то против устроителей. Вовсе нет! Но чертова интуиция, пророчившая дурное, не давала ни секунды покоя.

– Нет, в общем-то. Просто спросил… – повисла пауза, а потом Генри добавил: – Я тоже планирую, только вот хотел узнать, кто сможет меня подхватить у вокзала и ввести в курс дела. Нам, вроде как, обещали сюрпризы.

Я не замечал прежде за другом подобной задумчивости, и это меня насторожило еще сильнее, чем упоминание о «сюрпризах». И дело даже не в том, что придется потратить время и силы на подбор костюма: хозяева предложили провести встречу в стиле той эпохи, в коей представлена игра. От самой идеи попахивало авантюрой, пусть и хорошо продуманной. До встречи оставался месяц – вполне достаточно времени, чтобы должным образом экипировать-

ся и собраться с мыслями… а если потребуется, можно успеть спросить сотню советов у коллег и устроителей… и все равно поступить по-своему.

– Как считаешь, ты готов?

Генри в ответ рассмеялся. Он вообще смеялся нечасто, а когда это случалось, он был или слегка пьян, или чем-то смущен, как сейчас.

– Готов к чему? К тому, чего никогда раньше не делал? – я слышал, как он нервно теребит микрофон со своей стороны. Для простоты и удобства мы общаемся с помощью голосовой программы, поэтому легко узнали бы друг друга в жизни «на слух». – Поглядим. Думаю, будет весело. Что сейчас-то париться?

Аутотренинг друга насторожил еще сильнее. Я знал, что он давно мечтает воочию узреть девушку, вскружившую голову самым отпетым политиканам, и ее верных помощников: просто все как-то не складывалось. А теперь выдался отличный повод. Вопросов у него накопилось не меньше, чем у меня еще до нашего личного знакомства, и он жаждал их задать. Шанс увидеть остальных друзей не на фото и вовсе ставил цель приезда на встречу выше всяческих других. Многие возлагали на нее надежды, каждый – свои, и я не был исключением: слишком уж большое число вопросов должно было разрешиться…

– Я провожу тебя, – заверил я друга. – Ты только не убегай раньше времени с вокзала, ладно?

Я слышал, как Генри на том конце линии усмехнулся и произнес:

– Куда от вас денешься-то!.. Спасибо, дружище, в самом деле.

Пока директор раз за разом пересчитывал деньги и радовался неожиданно свалившейся удаче, пара, взявшись за руки, вышла на улицу. День был необычайно холодный и сырой для этого времени года, низкое небо и пронизывающий ветер могли бы испортить настроение кому угодно… кроме них, поскольку только что удалось осуществить давнишнюю мечту. Встреча игроков онлайн-игр – всегда событие значительное, при этом трудноосуществимое: все живут в разных городах, иногда на порядочном расстоянии. Они ежедневно встречались в игре, болтали между собой при помощи голосовой программы, но возможностью видеться друг с другом обладали лишь счастливые единицы.

Устроить общую встречу «бойцов Испании» (приключенческо-флибустьерского онлайн-сообщества) было тяжело, браться за дело никто не решался, больше выходило слов и планов, нежели реального дела: то времени нет, то денег, то фантазии не хватает, то смелости… Видимо, высшим силам изрядно поднадоела эта волокита – и вот свершилось! Нашлись люди, не испугавшиеся хлопот: молодая писательница и ее супруг, программист. Объединения недоверчивых, разрозненных, ссорившихся по любому поводу групп лю-

дей в игровом пространстве им добиться удалось, а личная встреча должна была закрепить хрупкий союз. Ведь общение в оффлайне всегда сближает, притом куда сильнее, чем переписка или даже телефонная болтовня.

Молодые супруги слыли выдумщиками, но выдумщиками деятельными. Если вначале еще оставались сомнения в том, что они таки впрягутся, то когда заговорили уже о конкретной дате – сомнений не осталось даже у самых стойких скептиков. Отыскались и энтузиасты помочь: кто-то средствами, кто-то связями, кто-то техникой. И закрутилось…

– Что теперь?

Молодые люди стояли на автобусной остановке – единственном островке, защищенном от ветра. Они были довольны собой. Сделка с помещением под Клином состоялась. То, что оно оказалось меньше – по сути, не так уж и страшно. Осталось заглянуть на конюшню, договориться о лошадях, а ещё обсудить и отрепетировать программу с помощниками из числа приглашенных со стороны друзей, таких же любителей розыгрышей.

Молодая женщина улыбнулась мужу.

– Как обычно – репетиции. Ну, и приглашения, встречи… как всегда, в общем – хлопоты. Это я беру на себя.

– Не устанешь, маленькая? – ласково улыбнулся мужчина, поцеловав жену.

– Ты же знаешь: приятная работа не утомляет, – заверила его спутница жизни.

– А книгу свою не забросишь? – обеспокоено нахмурился собеседник. – Помнишь, ты хотела ее издать незадолго до встречи?

Женщина рассмеялась.

– Дадут забросить, держи карман шире! Слишком много желающих увидеть себя на страницах печатного издания. Вот получится ли издать ее до всего этого – уже не от меня зависит.

– Ну, конечно, – согласился тот, – от твоего «доброго гения», который вывел тебя в свет.

Элеонора (это и была наша молодая фантазерка-активистка) кивнула. Книга, о которой шла речь, была плодом ее веселого воображения – нереальная история капитанов-покорителей Карибского моря, где вместо известных всему миру пиратов и конкистадоров выступали друзья по онлайн-игре. Получилось довольно забавно: ребята совершали подвиги, участвовали в приключениях и, разумеется, окончание намечалось непременно счастливым, ибо по-другому сочинять наша героиня не любила… или просто не умела.

Конечно, она заранее не планировала писать повестей с участием друзей-игроков онлайн-проекта по мотивам истории Карибского бассейна. Идея родилась сама собой. Раньше из-под пера ее выходили научно-фантастические саги, либо сказки, но исторические романы в стиле Александра Дюма должны были удаваться не хуже: как полагали некоторые игроки, талантливый сочинитель найдет нужные слова

для любого жанра. Впрочем, брать прототипы из жизни она прежде не рисковала, хотя едва ли история могла как-то повлиять на судьбу друзей: слишком далека от истины, неправдоподобна – сказывалось писательское суеверие, что *мысль вещественна*. То ли друзья ее в итоге уговорили, то ли победил авантюризм пополам с желанием высказать то, что наболело, но Элеонора решилась на эксперимент. Повесть получилась легкая, веселая, со свойственной автору иронией (что не особенно устраивало некоторых «героев», посчитавших, что их дурные стороны слишком уж ярко освещены). Оценили ее даже те, кому места в книге по каким-то причинам не осталось или досталась скучная роль статистов… Злые языки поговаривали, что некоторые гости едут на встречу исключительно за авторским экземпляром, который с гордостью можно потом показывать родне и приятелям, от игры далеким.

– Эй, молодые люди! – хрипловатый голос с легким налетом сарказма привлек внимание пары, когда они прятались на остановке от пронизывающей сырости. Транспорт ходил в этих краях нечасто, так что ждать его на ледяном ветру, возможно, пришлось бы долго.

Элеонора и ее супруг Хуан обернулись одновременно. Место было не особо людным даже в летний сезон, а по его окончании, тем более вечером в будний день, здесь едва ли можно было встретить живого человека. Жители ближайшей деревни обычно ходили на конечную.

Нарушителем спокойствия оказался пожилой мужчина, по-деревенски небрежно одетый, с морщинистой смуглой кожей и, напротив, очень светлыми глазами… Именно в этих глазах крылось нечто, совершенно не отвечающее его внешности – хитрость, азарт и удивительное, цепкое внимание. За плечом старик нес потрепанный мешок, а в руке держал длинную палку, с какой обычно ходят грибники. Тихо покряхтывая, он брел к остановке, которая сейчас поэтично напоминала спасительный остров в бушующем море отвратительной погоды. Подойдя поближе, прислонил «трость» к металлической ограде и еще раз одарил неожиданных встречных настолько пронзительным взглядом, что Элеонора поежилась.

– Здравствуйте, молодые люди, – хихикнул он. – Поздновато вы в наши края, нетуристический сезон, да.

– И ты будь здоров, отец, – хмуро отвечал Хуан. Он старался выглядеть приветливо, но на такой мерзкой погоде получалось с трудом. – Автобус-то скоро будет?

– Как будет – то только шоферам ведомо, – старик склонил голову набок, рассматривая собеседников. В такой позе он больше всего походил почему-то на старичка-лесовичка из детских сказок. Только и жди – то ли подшутит над ними, то ли совет запутанный даст. – Может – вовремя, может – покурить задержится, а может – футбол смотрит. Всякое случается.

– Да… – выдохнул молодой человек. – На наших дорогах

расписание – только на бумаге.

– Что поделаешь, – развел руками незваный гость, после чего взгляд его из ехидного вдруг стал серьезным, он помолчал немного и поинтересовался: – А вы, никак, на курорт собрались? Так ведь осень уже!

Хуан нахмурился сильнее. Мало того, что незнакомец слишком внимательно к ним приглядывался, он еще и зачем-то интересовался их делами. Вокруг – ни души, только кусты да заборы. А у них деньги… вдруг этот тип – наводчик? И все же следовало оставаться в рамках вежливости… *пока*.

– А тебе что за беда, отец? *Нам* ведь мерзнуть.

Старик хмыкнул и вдруг произнес спокойно, негромко, без хрипа и даже, как им показалось, немного помолодевшим голосом:

– Ехали бы вы отсюда в город, да поискали дом отдыха там.

Повисла пауза. Конечно, Элеонора и ее муж знали, что *деревенские* недолюбливают *городских* и предпочитают выжить из своих краев как можно скорее: дескать, без царя в голове, приезжают покутить, мусорят, орут, могут огороды потоптать, а то и пожечь, не дай Бог!.. Но они ничего такого и в мыслях не держали, да и выглядели более-менее пристойно, без излишней патетики и выпендрежа.

– Ты что это? – Хуан предупредительно сделал шаг вперед, заслонив плечом жену. – Какого ты нас гонишь?..

– Не в вас дело, – возразил старик, понизив голос и торопливо озираясь, как будто чего-то боялся, – А в месте. Пансионате этом проклятом…

– А что не так с ним? – настороженно поинтересовалась Элеонора, выглядывая из-за плеча спутника. При ней вообще опасно было говорить загадками – они пробуждали опасное любопытство. Даже если никаких фактов за словами собеседника не стояло, она еще несколько часов могла придумывать различные истории о том, что могло бы в них крыться и как это можно потом использовать в качестве удачного дополнения к сюжету.

– Гиблое это место, детки, – проворчал старик. – Дурное. Все время что-то случается… А вы молодые, вам жить и веселиться надобно…

Хуан застыл на месте, слова старика сбили его с толку. Он замер, растерянно обернулся к жене – та развела руками. Даже ей, человеку верующему и не чуждому мистики, реплика незнакомца показалась суеверным бредом. Молодой человек недоверчиво хмурился, женщина прищурилась, вглядываясь в морщинистое лицо собеседника.

Из-за горки тем временем послышался шум мотора: судя по всему, автобус все-таки решил появиться, причем весьма вовремя. Несколько секунд спустя он действительно перевалил за вершину холма, притормаживая перед остановкой.

– Уезжайте отсюда, детки, и не возвращайтесь, если собой и друзьями своими дорожите, – напутствовал старик. – Со-

вет вам да любовь.

– Спасибо, – буркнул Хуан. – И тебе с бабкой того же…

В автобус старик не сел – только помахал рукой паре на прощание. Само его появление и непонятное предостережение встревожили молодых людей. Элеонора сидела задумчивая, погрузившись в себя. Хуан не видел другого способа ее отвлечь или развеселить, кроме как свести разговор на какую-нибудь *незамысловатую* тему. Приятные воспоминания о смешных случаях с друзьями постепенно начали вытеснять дурные, так что в итоге те начали казаться не более чем наветами злых языков и постепенно забылись.

Подтверждения о получении и согласии приехать сыпались валом, равно как и сопутствующие вопросы: как с погодой и что в связи с этим брать с собой из теплых вещей, насколько далеко ехать на машине, ловят ли в районе сотовые телефоны и тому подобное. К ликованию организаторов с одной стороны и испугу – с другой, отказов насчитали только три: двое просто физически не смогли приехать из-за пребывания в дальнем зарубежье, а посему ограничились немного завистливыми пожеланиями удачно провести время, а третьим оказался житель Придонщины Мигель, отклонивший приглашение без объяснения причин. Впрочем, на сей счет многие вздохнули с облегчением: человек этот обладал удивительным свойством уже во вторую-третью встречу делать своими врагами даже самых миролюбивых.

Погода на выходные обещала быть отличной: не очень жаркой (хотя довольно теплой для начинающейся осени) и без осадков: то есть купаться уже не рекомендовалось, но вот гулять в свое удовольствие без риска простудиться – сколько угодно.

Лишь в четверг середине дня четверга все приготовления наконец завершились. Хуан с Элеонорой, прихватив помощников, чтобы было, кому править повозкой, поехали к станции встречать гостей.

Вид разодетых «не по-местному» людей, больше напоминавших актеров из фильма про мушкетеров, привлек бы, наверное, чересчур много внимания, если бы не будний день. Но уездный городок, к счастью, не Москва – толпе собраться неоткуда.

Элеонора задумчиво изучала длинный список гостей, помеченных галочками напротив подтвержденных приглашений, и гадала, как кто может выглядеть. Она знала в лицо далеко не всех, а фотографии очень часто не имеют ничего общего с оригиналом. Хуан отправился к ларьку за мороженым, черноголовец Марк кемарил на облучке, рискуя свалиться в близлежащую лужу… вроде бы, все складывалось удачно…

Ибарра вылез из электрички на указанной станции, подгоняемый ворчанием Ладрона Чавеса, приятеля из Екатеринбурга и кланового казначея, который ругался, что уже пере-

жил один поезд не так давно, а теперь его вновь заставляют куда-то тащиться по опротивевшей железной дороге. Поезд опоздал на час, и Ладрон прибыл злой и взъерошенный. Ему полдороги не давали спать соседи, еще полдороги – жара. Глоток холодного пива в псевдоирландском баре, конечно, несколько его взбодрил и успокоил растрепанные чувства, но не до конца… Обратно главный корабел сообщества под простецким названием «Альянс» твердо решил добираться самолетом: и быстрее, и терпеть соседей по купе не надо. Сам Фадрике также прибыл в Москву утренним поездом, но друга пришлось ждать, поскольку экспресс с Дальнего Востока приходил хотя и на соседний вокзал, но на несколько часов позже.

Здесь позволю себе небольшое отступление. Люди даже в игре предпочитают сбиваться в группы по принципу сходства идей, стремлений, целей. Так появляются кланы. Они, в сущности, мало чем отличаются от обычных клубов или просто молодежных сборищ. У каждого свои лидеры, свои герои, свои изгои. Они дарят чувство защищенности и упрощают житейские моменты… правда, иной раз центробежные силы доводят до крайности, возникает соперничество ради неизвестно чего, ссоры, интриги… доходит даже до открытых конфликтов. Здесь я позволю занять читателя небольшим комментарием. Мы с Генри представляем Реконкисту, самый многочисленный клан. Старшего

у нас зовут Призрак (для совсем узкого круга – Шторм), он отличный командир, но человек склочный и нервный, из-за чего снискал славу «Главного ворчуна Испании». То, что он на самом деле славный парень, за его характером разглядеть получается не у всех. Но разве дурное воспитание – порок?

На втором месте у нас Альянс, наши прямые конкуренты. Во главе у них – адмирал Алекс Рейн, человек неплохой, но слегка неуверенный в себе и обидчивый до ужаса; и Фадрике Ибарра, интриган почище кардинала Ришелье, каким его описал великий Дюма. Есть еще Доминиканцы. Почему они себя так назвали – Бог ведает. Ребята классные и не дураки подраться, но тяжелые на подъем. Да, прежде чем я снова удалюсь, хочу подытожить: какими бы мы все ни казались самостоятельными, как бы ни делились на группы и кланы, мы были и остаемся одной большой компанией, которая в трудный час поднимется по первому зову – тогда стираются и забываются все различия и формальности… И это большая удача, ибо не всегда, как ни жаль, мы бывали на это способны, начинался разброд и тогда неминуемо приключалась беда…

У станции, на первый взгляд, никого похожего на встречающих не наблюдалось… как и вообще *разумного населения* – помимо тех, кто вместе с троицей покинул электричку. Бабулька-торговка с семечками и картофелем возле лестни-

цы через пути, столь же древней, как она сама, и не внушающей абсолютно никакого доверия; пара шоферов маршруток, трое одиноких дачников, ожидающих поезда обратно… Словом, никого, хотя бы отдаленно напоминающего их знакомых, видно не было – даже привычного человека с табличкой и соответствующей красочной надписью, какие бывают на вокзалах и в аэропортах.

– Может, нас и не будут встречать? – осведомился Конор, боязливо оглядывая пустую платформу. – Или мы не вовремя приехали?

– Во всяком случае, должны были, – Ибарра решил успокоить зарождающуюся у друзей и его самого легкую панику (причем к какому именно из вопросов относился комментарий, осталось загадкой) и еще раз перечитал приложение к приглашению, полученное накануне по почте и предусмотрительно распечатанное. – А если мы и впрямь немного раньше срока – так подождем.

– Главное, чтобы местные не решили, что мы *к ним*, – мрачно добавил Чавес, но развивать мысль не стал.

– В любом случае предлагаю уйти с платформы, – предложил лидер Альянса, – иначе в толпе приезжающих нас могут проглядеть.

Он решительно направился к шаткой переходной лестнице. Друзья последовали за ним, не рискнув вслух комментировать то, что с легкой руки их спутника получило громкое название «толпа».

На другой стороне, за рядом ларьков, картина не сильно отличалась от той, что была заметна с перрона, разве что теперь стал виден старенький рейсовый «Икарус», которого до этого скрывал забор, отгораживающий пути от автобусных остановок, и довольно странного вида предмет, совершенно не вписывающийся ни в окружающую действительность, ни в представление гостей об этой самой действительности. Позади совершенно обычного магазина класса «сельпо» стояла бричка, запряженная упитанным, серым в яблоках тяжеловозом в праздничной сбруе. На козлах сидел мальчишка от силы лет четырнадцати, в шелковой рубашке, бархатных штанишках и высоких сапогах с отворотами. Он нетерпеливо перебирал поводья и пытливым взглядом изучал лица спускающихся с платформы людей. В стороне Ибарра заметил двоих верховых: парня и девушку, также одетых по моде, самое позднее, начала девятнадцатого века. Они о чем-то переговаривались, явно спорили. Не будь все трое свидетелями этой картины, каждый счел бы, что сошел с ума или ему просто от жары мерещится всякое.

Конор, с самого начала впившийся глазами в странную троицу, почесал в затылке, после чего произнес уверенным тоном:

– Держу пари, это за нами.

Чавес хмыкнул у него за спиной, Ибарра пожал было плечами, но, присмотревшись, все же начал подмечать в облике гостей из прошлого некоторые несоответствия (например,

наличие сотовых телефонов). Вариантов было два: ждать до онемения конечностей, пока их все-таки не опознают, либо рискнуть и привлечь к себе внимание, при этом без всякой гарантии, что юноша не ошибся в догадках. Он взглянул на озадаченного Конора, на Чавеса, неуверенно переминавшегося с ноги на ногу… нет, *просто ждать* – плохая идея.

– Предлагаю проверить, – произнес он беспечным тоном и, не дожидаясь, пока друзья ему что-то посоветуют или возразят, шагнул вперед и помахал рукой верховой паре. Молодые люди перестали спорить (судя по всему, предметом дискуссии были именно прибывшие), парень прищурился, переглянулся со спутницей – та ответила уверенным жестом, а потом легонько тронула пятками своего вороного.

Ибарра предпочел последовать ее примеру, и уже через пару шагов окончательно убедился в правоте Конора, ибо с такого расстояния уже можно было заметить сходство с фотографией. Без сомнения, девушка в легком колониальном платье времен испанского владычества на Карибах, была не кто иная, как их хозяйка – Элеонора Райанс.

– *Буэнос тардес, амиго*! – приветствовала она гостя звонким голосом и наклонилась в седле, протягивая руку для пожатия.

– И ты здравствуй, – улыбнулся Ибарра, отвечая на рукопожатие и украдкой облегченно вздохнув: он до самого конца боялся обознаться и принять за друзей каких-нибудь актеров или исторических реконструкторов, коих в окрестно-

стях крупных городов по теплому времени развелось чрезвычайно много. Вот смеху-то было бы! – Прелестно выглядишь.

– Спасибо, – улыбнулась всадница, поглаживая черную гриву коня, на поверку оказавшегося кобылой. – Как добрались? Без лишних приключений?

Ибарра взглянул на Чавеса и усмехнулся, после чего ответил уклончиво:

– Не сказать, чтобы плохо.

Элеонора мягко улыбнулась и сделала жест мальчишке на козлах. Тот встрепенулся, тронул поводьями бока серого, и жеребец вальяжно потянул повозку к ступенькам, где ожидали Конор и Ладрон.

– Ваши вещи уже доставили, – сообщила Элеонора. – А вам остался последний этап, но здесь чуть-чуть.

– Уж гораздо приятнее, чем в поезде, – проворчал Чавес, забираясь в шаткую повозку. Хотел он поблагодарить или уязвить – осталось тайной его хитрого мозга. Конору же в самом деле было любопытно, он постоянно вертел головой и засыпал маленького «кучера» многочисленными вопросами. Правда, нужных ответов он, по большей части, не добился, поскольку паренек загадочно улыбался и отвечал стандартным: «Узнаете на месте». Ибарра сидел в раскачивающейся повозке на деревянной скамейке, покрытой ковриком, и усмехался в усы.

– Ну, вы и выдумщики! – бросил он догнавшему их Ху-

ану. Они с Элеонорой то отставали, то уезжали вперед: их пылким рысакам было скучно просто медленно брести рядом. – Я, конечно, подозревал сюрпризы, но о таком даже не подумал.

– Подозреваю, что это не последний, – поддержал уже несколько «оттаявший» Чавес. Поездка в ландо на открытом воздухе явно подействовала на него благоприятно, он воспрянул духом и повеселел, даже усталая бледность начала исчезать.

– Много уже народу собралось?

Хуан пожал плечами.

– Из Реконкисты Альваро, из Доминиканцев – Флинт и Шурик, из ваших – пока только Пьер.

– В таком случае одного ландо будет мало, – засмеялся Конор.

– Не проблема, – спокойно отвечал молодой Гранд. – Выкатим еще одно.

Фадрике еще раз с усмешкой покачал головой. Гранды всегда славились своими странностями (в хорошем смысле) но он с трудом представлял, как далеко их энтузиазм может зайти. Сам он едва ли стал бы тратить столько усилий на мелочи, хотя без них сюрприз потерял бы половину своей красоты и шарма, превратившись в тривиальные посиделки с выпивкой. Он поймал себя на том, что с нетерпением ждет начала «мероприятия». Если «вступление» таково – что же будет дальше?..

– Знаешь, Хуан, не нравится мне местное «коммунальное обслуживание», – поморщился Десс, его старший помощник по клану, с недоверчивым прищуром разглядывая тонкие провода, вившиеся по углам стен и косякам.

– Мне тоже не очень, – развел руками хозяин мероприятия. – Но нам большой расход и не нужен.

– Я не об этом… – пробормотал Десс, явно думая о чем-то своем. – В любом случае придется притащить генератор. Мало ли что…

Он проводил взглядом Пьера и руководителя «группы поддержки», которые, стараясь сохранять бодрый вид, тащили по коридору в главный зал здоровенные колонки от звуковой системы. Следом за ними прошествовал Дас, обмотанный проводами и розетками так, что напоминал ходячую катушку. Подготовка шла в авральном режиме: уже начали прибывать и размещаться гости. Молодежь Грандов вместе с Элеонорой пока развлекали их прогулками по парку и конными поездками (тех, кто не боялся лошадей, конечно).

– Сколько у нас еще времени? – нахмурился молодой человек.

Хуан неторопливо извлек из внутреннего кармана пристегнутые к жилетке часы на цепочке, откинул крышку и взглянул на циферблат, прищурившись от недостатка света.

– Часа четыре.

– Всего? – Десс насупился еще больше. – Хреново…

– Из тех, что мы можем себе позволить… А мне сейчас ехать встречать очередную партию.

– Еще лучше! А кто-нибудь другой не может составить нашей донье компанию? – молодой человек поскреб затылок под банданой. – Без тебя я тут один не справлюсь.

Собеседник задумчиво пожал плечами.

– Хм… Те, кто хорошо ездит верхом, еще не прибыли…

– Хуан! – возглас директора черноголовского клуба заставил обоих обернуться. Молодой человек в пыльной рубашке, завязанной узлом, и не менее грязных джинсах стоял, поигрывая молотком, в дверях зала. – Не одолжишь ключ от дальних комнат с реквизитом?

Хуан непроизвольно вздрогнул. Комнаты с реквизитом находились как раз в непосредственной близости от злополучной запертой части здания. Гостям настрого запретили отпирать двери и срывать с них пломбы. Почему-то в памяти всплыли слова незнакомого старика на остановке… но он быстро отогнал их.

– В чем дело, дружище? – в голосе собеседника зазвучали недоверчивые нотки, а взгляд сделался еще более пронзительным.

– Ерунда, – отмахнулся тот с присущей ему беспечной улыбкой. – Задумался. Сейчас дам ключи, конечно.

Повозка тряслась по дороге, мерное поскрипывание рес-

сор вторило не менее ритмичному перестуку копыт неторопливо бегущего серого. Колокольчики на дуге неровно позвякивали, к тому же за остальными звуками их было едва слышно. Темноволосый и худой, как щепка, парнишка-кучер и его спутник, высокий брюнет квадратной комплекции с деревенским лицом, сидели на козлах и весело болтали об оружии. Блондин Грейди дремал, свесив голову на плечо (друзья подозревали, что первым его ощущением при пробуждении будет дикая боль в мышцах и уже заранее ему сочувствовали). Призрак смотрел по сторонам: для него, уроженца юга, среднерусская равнина была не новым, но и не таким уж привычным зрелищем. Моложавый, худой адмирал Реконкисты по прозвищу Ветер, с вечно хитро-задиристым выражением лица, даже в спокойном настроении, листал красочную книжку, которую стрельнул у встречающих ребят. Там хватало довольно точных иллюстраций и чертежей кораблей, так что окружающее пространство на время перестало для него существовать. Генри в повозке читать не мог: постоянно отвлекался – потому был удивлен и даже немного завидовал товарищу по оружию. Он и так выделялся всерьез – крупный, высокий, немного смахивавший на аккуратного бандита из сериала про УГРО. Он никак не мог подобрать костюм под свою внешность, даже волосы за месяц отпускать начал, чем страшно шокировал всю родню.

Друзья почти не разговаривали, при этом без видимой причины: обиды меж ними не было. Создавалось впечатле-

ние, что они все еще живут «каждый в своем компьютере». Для них общий сбор был чем-то новым, необычным, а потому следовало еще к этому факту привыкнуть и разобраться, с чем его едят… К тому же большинство их друг друга раньше в глаза не видели, разве что на фотографиях. Они, даже встретившись на вокзале, долго не могли признать своих. Если бы не общительный Грейди, то, наверное, уйма времени ушла бы на нахождение контакта.

Вдоль дороги тянулись по одну сторону – поля и рощицы, по другую – дачные домики. народу на улице почти не было, несмотря на отличную, хотя ветреную и прохладную, погоду. Листья кое-где уже пожелтели, на деревьях за заборами висели яблоки и груши, и все гости без исключения вспоминали детство, и каждый хотя бы раз поймал себя на желании подбежать к забору, вскарабкаться на него и потрясти тяжело обвисшие ветки. Этот самый огонь Генри заметил в глазах у Ветра и подумал, что, наверное, сейчас выглядит примерно так же.

Дорога свернула в поля, пересекла короткий мостик и потянулась, петляя, к роще на горизонте. Именно у края этой рощи их и ждала первая неожиданная встреча (точнее, уже вторая – предыдущая была на платформе, когда к всеобщему удивлению их прибыли встречать ребята в средневековых костюмах, на ландо запряженном толстым ухоженным тяжеловозом). Призрак посетовал, что у повозки нет крыши, и они совершенно не защищены от негаданного налета сти-

хии, но это было, пожалуй, единственным мрачным моментом за все время путешествия от станции.

Сперва послышались веселые голоса (один – мужской, другой – женский), которые переговаривались между собой на каком-то странном варианте испанского, вплетая слова и фразы из совершенного другого, неизвестного им языка. Когда они подъехали ближе, упряжной жеребец громко всхрапнул и замотал головой, а из рощицы донеслось басовитое ржание. Маленький кучер натянул поводья, сильно отклонившись назад, так что даже уперся в спину Ветра, и повозка медленно остановилась. Тем временем среди редких ближних березок мелькнули тени, и из-за них показались двое верховых. Крепкий молодой человек в старинном костюме и лихо заломленной шляпе восседал на статном гнедом жеребце, который двигался, высоко поднимая ноги и изогнув дугой шею, как на параде. Его спутница, хрупкая (и казавшаяся еще меньше в черном бархатном костюме, также на испанский манер) ехала рядом на черной, как ночь, тонконогой кобылке, совершенно не желавшей идти спокойным шагом и постоянно гарцующей. Эта парочка скорее напоминала ожившие портреты откуда-нибудь из Прадо или, в крайнем случае, из Эрмитажа или Третьяковской галереи.

Генри, сидевший лицом по ходу движения, несмотря на это, не сразу выделил парочку из окружающего пейзажа: так естественно она в эту дикость вписывалась. К тому же, он был настолько поглощен собственными размышлениями,

что мозг его не в состоянии был провести сколько-нибудь грамотный анализ ситуации. К реальности его вернул Призрак, который бесцеремонно распихал дремлющего Грейди и хмуро поинтересовался:

– Меня глючит или здесь кино снимают?

Грейди открыл глаза и какое-то время тупо смотрел перед собой, еще не окончательно вернувшись из мира сновидений. Потом протер глаза, неизвестно чему улыбнулся и обернулся в ту сторону, куда показывал спутник, на всякий случай ухватившись за металлический поручень, будто боялся вывалиться из повозки и потеряться. Примерно минуту он пристально смотрел на приближающуюся пару, для удобства прищурив один глаз, а потом пробурчал недовольным тоном человека, которого разбудили среди ночи после трудового дня и заставили работать переводчиком-синхронистом:

– Что ты мне мозг ешь? Это ж Элли с Хуаном.

Он вновь завернулся в куртку, поерзал, устраиваясь поудобнее, и явно приготовился спать дальше, но на сей раз отпускать его в «сладкое путешествие» в планы спутников не входило.

– То есть, как *Элли с Хуаном*? – недоверчиво переспросил Призрак. А Ветер отложил книгу и с любопытством прислушался к их разговору, после чего сам решил обернуться и проверить. Он плохо помнил верхушку Грандов в лицо, тем более в таком виде, но стремление установить истину пересилило.

– Так и есть, – буркнул Грейди. – Что я, *их* не узн*а*ю, что ли? После того как столько раз встречались? Не такая уж у них заурядная внешность…

Генри, которого тоже оторвали от размышлений и воспоминаний о далеких битвах на пиксельных просторах воображаемых морей, заставил себя присмотреться к парочке, подъехавшей уже совсем близко. У парня на гнедом была почти аристократическая внешность, темные слегка вьющиеся волосы, спокойный внимательный взгляд и приветливая, добрая улыбка. Таким, наверное, и должен был в средние века представать перед гостями хозяин замка. Он коротко, по-военному, кивнул, приветствуя гостей. Призрак в ответ расплылся в довольной улыбке.

– Ну, вот теперь-то я вас разглядел! – произнес он таким тоном, будто Грейди и не говорил ничего, а была то его, Призрака, личная догадка. – Здор*о*во, Хуан. Привет, Элеонора.

Хуан коротко салютовал, придерживая второй рукой поводья, поскольку ушлый гнедой, почуяв свободу, при первой же возможности куда-нибудь устремлялся.

– Ну, вы и меняетесь! – присвистнул Ветер, встречая старых знакомых радостной улыбкой. – Ни за что бы не подумал! Однако смотритесь…

– И мы вас тоже рады видеть, – произнесла женщина мелодичным голосом человека, который в жизни привык делать две вещи – петь и повелевать.

Она была молода, много моложе заявленного возраста

(по крайней мере, с виду), хрупка, с таким же пытливым взором и теплой, кроткой улыбкой… Но в глубину ее темных зрачков почему-то заглядывать не хотелось: возможно, из опасения увидеть в них правду не только о себе, но и о ее личных планах насчет встреченного человека. Что-то в ней привлекало, приковывало взгляд, причем даже не внешность и не элегантность, что-то иное, что «горело внутри, а не подсвечивало снаружи».

– Привет, Грейди, – произнесла она, слегка наклонив голову. – Привет, Призрак, привет, Ветер. Я вас сразу узнала, хотя мы и виделись всего один раз, в Севастополе. Как добрались?

– Могло быть и лучше, но дороже, – усмехнулся Ветер, легонько сжимая протянутую узкую ладонь. Для этого пришлось встать, а заодно и взяться за поручни во избежание выпадения из шаткой повозки. Ветер, хотя и отличался худощавым телосложением, но вовсе не был хлипким, а потому вполне мог резким неосторожным рывком пошатнуть «почву под ногами» не в свою пользу. – Но мы здесь – а это главное.

– Верно, – засмеялась молодая женщина. – Дальше, чем вам, ехать было только Чавесу.

Призрак кивнул и пробормотал что-то по поводу неудачного прогноза погоды на выходные, и что неплохо было бы убраться с промозглого сквозняка в помещение, а то у него скоро начнет отваливаться спина.

– Призрак в своем репертуаре, – усмехнулся Хуан. Элеонора согласно кивнула.

– Если заработаешь радикулит, то мы знаем, как с этой напастью справиться, – заверила она, – так что не изволь волноваться… Но теперь, – добавила женщина, хитро прищурившись, – я точно убедилась, что вы – это вы. Кто кроме нашего Призрака умеет так восхитительно бурчать?

Лидер Реконкисты бросил на нее полный ироничного укора взгляд, но смолчал. За ним давно водилась привычка все комментировать недовольным тоном, и старые знакомые даже различали по интонациям, что он хотел донести до слушателей. Он мог ворчать удивленно, когда происходило что-то необычное и не сразу ему понятное, мог ворчать рассерженно, когда кто-то или что-то его нервировало, мог ворчать задумчиво, когда уставал, ну, или просто ворчал, потому что ему захотелось поворчать. На него не обижались, ибо без толку, а только тихо посмеивались. Когда Элеонора расспрашивала друзей в игре по поводу одной своей рукописи, в которой фигурировали имена некоторых из них, Призрак, вместо «за» или «против» пробурчал: «Зачем это надо?». Тогда это вызвало у молодой доньи Грандов Моря сочувственную улыбку.

Элеонора тем временем перевела взгляд на четвертого пассажира повозки, и Генри стало неловко от прямого пронзительного взгляда. Создавалось странное впечатление, что его просвечивают рентгеном, и не сказать, чтобы ощуще-

ние это было приятным. Но все же он посчитал чересчур неосмотрительным стесняться, и потому нашел в себе силы ответить на ее взгляд в том же стиле, пусть это и стоило ему некоторых моральных усилий. Более того, Генри был удивлен и заинтригован: никто прежде так смело на него не смотрел – прямо в глаза, с вызовом, да настолько пристально, что возникало желание проверить, нет ли в тебе пары прожженных дыр.

– А вы, сеньор, стало быть, Генри? – произнесла она наконец, слегка растягивая слова, как бы раздумывая, что делать с гостем, и продолжая тем временем его разглядывать, но теперь уже больше с иронией, чем испытующе. – Хм…

Это последнее «хм» заставило молодого человека внутренне вздрогнуть: оно прозвучало как-то чересчур уж значительно и неоднозначно. Генри также поднялся на ноги, стараясь не пошатнуться, и поймал протянутую для пожатия руку. Ладонь хозяйки была холодна, как неживая, но пожатие – крепкое и цепкое, словно у человека, который привык все держать под контролем. Генри недолюбливал таких людей, отчасти потому что побаивался, но редко себе в этом признавался – разве что наедине, где сам-то не всегда мог себя подслушать. Впрочем, несмотря на холодность рук, приветствие вышло теплым и дружеским, поэтому молодой человек списал все на прохладную погоду и предпочел забыть. Ему не слишком нравилось, что на него взирают свысока, но, уважая право хозяев, он не стал никак демонстрировать

недовольство.

– Много народу уже приехало? – поинтересовался Ветер с любопытным азартом, как будто и впрямь вел соревнование с другими кланами за первенство. Ведь первым всегда достаются лучшие места… ну, если не *всегда* – то *как правило*.

– Порядочно, – усмехнулся Хуан и добавил ничего не значащим тоном: – Верхушка Альянса уже здесь, если ты об этом. Доминиканцы пока не все…

Ветер молча улыбнулся – не то кисло, не то загадочно, Призрак прокомментировал что-то себе под нос, а вслух осведомился насмешливо-недовольным тоном:

– И как вы будете размещать такую ораву?

– Не извольте беспокоиться, – произнес молодой Гранд, коснувшись края шляпы, – места хватит всем.

Лидер Реконкисты удовлетворенно кивнул, но больше ничего спрашивать не стал. Элеонора сделала знак Марку, и тот тронул повозку с места, легонько хлестнув серого поводьями по упитанным бокам.

– Добро пожаловать, друзья мои! – она подняла руку в перчатке, то ли в жесте прощания, то ли призывая к вниманию. – Мы поедем вперед. Встретимся у крыльца.

Она развернула кобылу, подняв ее на свечку, и поскакала назад к роще.

– Повезло тебе, – двусмысленно бросил Ветер Хуану, который немного задержался. Молодой Гранд только усмех-

нулся и, также развернув лошадь, отправился догонять жену.

– Удивительные люди… – пробормотал Призрак без тени иронии или недовольства, лишь с легким налетом непонимания.

– Это точно, – поддержал Генри, снова погружаясь в собственные мысли. Уже на грани сознания он услышал, как Грейди произнес уважительно:

– Неудивительно, что она пишет книги – это ж каким воображением и упорством надо обладать! – и мечтательно добавил: – Жаль, что все это не на самом деле. Было бы интересно посмотреть, как люди *там* жили…

– Типун тебе на язык, – неожиданно резко даже для самого себя бросил Призрак, заставив вздрогнуть и поежиться всех спутников. Генри не понял причины странной реакции лидера клана, но фраза друга почему-то его насторожила. Откуда-то вновь появилось тревожное предчувствие, которое молодой человек постарался побыстрее и поглубже закопать.

Он взглянул вверх. Небо было чистым и ясным, разве что на самом горизонте с востока тянулась узенькая полоска облачности. Однако она была далеко, да и ветер не с той стороны… Едва ли дождь начнется совсем неожиданно. А какие еще могут быть неприятности здесь? *Местные*? милиция? До ближайшего населенного пункта километров пять, кто же потащится в такую даль? Разве что случайные заплутавшие, или дикие звери, но, по слухам, в этих краях видели только

мелких – белок, иногда зайцев, максимум – лис. Даже бродячую собаку здесь встретить было не так-то просто. Следовательно, самой серьезной опасностью оставалось случайное пищевое отравление или случайная же травма при падении, скажем, с лестницы. Значит, волнение – пустое. Посему он решил взять пример с Грейди, который уже снова успел задремать, и блаженно закрыл глаза: повозкой ему не править, куда-нибудь их точно довезут.

Распределение мест за столом Ибарру не устроило. Конечно, замысел хозяев был ясен: примирить во что бы то не стало непримиримых конкурентов. Спорить с ними – дело гиблое, тем более что предъявить-то особенно нечего. Чавес оказался на другом конце стола, Конору тоже повезло – с одной стороны всегда дружелюбные и веселые Доминиканцы, Шурик с Флинтом, с другой – добродушный толстяк Даниэль. Рейн, который сразу завел разговор с кем-то новеньким – судя по всему, тоже из Грандов, а вот Вальдес, их легендарный боец и главное оружие против ударного блока конкурентов, как всегда, запаздывал… Фадрике разочарованно обвел взглядом зал. Конечно, оказаться рядом с друзьями Грандами, устроителями праздника, было приятно и почетно, но зато сидеть напротив Призрака, его вечного и постоянного противника, мягко говоря, *сложновато*. Порой даже дипломатичной хозяйке не удавалось его угомонить.

Кроме своих, Призрака мало кто любил – за удивительное умение самыми простыми фразами выводить людей из себя: то ли причина крылась в вечно недовольном тоне, то ли он не умел выбирать выражения, но впечатление от общения с ним чаще оставалось негативным. Конечно, лидер Альянса и сам не мог похвастаться абсолютной непогрешимостью: водилось за ним умение обижаться на мелочи. Тем не менее, теплых чувств к лидеру Реконкисты это не добавляло… а тут еще и конкуренция… Поначалу он даже хотел поменяться с кем-нибудь местами, но желание общаться с друзьями пересилило. В конце концов, никто не заставляет его беседовать со всеми подряд!.. Так что он решил пока оставить свое мнение при себе.

Элеонора бродила по залу от компании к компании, с каждым здоровалась, обменивалась несколькими фразами об игре и жизни. Как она успела выяснить так много обо всех и найти для каждого интересующую только его тему, оставалось загадкой. Было неудивительно, что многие присутствующие, хотя и не могли ее понять, но уважали. Она действительно отличалась от большинства девушек в игре: ее не интересовали романтические отношения и все то, что должно по всем правилам привлекать женщин. Сперва Ибарре казалось, что ее манит только власть: женщин с сильным характером часто занимает именно эта сторона жизни. Но Эл сумела ее добиться без особых усилий – легко, играючи… И что же? Она с радостью разделила эту власть с остальными. Стран-

но… Что же тогда ее влекло? Да, она любила играть, любила примерять на себя разные роли, но без всякой *видимой* цели.

Эта женщина была «темной лошадкой»: пришла неизвестно откуда, взлетела высоко буквально за месяц, чтобы блистать. Причем никто не заметил как (ранее таким «птичкам высокого полета» редко что-то удавалось – как взлетали, так и падали, и ничего им больше не оставалось, кроме как стать рядовым членом какого-нибудь клана). Она была одновременно со всеми и ни с кем, всегда любезна и приветлива, но стоило переступить незримую черту, как прелестница превращалась в фитиль бочки с порохом, и некоторые на такой бочке уже подорвались. Конечно, она жаждала внимания и всеобщей любви, но не той, о которой мечтает большинство: любви, о которой грезила она, обычно удостаиваются короли. Но мало просто стремиться к этому – таким, наверное, надо родиться… А она хотела добиться сама – и добилась: ее любили многие, и она платила им тем же.

Кто-то окликнул Ибарру по имени, он обернулся и увидел Конора.

– Скучаешь? – поинтересовался юноша, задумчиво разделяя на дольки очищенный мандарин.

– Наблюдаю, – отозвался тот, переводя меланхоличный взгляд с одной компании на другую. – А ты, я вижу, уже со всеми перезнакомился?

– Только с опоздавшими не успел, – смущенно признался собеседник. – Надеюсь, до начала пиршества наверстаю. Хо-

телось бы увидеть наших бравых испанских адмиралов воочию.

Фадрике поморщился: упоминание о Реконкисте (тем более, о ее лидерах) подпортило настроение.

– Я и с Хуаном успел поговорить, – продолжал хвастаться он, – и знаю о нашей маленькой проблеме.

– О какой это? – нахмурился лидер Альянса, смерив друга пристальным взглядом.

– О той, что здание старое, часть его даже заколочена, а ближайшие живые люди – километров за десять-пятнадцать, рядом только детские летние лагеря да колхозные поля. Пробки мы заменили, но если что-то случится – жить придется при свечах.

– Это и так может потребоваться, – произнес уже третий голос, в котором оба друга узнали хозяина праздника.

Взглянув на адмирала Грандов, они едва удержались от смеха: вид у Хуана был по меньшей мере странный. Поверх роскошного бархатного камзола через плечо у него висел длинный моток провода и сумка с инструментами, а на поясе рядом с красивой старинной шпагой были закреплены рулетка и прибор для измерения напряжения.

– Ну и вид у тебя! – присвистнул Конор.

– А что тебе не нравится? – с наигранной обидой поинтересовался Гранд.

– Не, все в порядке! – собеседник поднял руки в знак примирения. – Просто не знал, что в средние века уже изобрели

электричество.

Хуан хмыкнул, а Ибарра, которого гораздо больше интересовали факты, чем дружеская перепалка, осведомился ничего не значащим тоном:

– А почему ты считаешь, что у нас могут быть какие-то сложности? Конор тут заявил, что проводка исправна, а пробки вы заменили.

– Это верно, – согласился организатор вечеринки. – Но ты предупреждение по радио слышал?.. Хотя откуда… – он махнул рукой и добавил: – Гроза идет. По району штормовое предупреждение объявлено, так что, возможно, придется свет отключить, если будет риск.

– Понятно, – невесело усмехнулся лидер Альянса и развел руками: – Что ж, тогда будем сидеть при свечах и каминах, как в средние века. Ничего не поделаешь!

– Точно!

– Ладно, тогда оставлю вас, развлекайтесь, – произнес Хуан, – надо вернуть на место это неисторичное оборудование.

– Как ты думаешь, про грозу – это не слухи? – поинтересовался Ибарра у Конора, когда друг удалился, и они снова остались вдвоем. – Синоптики ведь часто ошибаются.

– Не знаю, – пожал плечами собеседник. – И что это тебя так испугало? Грома боишься? А как же твои пушки?

– Да ну тебя! – отмахнулся Фадрике. – Просто предчувствие нехорошее…

– У-у! – протянул Конор восторженно, хлопнув друга

по плечу. – Так ты у нас пророк!

– Тьфу на тебя! – рассердился собеседник. – Я серьезно.

– А я тоже, – не моргнув глазом, заявил юноша и рассмеялся. Ибарра тоже улыбнулся: соклановец всегда смеялся так заразительно, что умудрялся поднимать настроение даже ипохондрикам. – Зря Мигель не приехал, – добавил он, запихивая остатки мандарина в рот, – он много потерял. Здесь так весело! А будет, наверное, еще круче: Гранды какие-то сюрпризы обещали.

– Обещали – значит, будут сюрпризы, – согласился собеседник, хотя сюрпризов он почему-то ожидал неприятных, и вовсе не от устроителей праздника. С чего, казалось бы?.. У него раньше не было таких стойких предчувствий. Интуиция – та регулярно срабатывала и подводила очень редко… если он, конечно, следовал ей, а не махал на нее рукой, что проделывалось частенько. – А Мигель – этот любитель портить всем настроение – действительно много потерял…

Конечно, Мигель приехал!.. только никто, кроме самого Мигеля, об этом не знал. Он тоже получил приглашение на вечеринку, но усмотрел в нем исключительно издевку. А даже если приглашающая сторона об этом и не помышляла, всё равно встреча с лидерами кланов для него была хуже пития прокисшего пива на сорокаградусном морозе. Сам он никогда этого не делал, но по слухам – занятие отвратное. Конечно, стоило появиться хотя бы ненадолго, чтобы

«идеологические противники» не сочли его трусом, но все это – потом. Он опоздал сознательно, чтобы если и приехать на встречу, то ближе к полуночи, когда б*о*льшая часть гостей, как он полагал, будет уже навеселе.

Главной его целью было поговорить с Элеонорой. Он готов был смириться с любыми ее действиями, но только не с последним. Мигель давно забыл, кому наговорил гадостей, а кого оскорбил: ложь в любой форме была для него делом обычным. Жить без обмана, с его точки зрения, просто невозможно, тем более, если обман во благо. Глава Грандов могла молчать долго, но ее гнев вылился в самой неожиданной форме. Не так давно достоянием игроков стала некая рукопись. Вроде бы событие, пусть и незаурядное, но вполне безобидное: роман в стиле Александра Дюма об исторических событиях в Испании, с легким налетом мистики – беда была в том, что вместо обычных книжных героев там выступали участники его любимой онлайн-игры. В целом, книга пришлась по вкусу читателям, ребята подшучивали над собственными и чужими недостатками, ловко выставленными хитроумным автором напоказ, радовались или грустили за своих героев…

Никаких оскорблений или откровенной лжи в рукописи не было: каждый увидел себя таким, каким выглядел со стороны, но Мигелю показалось, что в нем самом слишком уж много смешного. Он был изображен даже не отрицательным героем, а шутом гороховым, над ним потешались все, кому

рукопись попадала в руки, еще немного – и слухи расползлись бы, как тараканы. Надо было срочно что-то делать. Вот он и решил поговорить с Элеонорой – может быть, попросить прощения, может быть, пригрозить, может быть, переубедить – словом, неважно как, но заставить ее изменить своего героя. А то почему это какому-то Генри или Конору – все лавры, а ему – ничего. Ладно бы она еще только своих соклановцев прославила, а то ведь всех – *всех, кроме него*! Словом, Мигель считал себя незаслуженно обиженным и жаждал восстановления справедливости, причем до того, как книга выйдет в свет.

Как Мигель добирался до Москвы – это была отдельная история. Казалось, все было против него: и МПС, которое не хотело продавать билеты на поезд, прикрываясь их отсутствием, и знакомые с родственниками, дружно решившие свалиться на его голову в самый неподходящий момент, и начальник, не желавший отпускать с работы, и погода, что перед самым его отъездом начала портиться и не улучшалась в течение всей дороги. Поезд опоздал на четыре часа, потом никак не получалось найти подходящую электричку… Когда он прибыл на станцию назначения, все встречающие, разумеется, уже уехали. Было около одиннадцати вечера, с востока надвигалась гроза, на горизонте вспыхивали зарницы, хотя раскатов слышно еще не было. Мигель поймал машину до пансионата, но возле поворота водитель почему-то остановился, высадил его и заявил, что дальше не поедет, даже

за двойную плату. И слепому было бы видно, что он чего-то боится, но Мигель списал все на дурную погоду (автомобилисты редко ездят в ливень: видимость ноль, да и гроза – штука страшная, а добраться в гараж до ее начала он бы явно не успел). Идти было недалеко: за четверть часа он легко добрался бы, да и раскрывать свое появление не хотелось. Так что Мигель расплатился с водителем за проделанный путь и отправился дальше пешком.

Примерно минут пять спустя он понял, что ошибся: путь оказался длиннее, чем предполагалось, к тому же поднялся резкий ветер, который почти сбивал с ног и пробирался под одежду. Уже стемнело, наползли тучи, и стало настолько промозгло, что оставаться на улице категорически не хотелось. Но надо было идти: мысль о ночевке в ближайшем селе (за несколько километров отсюда), а то и вообще на улице или в здании вокзала приводила в еще больший ужас. Он даже едва не заблудился.

Вдали уже слышались приглушенные раскаты грома, воздух был наэлектризован, и тут Мигелю стало по-настоящему страшно. Не хотелось бы оказаться самой высокой и обвешанной металлом фигурой посреди голого поля! Он прибавил шагу.

К пансионату вышел неожиданно: это оказалось огромное мрачное здание в стиле начала девятнадцатого века (в прошлом, очевидно, усадьба). Наверное, при дневном свете оно выглядело более привлекательно, но сейчас было другое де-

ло. Вдали виднелась крытая стоянка с несколькими машинами и двумя конными повозками, из сарая за ней слышалось тихое ржание лошадей. Где вход, непонятно: освещены были только окна в центре здания (видимо, главный зал, где и проходило веселье), но все двери поблизости оказались запертыми. Возможно, их закрыли еще перед началом, оставив запасной вход… Вот только где он?.. Лезть на балкон второго этажа он был не готов, хотя это и выглядело бы романтично и вполне в стиле того времени, которое они там моделируют. Мигель с тоской и завистью взглянул на освещенные окна, из-за которых доносились звуки музыки и голоса. Веселятся, сволочи! А он здесь мерзнет… Он уже готов был пожалеть, что не принял приглашение сразу, но взял себя в руки. Сперва дело, развлечения – потом. А потому надо встретиться с Элеонорой наедине: в компании поговорить с ней (а уж тем более – убедить в чем-то) не получится… Но сначала надо найти туда вход…

Раскат грома, прозвучавший совсем близко, заставил его поторопиться. Он обошел дом практически кругом, но все двери были либо заперты, либо вообще заколочены. Он так засмотрелся по сторонам, что едва не провалился в сквозь ветхую крышку в подвал. С минуту Мигель, тихо ругая тех, кто понаставил вокруг капканов, выбирался из ямы и поднимался на ноги, потом осторожно огляделся. Дверь в подвал оказалась просто прикрыта. Кое-как нашарив выключатель, Мигель приоткрыл ее и заглянул внутрь. Там было пу-

сто и пыльно: сюда явно давно никто не наведывался. Но тем не менее, подвал – это вход в дом! Даже если он изолированный, наверняка там есть хотя бы пожарная схема помещения: вдруг остались двери, которые он просто не заметил? Или аварийные выходы, на худой конец…

Снова громыхнуло, окрестности осветила яркая вспышка, в которой особняк предстал перед припозднившимся гостем в еще более зловещем облике. Мигель на мгновение замешкался. Соваться наудачу в темный подвал, полный скрытых опасностей – занятие довольно рискованное: мало ли какие грабли там могут храниться?.. Но оставаться под грозой без крыши над головой было еще неприятнее. В конце концов, в подвале есть свет – авось не заблудится! Пожелав самому себе удачи, Мигель стал медленно спускаться…

К счастью, он успел захлопнуть дверь прежде, чем ударила молния и упали первые капли.

Грейди остановил лошадь и запрокинул голову. Тяжелые тучи заволокли почти все небо, оставив только узенькую полоску далеко на западе. А ведь когда уезжали из пансионата, оно было чистым! Что за невезуха? А они-то намеревались покататься вдоволь и вернуться самое позднее сразу после начала банкета. Нэлл Морган уговорил их прокатиться верхом, и пускай они с Генри были не ахти какие наездники, согласились хотя бы просто с целью потренироваться. При виде того, как лихо гарцуют Гранды, их тоже потянуло по-

пробовать.

Вдали прогрохотало, Алекс снова взглянул на небо.

– Ну, ты и гоняешь! – Генри догнал друга и, остановив своего мерина, вытер лоб тыльной стороной ладони. – Шумахер! Лошадь, случайно, не Феррари зовут?

– Нет, Цитадель, – засмеялся Грейди, но его всем известный радостный смех на сей раз почему-то прозвучал неубедительно. Генри это сразу же почувствовал. Он подъехал поближе и пристально взглянул другу в лицо.

– Что случилось, дружище? – поинтересовался он.

– Погода портится, – задумчиво протянул тот, но что он на самом деле хотел сказать этой фразой, объяснить не смог.

Генри тоже забеспокоился, бросил косой взгляд на небо, но ничего подозрительного не заметил. Он еще раз вопросительно посмотрел на друга, а потом пожал плечами.

– Ничего особенного. Гроза как гроза.

– Это у вас в Питере, может быть, *ничего особенного*, а в наших краях такое бывает нечасто, – задумчиво протянул Грейди, поглаживая рыжую кобылу по густой гриве.

– В Москве?

– Нет, там, откуда я родом.

Генри не успел расспросить подробнее, потому что до них донесся топот, и из-за деревьев выехал Нэлл. При даже *условно* посторонних молодой человек задавать вопросы не любил.

– Может, обратно поедем? – поинтересовался Нэлл. – А то

поздно уже, да и тучи эти мне как-то не очень нравятся. Приедем мокрые насквозь – как к нам хозяева отнесутся?

Генри, перевесив ногу через седло, раскуривал сигариллу.

– Посмеются и отправят на просушку.

– Поехали, – согласился Генри, разворачивая лошадь. – Только не разгоняйся: я не мастер родео, как некоторые.

Грейди же продолжал смотреть на небо. Друзья уже успели скрыться из виду, потерять его и начать звать, а он все еще не двигался с места. Странные мысли тревожили его. Не так давно передали по радио штормовое предупреждение, а ураган никогда не сулит ничего хорошего, это уж Грейди знал наверняка. в лучшем случае, повалит деревья и побьет машины, а может и проводку оборвать или причинить еще какие бытовые неудобства.

– Грейди! Ну где ты там?

Молодой человек развернул лошадь и направился было вслед за друзьями, потом почему-то снова замешкался, присматриваясь к чему-то вдали, где среди полей тянулась тоненькая серая ленточка шоссе. По ней брела одинокая фигурка. Возможно, какой-нибудь заплутавший местный житель… А кто еще может здесь бродить так поздно и в столь *многообещающую* погоду?

Возможно, прояви он тогда б*о*льшее любопытство, история повернулась бы иначе, но Грейди решил не обращать на одинокого путника внимания.

Когда припозднившиеся друзья, поставив лошадей в конюшню, переступили порог главного зала пансионата, торжество уже началось. В зале было уже шумно и тесно.

– Поспели к ужину, – тоном домашнего кота, узревшего миску с рыбой, произнес Грейди. – А я как раз проголодался… Ну-ка, что тут у нас…

Скинув плащ, поправив перед зеркалом одежду и пригладив белобрысую шевелюру, молодой человек направился прямиком к накрытым столам. Генри про себя отметил, что в праздничных нарядах от киностудий и пунктов проката старые знакомые выглядели куда более привычно. Он сам немного задержался, осматривая зал в поисках новых лиц: за время их отсутствия могли прибыть еще люди. Конечно, принадлежность к кланам можно было определить только по причудливым бейджикам в виде гербов. Генри даже представил на мгновение, что будет твориться в зале через часполтора, если сейчас здесь всего лишь половина участников: хозяйка накануне оговорилась, что часть гостей задерживается. Интересно, кто?.. А еще любопытно, кто еще из его соклановцев принял приглашение?..

Пытливый взгляд молодого бойца Реконкисты блуждал от одного лица к другому. Смешливый юнец с дерзкими глазами, беседующий с Ветром на другом конце зала, очевидно, Чавес; еще один, на вид чуть постарше, блондин, щеголяющий длинной рапирой – Рейн. Рядом с ними, ближе к окну, в компании симпатичных девушек в кринолинах – Флинт,

его он узнал по фотографии. Высоченный тип, которому явно мелковаты были дверные проемы – Иван, глава Доминиканцев…

Эх, жаль, что в их авантюрном обществе так мало дам! Мануэлла из Альянса… привлекательная дурочка, в качестве жены – мечта любого мужчины, который не стремится обременять себя интеллектуальным обществом. Еще одна… говорят, все, кто имел с нею дело, так и не смогли распознать – то ли это искусный подвох, то ли милая дама действительно считает, что больше всех знает. Такое поведение, властное и претенциозное, простили бы юноше, а вот девушке пришлось бы доказывать свое право на причастность к высшим тайнам их общества. Нужно многое уметь, многое знать, а главное – уметь убеждать тех, кто привык подчиняться сильным, но не привык видеть за легкими шажками уверенную поступь блистательной и страшной воительницы, рожденной повелевать. Королева должна уметь быть такой, какой народ желает ее видеть, и неважно, что она думает или желает сама. А очень мало кто смог бы поступиться своим личным маленьким игровым счастьем ради этого… Хотя, впрочем, нет – была на его памяти одна женщина, о которой стоило бы отдельно сказать несколько слов, причем не обычных комплиментов…

– Генри! – звонкий голос бесцеремонно выдернул его из созерцательно-задумчивой медитации. – Ты что на пороге топчешься, как бедный родственник?

Молодой человек обернулся, смущенно улыбаясь. Обладательница голоса, в красивом черном бархатном платье, отделанном жемчугом и золотым шитьем, смотрела на него, смеясь. Она прикрыла лицо веером, так что видны были только дерзкие насмешливые глаза. Можно было гадать сколько угодно, но все равно не выяснить до конца, что она задумала…

– Просто так, – отделался Генри привычной фразой, которая всегда первой приходила ему на язык. Почему-то самые дурацкие слова вылезают первыми… наверное, это закон русского (да и любого другого) языка.

– Тогда пойдем к остальным, – хозяйка галантно, как знатная дама не менее знатному гостю, поклонилась и протянула руку. Генри смущенно улыбнулся, неловко, как ему самому показалось, раскланялся и взял хозяйку за руку. Ладонь ее была такой холодной, что он даже испугался.

– Ты не замерзла? – нахмурился он. – Руки ледяные.

– Они всегда такие, – успокоила его молодая женщина. – Говорят, у творческих людей это частое явление. Отдаем окружающим слишком много тепла – вот руки и мерзнут.

Она звонко рассмеялась, и тема разговора растаяла сама собой. Генри хотелось поддержать беседу, но серьезные философские или научные вопросы поднимать не тянуло: слишком долго и муторно, а о глупостях болтать – скучно. Он задумчиво грыз губу, пока не почувствовал вкус крови от содранной кожи, но умных мыслей за это время все рав-

но не появилось ни одной. Наверное, это свойство светского общества – выдувать их остатки.

– Сложно было все это организовать? – поинтересовался он наконец, не придумав ничего лучше. – Столько сил, а вас немного…

– Непросто, но нам друзья помогли, – пожала плечами хозяйка. – К тому же, если дело в радость – ничто не в тягость.

Генри снова замолчал: эта женщина могла уесть одной фразой, при этом не используя ни язвительных, ни оскорбительных выражений. Ему бы так! А еще – частичку ее смелости. Он всегда восхищался храбрыми людьми, но считал это качество уделом мужчин, а храбрые женщины встречались только в кино. Да и там они мало походили на женщин – скорее на гренадеров в юбке. Здесь же – девушка как девушка, но… Она в свое время была единственным человеком, который мог сказать людям в лицо все, что думает – честно, невзирая на последствия. Он слышал несколько раз, как она говорила Грейди, что устала и в гробу видела всю эту политику, что надоело отбиваться от нахальной молодежи, что и пальцем для них шевелить не станет… и все равно делала, потому что по-другому, наверное, не умела… Как, впрочем, и все лидеры. Они мыслят совсем другими категориями, для них не существует «я» – есть только «мы». И, наверное, это правильно: иначе они бы не смогли чувствовать своих соратников, угадывать их стремления и верно направлять.

Столы были составлены в каре, так что места для лидеров оказались по центру. В этом, наверное, тоже был какой-то смысл, но вряд ли банальный. Ибарра подозревал, что Элеонора полагает, будто соседство лидеров за одним столом окончательно поставит крест на их соперничестве… Он не столько даже за себя волновался, сколько за своих коллег – Рейна и Чавеса, которые слыли куда более мнительными и в любых, порой самых невинных, словах могли найти повод для обиды. Элеонора, частенько на это указывала, а она была не из тех, кто предъявляет беспочвенные претензии.

Лидеры Реконкисты и Альянса молча смерили друг дружку «благодарными» взглядами и, даже не удостоив приветствий, заняли свои стулья. Сидеть на неудобном стуле с высокой спинкой глава Альянса не привык, но виду не подал. Он мельком взглянул на соперника: того тоже явно не устраивало ни удобство, ни соседство, но он старался ничем этого не обнаружить. чтобы не огорчать Элеонору, которая внимательно за ними следила, пришлось смириться.

Соперничество между двумя самыми мощными кланами началось чуть ли не с самого зарождения игры. Обгоняя друг друга, стремясь показать себя с лучшей, чем соперник, стороны, они, бесспорно, совершенствовались, но порой забывали о том, что единство – первый и главный залог успеха и побед. Они частенько ссорились, даже ругались, а одно время чуть не дошло до полного разрыва. Благо именно

в тот момент на небосклоне родилась Звезда согласия, которая пусть и медленно, но уверенно разгоралась и вскоре затмила своим блеском Звезду раздора. Фадрике оглядел зал: *гения-хранителя этой Звезды раздора* – Мигеля – среди гостей не было.

Однако из-за отсутствия приглашенных за центральным столом было два свободных места. Одно досталось представителю молодого, напористого клана, еще не успевшего втянуться в местную жизнь и мечтающего все взять нахрапом. Оставалось еще одно, и пустовать ему не следовало.

– Похоже, Мигель решил нас проигнорировать, – задумчиво протянула Элеонора, теребя губу.

Призрак хмыкнул и, судя по всему, хотел даже прокомментировать, но под пристальным взглядом хозяйки сдержался. Рейн с усмешкой что-то шепнул на ухо соседу, тот тоже улыбнулся. Ибарра равнодушно пожал плечами.

– Может, позовем Генри? – предложил Ветер.

Едва ли это был запланированный «карьерный ход», сделанный ради набора нескольких лишних очков за счет соперников. Просто Ветер оказался проворнее.

– Генри? – задумчиво нахмурился Хуан. – Почему бы и не Генри? Зови его сюда…

Реконкистовец кивнул и, повернувшись, жестом поманил друга к себе. Генри это удивило. Как и все, он заметил возникшее за центральным столом замешательство, но понятия не имел, чем оно вызвано.

– Что это там стряслось? – поскреб затылок Шурик. – Кто-то недоволен распределением мест?

– Не знаю, – пожал плечами Генри. – Не мое это дело: там лидеры, пусть они и решают.

– Неужели неинтересно? – возмутился Грейди.

Генри покачал головой.

– Не очень.

– Но, тем не менее, – напомнил Грейди, – дружище, позвали-то они *тебя*.

Молодой человек наградил друга тяжелым взглядом, но все же обернулся и увидел, что Ветер машет ему.

– Что бы там понадобилось? – пробормотал он в замешательстве, нервно комкая салфетку.

– Иди, иди, – напутствовал Грейди. – Нам с Шуриком больше достанется.

– Тебе бы все пьянствовать! – пожурил Генри друга, но все-таки не стал заставлять лидеров ждать и, пожелав соседям приятного аппетита, направился к столу. «Выясню, в чем дело, и вернусь назад, – думал он. – Наверняка какой-нибудь вопрос, который можно отложить до конца ужина…»

Когда Генри приблизился, Элеонора поднялась ему навстречу, приветливо и любезно улыбнулась и произнесла:

– Присоединишься к нам? – она сделала приглашающий жест. – Разбавишь нашу компанию?

– …старых пней и сундуков, – под нос себе дополнил Ху-

ан, так что сидевший рядом с ним Рейн чуть не поперхнулся.

Генри хмуро обвел взглядом окружавших его лидеров: в таком шикарном обществе он чувствовал себя несколько скованно и «не в своей тарелке». «А почему, собственно, я?» – крутилась в голове мысль, которую его лицо выражало настолько четко, что это вызвало сдержанный смех у лидеров – и смутило молодого человека еще сильнее. Он уже хотел было отказаться, но хозяйка настойчиво повторила:

– Присоединяйся, Генри, пожалуйста.

Как можно отказать вежливой просьбе? Наверное, как-то можно. Генри чувствовал, что все сейчас смотрят на него и ждут реакции. Он украдкой бросил взгляд на призрака, но тот сделал вид, что совершенно не заинтересован в вопросе, и демонстративно изучал рисунок на потолке. Ветер последовал его примеру. Выдерживать поединок с терпением хозяйки было незавидной участью, оборачиваться к остальным соклановцам, даже в поисках поддержки – признаком трусости. Он мялся примерно секунд тридцать (ровно столько длилась борьба стеснительности с гордостью, в которой неминуемо должен был победить трезвый рассудок). В конце концов, еще раз искоса взглянув на лидера, а потом – на хозяев, он молча отодвинул стул справа от Рейна и сел. Было слышно, как хмыкнул Иван, и облегченно вздохнула Элеонора, а Призрак ободряюще улыбнулся и украдкой ему подмигнул.

Элеонора поднялась и сделала знак своим помощникам,

чтобы приглушили музыку. Вместе с аккордами притихли и разговоры – все взгляды обратились на хозяйку бала. Хуан откупорил бутылку и наполнил вином серебряный фужер (подарок старого друга: по словам мужа, она на все мероприятия брала его с собой). Молодая женщина с тихой благодарностью приняла фужер и, подняв его, обвела глазами зал. Ее лицо светилось радостной, спокойной гордостью – гордостью за всех них, за их союз. Если можно себе представить абсолютно счастливого человека, без сомнения, это была глава Грандов.

– Дорогие мои друзья… – заговорила она. Звучный голос летел в купольный потолок зала и отражался от стен: казалось, он доносится не от центрального стола, а отовсюду. – Трудно выразить словами, как я рада видеть всех вас вместе. Вы откликнулись на наше приглашение, и мы со своей стороны приложим все усилия, чтобы вы не скучали и ни в чем не чувствовали недостатка. Вас ждет множество развлечений и… сюрпризов. Прошу вас ничему не удивляться. Еще раз спасибо вам за то, что приехали. Надеюсь, такие встречи станут доброй традицией! – она галантно кивнула всем присутствующим, причем каждому казалось, что она кланяется именно ему и смотрит только на него. – У меня есть тост – за вас! И за нашу славную Испанию. За то, чтобы она всегда цвела и побеждала – а с такими как вы по-иному и быть не может – за то, чтобы любой из нас или из тех, кто приходит к нам, мог с гордостью сказать, что он – испанец.

Когда она замолчала, секунд пять висела полная тишина, а потом загремели стулья, зазвенели бокалы – все гости разом поднялись со своих мест, чтобы присоединиться к тосту. Громогласный возглас «Вива Испания!» взлетел к потолку. У некоторых непосвященных даже заложило уши – так оглушителен был рев нескольких десятков глоток. Дальше послышались прославления в адрес кланов и хозяйки лично.

– Веселитесь! – напутствовала Элеонора. – Угощайтесь! Будьте моими гостями!

И шум вновь наполнил зал. Все вернулись на места, музыка взвилась с новой силой, не мешая, впрочем, общению – она как бы растекалась по комнате, создавая приятный фон. Хлопали пробки, звенели бокалы и вилки, ровный гул раскатился по залу. Элеонора смотрела на своих гостей и улыбалась: вечер начался отлично, и ничто, кроме погоды, не предвещало неприятностей… да и последняя – лишь в том случае, если решит протечь крыша, а уж на эту тему она не беспокоилась.

– Хорошо сказано, – произнес Призрак, поднимая свой бокал. – Присоединяюсь.

Ибарра тоже улыбнулся хозяйке, но сделал вид, что пропустил слова соперника мимо ушей. Генри некоторое время молча сверлил глазами сидящих за столом лидеров, пытаясь осознать, что *он* здесь забыл, и не решили ли над ним просто подшутить, а затем поспешил переключить внимание на вино и ужин, которые оказались удивительно вкусными,

и вскоре думать забыл о причинах своей неловкости.

Призрак, пользуясь моментом, завел разговор о какой-то книге. Генри ее то ли не читал, то ли не помнил, а потому не сразу осознал, что имеется в виду. Несколько фраз он пропустил, пытаясь вникнуть в смысл, пока не понял наконец, что речь идет о последней книге Элеоноры, которую она в ближайшее время собиралась издать. Они обсуждали различных знакомых, послуживших прототипами для ее героев, как кто получился и стоит ли писать продолжение. Призрак высказывал свое мнение, какие-то эпизоды особенно хвалил, какие-то считал чересчур яркими, но в целом сюжет ему понравился. Проблема состояла лишь в том, что если до этого разговоры на другие темы еще велись, то теперь в обсуждение книги оказались мало-помалу втянуты все, кто слышал беседу главы Реконкисты с хозяйкой. Практически сразу стало понятно, кто в курсе дела, а кто нет. Результат не слишком обрадовал Генри: практически все либо уже прочли рукопись, либо начали и были плюс-минус в теме. Сам же он к книге даже не притрагивался – только слышал о ней, а потому оказался выключенным из беседы, и это его нервировало и смущало.

– А про меня там будет? – влез в разговор Эстебан, в котором Генри почувствовал родственную душу. Если парень вообще касался книги, то явно читал невнимательно и не до конца. Хоть что-то их связывает с новичками…

– Будет, ближе к концу, – загадочно улыбнулась хозяйка.

– В эпизодической роли случайного прохожего? – посмеялся Рейн, хлопнув паренька по плечу. Тот насупился: наверняка видел себя героем поважнее. – Ничего, поиграешь с наше – тоже будешь *почти главным*. Как Фадрике или Шторм… Или вон как Генри.

При упоминании себя в таком контексте Генри чуть не подавился, поскольку и не думал о том, что может когда-нибудь увидеть свое имя на страницах литературного произведения. Он даже вилку до рта донести не успел: рука остановилась на полпути. Генри поднял голову и беспомощно посмотрел на окружающих. Наверное, вид у него в тот момент был настолько потешный, что гости – кто вежливо, в сторонку, а кто и открыто – рассмеялись.

– А что здесь такого удивительного, Генри? – Хуан не то насмешливо, не то удивленно приподнял бровь. – Ты тоже есть в романе. Между прочим, очень достойный персонаж.

– И один из любимых читателями, насколько я успел узнать, – как бы случайно обронил призрак.

– Кому *ничего удивительного*, а кому – *очень даже*, – буркнул молодой человек и вновь уткнулся в тарелку. Он и без того был смущен излишним вниманием, а тут его персона еще и стала темой всеобщей беседы.

– Так ты разве не читал? – Призрак озадаченно (или притворно озадаченно) поскреб подбородок. – Зря, очень забавная история.

– Да, там из Мигеля такое пугало сделали! – прыснул Ча-

вес.

– И, между прочим, совершенно заслуженно, – подняв вилку вверх, назидательно добавил Рейн, – там даже цитаты из него приведены. Я так ржал, когда читал!.. Чуть Кондратия не словил…

– Интересно, каким там *меня* выставили, – полуравнодушно-полураздраженно пробурчал Генри, сосредоточившись на ковырянии в тарелке. Да что бы о нем ни написали – ему все едино. Конечно, как всякий человек, он не был лишен тщеславия, но не настолько мечтал о славе, чтобы добиваться ее всеми возможными средствами.

– А каким? – пожал плечами Рейн. – Нормальным…

Нормальным… Это еще для кого что *нормально*… Правда, это, безусловно, лучше, чем «выдающийся» хотя бы просто потому, что без особых недостатков. Некоторое время назад (должно быть, в силу возраста) Генри перестал испытывать пиетет к героям первого плана: слишком уж много было у тех эпического, надуманного, даже в каком-то смысле слащавого, причем как у положительных, так и у злодеев. Конечно, он был романтиком, но его романтизм распространялся на так называемый «второй план», где тоже главные и ключевые персонажи, но они куда живее и ближе к реальным людям. Если это и означает «нормальный», то, пожалуй, он согласен.

– А о чем книга?

– Исторический роман, – очаровательно улыбнулась хо-

зяйка.

– Прочти – узнаешь, – посоветовал Ветер. – Я тоже вначале не хотел, а потом вчитался. Правда, злыдень из меня получился неубедительный! – засмеялся он, погрозив хозяйке вилкой.

– Я учту, – усмехнулась Элеонора. – Но только в следующей части.

– А она будет? – живо поинтересовался Чавес, которого, похоже, очень интересовала судьба самого себя. – А если верить слухам и сказанное влияет на реальность, – добавил он озадаченно, – может быть, придумаешь что-нибудь хорошее для каждого. Глядишь – и кризис закончится.

– Ну, брось, Ладрон! – шутливо отмахнулась собеседница, хотя в глубине глаз ее мелькнула хорошо скрываемая тревога, и внимательные собеседники, безусловно, это заметили, хотя неизвестно, сделали ли какие-нибудь выводы. – Я же не волшебница!

– А там все живы останутся? – осторожно осведомился Иван, который б*о*льшую часть разговора предпочитал молчать и слушать. – А то мы тут прослышали про твое кредо – «нет трупа – нет романа».

Повисла минутная тишина, друзья переглянулись. После сказанного Чавесом эти слова прозвучали чересчур угрожающе. Все смотрели на Элеонору, а та обвела глазами гостей, потом махнула рукой и рассмеялась, явно стремясь не столько открыть тайну искусства, сколько разрядить обстановку.

– А что, надо от кого-то избавиться? Я подумаю!

Расчет был верный – ее фраза действительно немного успокоила параноидально настроенных гостей, и спустя минуту разговор опять стек на привычные темы. Неуютно было, наверное, одному Генри: он то и дело ловил на себе чьи-то тревожные взгляды, но, обернувшись, никого дурно настроенного не замечал, и в конце концов устал вертеть головой. Правда, мрачные мысли не уходили, продолжая крутиться в голове слово за словом, раз за разом, и избавиться от них было невозможно. Он пробовал сосредоточиться сперва на еде, потом на беседе, и, наконец – на выпивке, но ничего не помогало, даже хмель не действовал в привычном направлении. В конце концов, Генри просто плюнул и предпочел принять обстоятельства такими, какие есть, раз уж нельзя их улучшить. Пусть лучше поволнуется зря, чем будет для этого повод, хотя, надо заметить, раньше он за собой такого не замечал… Может быть, это от избытка внимания? Найдя наиболее понятную и объяснимую причину своего взбаламученного состояния, Генри понемногу успокоился.

Мигелю надело блуждать по коридорам в одиночестве. Немного времени потребовалось, чтобы выяснить, что он находится в заброшенной части здания, и если идти на бал – то сквозь все эти горы строительного мусора, старой мебели и утвари, затянутой паутиной. Вдобавок здесь еще и не бы-

ло света. И на кой ему понадобилось переться сюда? Он уже сотню раз успел пожалеть, что не заявился через главный вход… Мокнуть под дождем, конечно, тоже не лучшая идея, но мог ведь переждать в гараже или, на худой конец, в конюшне. Хоть компания была бы! а лошади, как известно, во многих отношениях гораздо предпочтительнее людей. Дождался бы там окончания грозы а потом и явился, заодно был бы повод поругаться с хозяевами и гостями, что его бросили одного на улице в ливень… А тут, того и гляди, ноги переломаешь.

Он осторожно перебрался через кучу искореженной мебели и, пользуясь единственным источником света – окном, направился к двери на противоположной стороне комнаты. если верить чувству направления (которого он все-таки не был начисто лишен), примерно в той стороне располагалась обжитая часть здания. Мигель подошел к двери и прислушался – тишина, только гром и стук дождя за окнами. Впрочем, при таком шуме он вряд ли различил бы даже ритм тяжелого рока. единственный шанс проверить, на верном он пути или нет – заглянуть за дверь и посмотреть. В крайнем случае, вернется и поищет другой маршрут…

Убедив себя в том, что никакого преступления не совершает и на частную территорию не вторгается, Мигель толкнул дверь. Та оказалась незапертой, но почему-то не открывалась: поддалась всего на несколько сантиметров, как будто с внутренней стороны ее что-то подпирало. Интересно, что?

Ведь согласно логике и криминалистике, как подсказывало ему юридическое образование, если дверь не заперта – значит, она открыта и можно войти. Так почему его не хотят пускать? Наверняка упала какая-то часть мебели (или стены) и перегородила проем! В таком случае, если поднатужиться…

Мигель не отличался спортивным телосложением, но и хрупким отнюдь не был. Во время собственной юридической практики ему приходилось делать многое, в том числе и выносить плечом двери. Конечно, он там был не один, у него было разрешение, да и годков поменьше, но перспектива и дальше оставаться одному в темном пустом помещении, наедине с пылью, пауками, тараканами, клопами или еще какой неведомой гадостью, в то время как остальные *там* веселятся на всю катушку, казалась еще ужаснее, чем нарушение трех вышеперечисленных условий. Он какое-то время взирал на препятствие, возникшее на пути к заветной цели, как на упорно не желающего сдаваться подозреваемого, а потом принялся расчищать себе «полосу разгона».

С первой попытки дверь даже не шелохнулась, со второй слегка заскрипела, но вроде бы еще на полсантиметра поддалась. Мигель был человеком по природе упорным, а потому не собирался сдаваться без боя, особенно если ситуация грозила ему не чем-то серьезным, а максимум отбитым плечом, как сейчас.

Удара с десятого дверь протестующе завизжала, внут-

ри что-то загромыхало, затрещало, рухнуло и покатилось, а в следующий момент Мигель, не ожидавший столь быстрой капитуляции, влетел сквозь проем в комнату. Хорошо еще, на полу лежало что-то мягкое, так что обошлось без сильных ушибов. Он кое-как встал на ноги, тихо ругаясь и потирая плечо, поднял голову и огляделся. Слава Богу, фонарик в противоударном корпусе… Здесь не было окон (судя по всему, подсобка), так что можно было не стесняться и включить его.

Бесцельно пошарив вокруг лучом света, Мигель окончательно убедился, что помещение нежилое (судя по всему, использовавшееся для реквизита): вокруг лежали сумки, костюмы, рулоны ткани, какие-то вещи не совсем понятного назначения. В комнату давно не заглядывали, судя по духоте и поднятой им пыли (по крайней мере, не копались в дальнем углу, откуда он и появился), а дверь была предусмотрительно задвинута старым стеллажом.

Здесь Мигель решил передохнуть и подождать немного: возможно, поднятый им шум услышали, и виновника будут искать, а если его тут обнаружат – могут подумать все, что угодно. А вдруг, не дай Бог, что-нибудь еще и потеряется… Он опустился на перевернутый ящик, покрытый куском старого ковра, и только сейчас обнаружил необычную для этого места вещь. Сперва он принял ее за коробку, но тут свет фонарика вырвал из темноты матовый кусок кожи, похожий на переплет. Книга! Причем лежит почему-то отдельно ото

всех остальных… С чего бы?

Любопытство – первая и обязательная черта любого оперативного работника: если он не будет всем и вся интересоваться, то никогда не раскрутит ни одного, даже самого простого, дела. Внимание к мелочам – вот главное в его работе. Мигель было огляделся настороженно, но вдруг тихо рассмеялся. Здесь же никого нет! Кто будет за ним следить? А он только поглядит, что там, внутри переплета…

Держа в одной руке фонарик, свободной Мигель перевернул кожаную крышку. Внутри оказались отдельные листки. Значит, это еще рукопись… Что-то беспокойно дернулось внутри, но в чем именно дело, он понял, только прочитав титульную страницу. Без сомнения – удача так удача! Вот она, его цель. Именно эту рукопись он разыскивал столько времени, она не давала ему спать по ночам, беспокоила при свете дня и вообще мешала жить… У Мигеля и мысли не возникло спросить себя, что такая ценность делает в подсобке с реквизитом: он был полностью поглощен радостью. Если только он не ошибся – а он почти никогда не ошибался! – то это и впрямь *она*…

Пиршество было в самом разгаре. Гости весело болтали, пили, пробовали закуски – казалось, праздник удался. несколько бокалов спустя Призрак перестал ворчать по каждому поводу, Ветер – болтать без умолку, а Ибарра – обращать на них обоих внимание. Все шло своим чередом, разго-

воры плавно перетекали с игры на увлечения в жизни, с увлечений – на работу, с работы – на знакомых и родственников, с них – обратно на игру. Элеонора смеялась: ее уже не так волновали опоздавшие, да и радость благодарных гостей убедила наконец хозяев в том, что они все сделали правильно… ну, или хотя бы приблизительно правильно.

И все же она волновалась, о чем-то постоянно советовалась с Хуаном и задумчиво гнула в пальцах вилку. Генри наблюдал за ее действиями, размышляя, в какую фигуру та в конце концов превратится, если творческий процесс продлится еще немного. Но раскрыть сию тайну было не дано: неожиданно моргнул свет, распахнулись двери, и в облаках дыма, под пистолетную пальбу в зал ворвалась разношерстная ватага. Сколько именно их тут, сказать было сложно: шум и дымовая завеса, а также моргающее освещение не позволяли произвести подсчеты – но определенно больше десяти человек.

– Спокойно господа! – раздался равнодушный насмешливый голос. – Прошу оставаться на местах и не прятать ценности – тогда никто не пострадает.

Элеонора вскочила с места, лицо ее вспыхнуло от гнева.

– Да как вы смеете! – воскликнула она. – В моем доме…

В ответ прогремел выстрел. Сомнительно, что боевой, но хозяйка, тем не менее, увернулась, вытащила откуда-то пистолет и выстрелила в ответ (ее оружие точно было заряжено, поскольку она целилась в специально установленный

восковой плафон и, заметим, не промазала). Генри мысленно зааплодировал, Ибарра уважительно кивнул. Ветер толкнул Призрака в бок и показал на что-то под столом. Бросив туда взгляд, лидер Альянса заметил, как маленький Дас, сохраняя невозмутимое выражение лица, передает под скатертью оружие своим соклановцам.

– Думаете, мы так просто уступим? – послышался возглас с другого конца зала. – Тогда попробуйте нас заставить!

Раздалось еще несколько выстрелов, после чего Хуан вскочил на ноги, вытаскивая из висящих на спинке стула ножен клинки, и заливисто свистнул. Элеонора без малейшего смущения перемахнула через стол, не уронив при этом ни одного бокала, выхватила у ближайшего из соседей из петли шпагу и ринулась навстречу незваным гостям. Остальные Гранды тоже повытаскивали оружие, клинки сшиблись, поднялся звон и грохот. Надо заметить, фехтовала Элеонора отменно, как, впрочем, и остальные ее соклановцы. Да и нападавшие не отличались робостью и неумелостью, поэтому те из гостей, кто хоть немного владел искусством боя, тоже решили поддержать хозяев и присоединиться к потасовке.

Генри поймал себя на том, что инстинктивно сжимает рукоять лежащего на коленях клинка, который привез с собой из далекого Санкт-Петербурга, таясь от милиции. Клинок был вполне настоящий – жутко дорогой коллекционный кукри, сувенир от старинного приятеля из далекого Непала – так что здравый смысл не позволил ему вмешаться, хотя па-

ру раз почти пришлось. Он не считал себя хорошим фехтовальщиком, а потому не рискнул. А вот Конор, Пьер и присоединившийся к ним Ветер с удовольствием приняли участие в драке, в то время как остальные предпочли не вмешиваться. Впрочем, у Ибарры он заметил пистолет, которым тот небрежно поигрывал, будто не понимая его назначения до конца. Поскольку нападавшие были в масках, невозможно было толком определить, кто они, что только добавляло реалистичности. Генри время от времени переводил взгляд с дорогого клинка на сражающихся. Ему ужасно хотелось их поддержать, но он боялся… в первую очередь, кого-нибудь ранить. В этом случае ему грозила статья УК, согласно которой он если и отделался бы штрафом, то дорогое сердцу оружие точно конфисковали бы – например, в пользу какого-нибудь музея восточных редкостей.

Представление длилось недолго: довольно скоро пиратов одолели числом, оттеснив к дверям и вынудив сдаться. Под конец осталось только двое сражающихся – Элеонора и главарь, грузный гигант с парными саблями, которые в его руках казались обычными ножиками. Молодая женщина в сравнении с ним казалась почти ребенком, но это, судя по всему, ее нисколько не смущало. Клинки сшибались, высекая искры, и многие зрители затаили дыхание. Как эти двое все еще не поранили друг друга? В такие моменты напрочь забываешь, что поединок может быть постановочным, а каждое действие – четко выверенным и отрепетированным

до мелочей. Элеонора вскочила на низкий столик (он предназначался для цветов или напитков, но теперь стало понятно, почему его держали пустым, и при попытке что-то на него поставить, для этого *чего-то* тут же находилось другое место), держа одной рукой шпагу, а другой подол, чтобы не мешал, и схватка продолжилась в иной плоскости.

– Вот это да! – восхищенно прошептал Рейн, беззвучно аплодируя. – Какова девица! Не то что Мануэлла наша – одно расстройство. Вот бы нам в клан ее!

– Она не пойдет, ты же знаешь, – усмехнулся Чавес.

– Знаю, – вздохнул собеседник. – Но помечтать-то я могу?

Схватка завершилась так же неожиданно, как и началась: в один прекрасный момент Элеонора вдруг рванулась вперед, подныривая под саблю, пока противник замахивался, затем тут же увернулась от второй, проскочила мимо него и остановилось. острие ее шпаги упиралось в его спину сзади, так что он никак не смог бы достать противницу без риска напороться самому.

– Сдавайся! – последовало властное требование. – Ну же!

Тот помедлил немного, потом хмыкнул и выпустил из рук оружие, демонстрируя пустые ладони. Звук падающих на пол клинков потонул в торжествующем реве. Те из гостей, кто не участвовал в бою, повскакивали с мест, оживленно жестикулируя, поздравляли победителей; остальные подняли клинки в воздух, как было принято делать в игре. Элеонору и Хуана подхватили на руки и торжественно протащили че-

рез весь зал прямо к лидерскому столу, где их тоже ждали бурные поздравления.

– Ну, ты даешь! – Ветер восхищенно захлопал в ладоши, а потом с церемонным поклоном поцеловал хозяйке руку. – Не ожидал! Ну, Хуан – он еще ладно, но чтоб девушка так орудовала шпагой – это выше моего понимания!

– Где вы так научились? – тут же поинтересовался Рейн.

– Поиграешь в ролевые игры столько, сколько они – не такому научишься! – многозначительно, с уважением сказал Дас, проверяя, не заклинило ли пистолет.

– Мда… – тихонько произнес Ибарра, обращаясь к Чавесу, – не хотел бы я скрестить с нею шпаги. Еще неизвестно, чем дело кончится – не компьютерная модель все-таки…

– Я тоже так думаю, – пробормотал Чавес.

– У меня нет слов, Эл, – произнес Генри, кланяясь хозяйке и из всех сил борясь со смущением. – Просто нет слов. А ты еще хотела у меня чему-то в игре учиться! Тебе самой впору давать нам уроки.

Элеонора озадаченно кивнула, на щеках ее даже появился легкий румянец: в устах Генри это была высшая похвала, которой вообще мог удостоиться человек не из его клана.

«Пираты» тем временем вернулись, поснимали маски и присоединились к гостям. теперь, когда всем уже стало ясно, что это помощники хозяев из Черноголовки, присутствующие несколько успокоились, но все равно были теперь настороже, готовые к любым неожиданностям.

– Интересно, что будет в следующий раз? – осведомился Конор у Грейди. – Как ты считаешь?

– Летучий Голландец, – произнес тот с невинным видом, опрокидывая в себя остатки вина и уже потянувшись за новой порцией.

– Не каркай! – проворчал Доминиканец Шурик, а Пьер мрачно хихикнул, думая, что от хозяев с их богатым воображением и любовью к экстриму можно ждать и не такого…

– Ну, вы и выдумщики! – покачал головой Ибарра. – Предупреждать же надо! Я чуть было не подумал, что сошел с ума.

– Это еще не конец, – хозяйка многозначительно поиграла бровями. – Дальше будет интереснее…

– Кому как – мне и такого *интереса* вполне хватило! – шутливо отмахнулся Рейн. – Хотя… было бы любопытно *досмотреть кино до конца*. Как вы, ребята?

Окружающие одобрительно зашумели: развлечение явно пришлось им по душе, так что Элеонора, а за ней Хуан и остальные вздохнули с облегчением. Больше всего они волновались за постановочные элементы: вдруг что-то пойдет не так или вообще не получится, а если и получится – гостям не понравится? Элеонора сжала ладони в молитвенном жесте: дай Бог, чтобы все и дальше прошло без проколов. Тогда гости увезут с собою домой только лучшие впечатления… и долго будут вспоминать эту встречу добрыми, а не дурными словами…

После окончания спектакля вновь заиграла музыка. Элеонора объявила начало танцевальной программы, но слушатели пока не были готовы переключиться. Она прекрасно это понимала, поэтому сперва ее помощники при участии самих Грандов показали несколько старинных танцев. В этом искусстве сильны были очень немногие, и не у каждого из них хватало смелости, чтобы присоединиться, так что гости предпочитали в основном наблюдать.

Призрак задумчиво крутил в руках десертную вилку с насаженным на нее куском пирога, но так и не мог донести его до рта: слишком занят был философскими мыслями и созерцанием. Наконец, он произнес:

– Хороша…

– Оба хороши, ты хочешь сказать, – поправил его Рейн, наблюдая за Хуаном и Элеонорой. Они кружились в танце, и, казалось, были заняты исключительно музыкой и друг другом, не замечая ничего вокруг.

– Ну да… – так же задумчиво отозвался лидер Реконкисты, то ли с хитрой, то ли с загадочной миной продолжая размахивать вилкой. – Кстати, Генри, пригласил бы *принцессу* на танец! – усмехнулся он вдруг в ответ на изумленный взгляд друга. – А что? Это я «старый пень», а ты-то уж наверняка ей ноги не отдавишь. Ты ж умеешь вальс танцевать…

Зачем Призрак это сказал, Генри не знал. Скорее всего – просто так… ну, или чтобы досадить лидеру Альянса и лиш-

ний раз перед ним похвастаться.

– Шторм, да ты что… А, ну тебя, – махнул рукой собеседник. Музыка тем временем стихла, и хозяева вернулись к столу. Элеонора обмахивалась веером и смеялась, щеки ее горели после быстрого танца. Она залпом опрокинула предложенный ей стакан лимонада, немало повеселив присутствующих.

Музыканты заиграли медленный танец. Генри упорно смотрел в тарелку с недоеденным куском торта, как будто это было единственное интересное зрелище во всем зале. Он видел, как танцует Хуан, и ему не хотелось позориться перед подругой: не столько выпито, чтобы было уже все равно. Одно дело – плясать со шпагой в игре, совсем другое – с дамой на балу… Но тяжелый взгляд Призрака, азартный – Ветра и насмешливо-выжидающие глаза всех остальных раздражали едва ли не больше. Долго так длиться не могло: у кого-то выдержка должна была закончиться раньше. Он не хотел выставлять себя на посмешище, еще меньше хотел опозориться… С другой стороны, почему бы и нет?

– Элли, скажи, есть ли в мире что-нибудь такое, чего ты *не* умеешь? – достигла его слуха фраза Рейна. Генри украдкой скосил глаза: альянсовец стоял за креслом хозяйки, оживленно жестикулируя и смеясь, смеялась и сама Элеонора.

– Есть, – прикрываясь веером в светской манере, отвечала та.

– Позволь, угадаю. Наверное, кокетничать.

Молодая женщина сперва притворилась рассерженной, а потом звонко расхохоталась.

– Хочешь сказать, что то, чем я сейчас занимаюсь, настолько скверно выглядит?

– Что вы, прекрасная мадемуазель! – Рейн театральным жестом прижал ладонь к груди. – вы раните меня в самое сердце!

– Кажется, я знаю, – послышался еще один знакомый голос, который, впрочем, здесь не слыхали с самого начала праздника, – она не умеет истерить по любому поводу и чваниться. Зато у нее отлично получается морочить нам головы!

– Эмилио! Ну наконец-то! – радостно воскликнула хозяйка, послышался шорох одежды, потом возгласы приветствий, свидетельствующие о том, что за столом скоро станет тесно. Впрочем, на этот раз Генри не стремился меняться с новоприбывшим. Приди Вальдес на пару часов раньше, можно было бы еще подумать, но сейчас он привык к новой застольной компании.

– Кстати, Элеонора, ты восхитительно поешь, – произнес Эмилио. – И танцуешь великолепно.

«Подхалим», подумал Генри.

– Присоединишься к нам? – осведомилась хозяйка.

– Чуть позже, – пообещал припозднившийся гость, – я еще должен успеть кое с кем поговорить… Но сначала…

Генри вдруг осознал, что с созерцанием недоеденного кус-

ка и медитацией на вилку пора завязывать: еще немного, и Альянс опередит их во всем, даже в праве на внимание хозяйки. Призрак и Ветер явно ничего предпринимать не собирались: ждали действий от него. Поборовшись со здравым смыслом и убедив его немного ослабить хватку, он отодвинул стул и поднялся.

– Эл, – произнес он, стараясь не смотреть в глаза хозяйки: слишком уж боялся своего отражения в них, – не составишь ли мне компанию на следующий танец?

Над столом повисла тишина: все замерли в ожидании её реакции – кто с любопытством, кто со злорадством, кто с нетерпением. Элеонора слегка удивленно приподняла брови.

– Не знала, что ты любишь танцевать… Конечно, я не против.

Она протянула руку, кавалер поклонился и, аккуратно взяв ее за запястье, вывел на площадку. «Хорошо, что не сказала „умеешь“!» – подумал Генри. Он не злился на Эл: она говорила настолько просто и искренне, что ему даже в голову не пришло заподозрить ее в сознательной насмешке над ним, несчастным. танцевала она очень хорошо, куда увереннее, чем он, и при этом смотрела на партнера настолько дерзко, что это снова его смутило. «Неужели она на всех так смотрит? – подумалось Генри. – Тогда ничего удивительного, что ее боятся!».

Танец был медленный, но довольно сложный, Генри ед-

ва вспоминал движения, потому что если и владел техникой когда-то давно, в школе, то уже довольно прочно ее забыл.

– Скажи, а почему ты не танцуешь простые вальсы? – поинтересовался он у партнёрши, больше для того, чтобы завести беседу и не казаться тупым столбом хотя бы самому себе: подруга никогда не подала бы виду, даже если действительно так думала.

– Голова кружится, – просто призналась Элеонора. она вела себя настолько непринужденно и просто, что Генри даже было немного неловко. Он привык к другим женщинам, но эту никак не мог отнести ни к какой привычной категории: вроде бы обычная девчонка, а вроде бы и не совсем…

Музыка становилась все громче и громче, и вот на последнем аккорде зал вдруг осветила яркая вспышка, а следом за ней ударил гром такой силы, что у присутствующих заложило уши, а в колонках утробно загудело.

– Что это? – только и успел спросить кто-то, но тут послышался второй удар. Налетел ветер, распахнув створки окон и балконной двери, и сразу по стенам, листьям, подоконникам и скатам крыш часто-часто застучал ливень.

Пары распались, гости бросились к окнам.

– Пойду проверю, как там двери! – крикнул Дас.

Элеонора, впрочем, тоже не собиралась оставаться в стороне. Как только музыка, и без того почти не слышная за грохотом ливня, стихла окончательно, она, подобрав длинный подол платья, побежала к балкону.

– Ты куда? – крикнул Генри, не успев сориентироваться в столь стремительно меняющихся событиях. – Промокнешь, простудишься!

Но хозяйка, казалось, не слышала, поэтому он не нашел ничего лучше, кроме как последовать за ней.

Ливень был действительно сильный, неистово хлестало по стенам и окнам, обдавая особо зазевавшихся потоками ледяной воды. Низкое небо озаряли гигантские ветки белых, голубых и лиловых молний. Новый раскат грома ударил прямо над головой, Элеонора вздрогнула и отшатнулась, наткнувшись на стоящего позади Генри, также завороженного пугающей красотой гневной стихии. Погодная фата-моргана была просто великолепным дополнением к прекрасному спектаклю, разыгранному хозяевами. Генри и сам любил наблюдать за грозой, а здесь она была гораздо ближе, чем за окнами его дома в Санкт-Петербурге.

– Ну, я же говорил, ты уже дрожишь, – усмехнулся он через силу, стараясь отвлечься от завораживающего зрелища.

– Это не от холода – от внезапности, – улыбнулась Элеонора, повернувшись к нему. Волосы ее намокли от брызг и прилипли ко лбу, глаза горели восторгом и радостью сильнее сверкающих молний. Наверное, они так же сияли, когда Испания одерживала очередную победу. Он тоже невольно улыбнулся, но так и не нашел, что сказать – лишь развел руками.

– Кстати, спасибо за танец, – произнесла она так же просто

и тепло, как всегда благодарила.

– Пожалуйста, – пробормотал Генри, опуская голову: он не привык слышать такие слова даже от друзей, потому и испугался, что выражение лица выдаст его. Впервые у него возникло двойственное чувство: с одной стороны, он на мгновение успел пожалеть, что приехал, а с другой, не мог себе представить, как смог бы жить, лишь слушая рассказы других об этой встрече. Да он бы самого себя от зависти слопал! Генри чувствовал, как глупо сейчас выглядит, и потому поспешил сказать еще большую глупость, заранее обрекая себя на лишние каверзные вопросы и ситуации: – Если хочешь, можем еще потанцевать потом.

Элеонора склонила голову набок, глядя на него с усмешкой. В глазах ее плясали бесенята.

– Почему бы и нет?

– Ничего себе громыхает! – воскликнул Конор.

Он выскочил на балкон следом за Элеонорой, Генри и Дасом, раньше, чем высыпали остальные: благо, балкон был крытый и неплохо защищал от ливня. Впрочем, если подойти к краю, легко было за пару минут промокнуть до нитки.

Молнии сверкали почти у самых стен, ломая и поджигая в роще высоченные сосны. Гром раскалывал небо прямо над головой, а ливень так и хлестал по окнам, барабанил по крыше, практически заглушая музыку даже внутри дома: пришлось почти до максимума выкрутить громкость. И все же

это не помешало гостям и хозяевам столпиться у закрытых уже окон, завороженно любуясь бешеной пляской четырех стихий, что смешались в льющихся с небес потоках воды.

– Потрясающее зрелище… – прошептал Генри.

– Вы еще и погоду в тему заказываете? – усмехнулся Конор.

– Ну… – протянула Элеонора с улыбкой. – Я об этом думала… наверное, мои мысли услышали в небесной канцелярии.

Призрак выглянул из зала: видимо, в поисках собратьев по клану – и остановился на пороге, скрестив руки на груди. Он вообще был крайне осторожен и осмотрителен, особенно по части природы. Он считал, что с ней шутить не стоит, хотя и робеть перед ней тоже не резон. Бояться нужно людей, а не погоды.

– Призрак! – Элеонора обратила к гостю восторженное лицо, и тот невольно залюбовался: да, правы все-таки психологи – чувства могут творить с довольно простой внешностью удивительные вещи! – ты что там жмешься? Иди к нам! Тут такие молнии роскошные – ты бы видел!

– Вы бы лучше отошли от края, – ворчливо посоветовал лидер Реконкисты. – А то эта роскошь вам в лоб угодит.

– Да ладно тебе, Шторм, глупости-то девушкам говорить! – дружелюбно пожурил его Генри. – Здесь и вправду красиво – ты только взгляни!

– Это вы самоубийцы, – усмехнулся тот, – а я лучше из-

дали посмотрю.

– как хочешь, – пожал плечами Генри, опираясь на мокрый парапет. – Тогда пропустишь весь фейерверк.

Он повернулся к Элеоноре и что-то тихо у нее спросил, та пожала плечами, улыбнулась… Призрак вздохнул и покачал головой. Глупости все эти светские развлечения! Люди от них голову теряют, и парень ее может потерять. Конечно, Генри человек здравомыслящий, но от большого количества выпивки еще и не такое случается. Поговорить бы с ним, *на всякий случай*, для профилактики…

К выходу на балкон подошел Ибарра, и лидер Реконкисты, бросив на конкурента сердитый взгляд, вернулся обратно в зал. Он и так переобщался за столом с излишне обидчивыми парнями из Альянса, и теперь хотел отдохнуть от их общества. Потому он убедил себя в том, что нужно поговорить с Хуаном, и отправился его искать. Он бегло раскланялся с Иваном, главой Доминиканцев. Лидера недавно возникшего клана – юношу Эстебана Раззильеро, который предпочитал краткое прозвище «Раз», он считал еще слишком неопытным, а потому несколько наивным. Призрак не испытывал к Армаде особенно дурных чувств, но все же полагал ее членов *малышами*, еще толком не разобравшимися в жизни, а потому периодически учил их уму-разуму.

Снова громыхнуло за окном, а потом вдруг весь зал и прилегающие помещения погрузились во мрак. Сперва настала тишина, потом пронесся всеобщий вздох непонимания, и на-

конец ворчливый голос поинтересовался:

– Это что, тоже часть представления?

– Нет, – ответил голос Хуана. – Всех прошу соблюдать спокойствие! Это всего лишь пробки! Надо пойти проверить, а вы поаккуратнее тут: не споткнитесь. Дас, Родриго, зажгите свечи. Десс, давай со мной, и захвати фонарики.

– Я так и думал, – пробормотал Ибарра, подозрения которого, похоже, начали подтверждаться. Хорошо еще если молния не попала в щиток, не то они до утра останутся без электричества.

– Сейчас все исправим, – пообещал Хуан. – Вы только в толпе хозяйку не потеряйте.

– Уж ее мы точно не потеряем, – хором заверили его Иван, Ветер и Ибарра. – Будем охранять.

– Смотрите, – усмехнулся тот. – А то она темноты боится.

– Правда, что ли, Эл? – поинтересовался Генри, для верности беря подругу за руку. – Ты, самая смелая в игре девчонка?

– Представь себе, – подтвердила Элеонора. – До смерти боюсь темноты в помещении. Еще с детства, когда родители одну в комнате оставляли.

– Значит, держись нас, – улыбнулся Конор, протискиваясь ближе к подруге, – мы тебя в обиду не дадим. Мы ведь союзники, верно?

Генри бросил на юношу свирепый взгляд: хоть здесь он мог бы и не вспоминать о политике. Впрочем, в кромешном

мраке тот все равно не увидел бы выражения его лица.

К счастью, молодые помощники хозяев оказались весьма расторопными, поэтому спустя минут пятнадцать зал осветился множеством свечей и газовых ламп. Обстановка оттого стала еще более загадочной, по углам заплясали причудливые тени разных цветов и форм. Зато теперь никому не грозило споткнуться или что-нибудь своротить. Друзья Элеоноры повытаскивали откуда-то обычные музыкальные инструменты, не требовавшие подключения к электросети, и праздник продолжился. Участники бала старались не думать о возможных последствиях удара молнии: пожара нет – и слава Богу, а пробки можно и утром починить. Подогретые вином гости уже весело обсуждали случившееся и обдумывали версии, одна из которых по-прежнему предполагала наличие скрытого замысла со стороны хозяев… только вот мнения о том, кто вырубил во всем здании свет, расходились.

– Надо посмотреть, как там наш реквизит, – сообщила Элеонора извиняющимся тоном. – ведь если где-то замыкание… сами понимаете.

Никто не стал возражать – посоветовали только быть поосторожнее в коридорах. Предоставив гостям временно развлекаться самостоятельно, она направилась в дальние комнаты.

Починить проводку оказалось не особенно простым делом, поскольку ползание по всему пансионату с фонари-

ком в поисках сгоревшего щитка – занятие даже для людей выдержанных крайне муторное и нервное. И Десс, и Хуан, и двое их спутников из «группы поддержки мероприятия» к тому моменту, как нашли источник замыкания, успели просто озвереть. По приблизительным подсчетам время починки растянулось бы до часу, а то и двух ночи. А чуть позже выяснилось, что б*о*льшую часть неполадок вообще удастся устранить только при дневном свете.

– Может, до утра подождем? – предложил помощник Хуана Пауль, грузный добродушный здоровяк, игравший в постановке главного пирата. – Все равно ж ничего не видно! А здесь один посторонний проводок задень – и неизвестно, чем дело кончится.

– Что ж, народ до утра при свечах оставлять? – нахмурился организатор мероприятия.

– А почему нет? В средние-то века никакого электричества не было!

– Нет, все-таки не дело, – покачал головой Хуан. – Мало ли что может случиться. Мы ведь ни один прибор включить не сможем, даже мобильники не подзарядим. Это только поначалу все кажется забавным… Мы-то с вами привыкли к выездам в лес на несколько суток, а они – народ, привыкший к цивилизации.

Спор рисковал затянуться: ребятам хотелось поскорее вернуться к гостям, а хозяевам – все-таки возвратить празднику его обычное, а не авральное состояние. Было обидно

и даже немного стыдно перед друзьями: пригласили, организовали, а порядок навести не сумели. Ведь все привыкли, что у Грандов «все под контролем»! Парни молча стояли друг против друга, не желая уступать.

– Ладно, Хуан, – произнес Десс, видя, что противостояние ни к чему путному не приводит, – иди к гостям: ты все-таки хозяин бала. Мы тут сами справимся… а с чем не справимся – доделаем утром.

Друзья опять молча переглянулись.

– Давай, слезай со стремянки, ты больше не капитан – с усмешкой добавил Десс, обращаясь к «начальству». – тебя гости ждут, а без нас они еще обойдутся.

Хуан вздохнул, сперва хотел было возразить, но потом махнул рукой: Десс был парнем настойчивым, и если ему что приходило в голову – он упирался и невозможно было его переубедить, не имея столь же железобетонных аргументов, как у него самого.

– А вы уверены, что справитесь без меня? – привел он последний довод в свою пользу.

– Уверены, – отвечал молодой человек, проверяя запасной фонарь. – Мы скоро к тебе присоединимся.

Гранд кивнул, пожелал удачи помощникам и, оставив план пансионата с подробными инструкциями, отправился назад, в главный зал. Он уже спокойно ориентировался в коридорах без фонарика. да и что могло здесь измениться за столь короткое время? Поэтому подвернувшийся под ногу

неизвестный предмет стал для него полной неожиданностью. Молодой человек споткнулся и, если бы не порядочный опыт изучения боевых искусств, непременно потерял бы равновесие и стукнулся обо что-нибудь головой.

Первой реакцией было удивление. Когда он шел вместе с ребятами в противоположную сторону, ничего такого под ноги не попадалось. Осторожно, чтобы еще чего-нибудь еще не задеть, Гранд опустился на корточки и пошарил по полу. Сперва поиск не принес никаких результатов. Лишь просунув руку под старый стеллаж, он нащупал какую-то непонятную вещь. Предмет поначалу показался простой металлической рюмкой, пусть и несколько необычной формы.

Хуан поднялся на ноги, поднес свой трофей к скудному источнику света – узкому, годами не мытому окну, через которое пробивался свет уличного фонаря – и едва не потерял дар речи. То, что на ощупь казалось обычной, грубо сработанной чашкой или рюмкой, обернулось старинным серебряным кубком, украшенным драгоценными камнями. Такие он раньше видел только в музеях. Хуан не поверил своим глазам: он крутил кубок в руках, пытаясь понять, не мерещится ли ему. Откуда взялась старинная посудинка посреди коридора и кто, в таком случае, владелец? Вещь была слишком ценная, чтобы просто прибрать ее к рукам. Но зачем такие редкости возить Бог знает куда? Надо бы аккуратно выяснить у лидеров, не брал ли кто из их людей с собой антиквариата… Хозяин бала усмехнулся сам себе, представив,

как будет выглядеть, задавая такие вопросы. В лучшем случае, его слова сочтут просто удачной шуткой.

Тем не менее, он очень аккуратно завернул кубок в кусок тряпицы, найденной здесь же на стеллаже, и продолжил путь. Но вскоре его относительно спокойное путешествие вновь было прервано: где-то в глубине хлопнула дверь и послышались торопливые шаги. В этой части пансионата никому останавливаться не разрешили, и все участники мероприятия об этом были предупреждены: она открывалась только в случае крайней необходимости и только для технических нужд. Кого же угораздило туда забрести? Хуан остановился и прислушался. Стук каблуков приближался. Молодой человек, на всякий случай перехватив поудобнее трость со спрятанным внутри клинком, осторожно двинулся навстречу «предполагаемому нарушителю».

Каково же было его удивление, когда, повернув за угол, он лицом к лицу столкнулся с… хозяйкой! Вид у молодой женщины был слегка запыхавшийся, подол в пыли и, похоже, закапан вином. Неожиданно вылетев друг на друга, молодые люди среагировали мгновенно: послышался звон скрещиваемых клинков. Если бы не привычные финты и маневры в узком пространстве (оба были превосходными фехтовальщиками), они ни за что не признали бы друг друга, и тогда Бог знает, чем все могло бы закончиться.

– Элеонора?

– Хуан?

Пару секунд настороженные взгляды пронизывали темноту коридора, а затем клинки с тихим шелестом вернулись в недра тростей. Супруги обнялись.

– Как ты здесь оказалась? – успел первым задать вопрос молодой человек. – Ты же вроде бы за реквизитом пошла…

– Да, – кивнула Элеонора. – Но есть одно обстоятельство… – она цепко ухватила мужа за руку и настойчиво потянула за собой назад, в глубину заколоченного крыла. – Идем.

– Куда? – заартачился тот.

– Идем, – настаивала молодая женщина, – ты должен это увидеть. Только пообещай мне: никому ни слова.

Хуан нахмурился. Жена говорила загадками, он едва ли что-то понимал из того, что она пыталась ему втолковать. Чужая душа – потемки, тем более – *ее* душа. Он и в обычной-то обстановке не всегда мог уследить за ее мыслью: слишком уж неординарным человеком она была. А сейчас его мозг вовсе отказывался воспринимать и обрабатывать информацию.

– Постой! Куда ты меня тащишь? – допытывался он у жены, которая молча, без каких-то либо объяснений продолжала уводить его все глубже в пыльный лабиринт. – И о чем я, черт побери, должен молчать?!

После очередного «там узнаешь», молодой человек решил, что с него достаточно сюрпризов на сегодняшний вечер, который уже плавно перетекал в *завтрашнее утро*.

– Ну, довольно, – он высвободил, наконец, руку и резко

остановился. – Рассказывай. Или я дальше никуда не пойду. Я сюда не пыль веков глотать приехал.

Элеонора тоже остановилась и спокойным тоном произнесла:

– А дальше никуда и не нужно. Мы на месте.

Она повернулась к одной из дверей, на которую Хуан только сейчас обратил внимание. Из-под двери пробивалась узенькая полоска света, будто за ней горел тусклый фонарик.

– И что же там такого интересного?

– Увидишь, – произнесла молодая женщина, критически осматривая мужа с ног до головы, после чего, слегка отряхнув его костюм и решительно сняв с пояса сумку с инструментом, продолжила: – Только ничему не удивляйся. Веди себя как обычно.

– Я понял, – возразил Хуан. – Но чему я, черт побери, должен удивляться?

Вместо ответа Элеонора сняла с пояса ключ, вставила его в замок и повернула. Замок щелкнул, дверь поддалась с противным скрипом.

– Слушай меня, – пояснила она, снова беря мужа за руку, – и ничего страшного не случится.

Молодой человек покачал головой. Страсть его любимой к загадкам и сложным проблемам иногда его просто убивала. Он не был силен в криминалистике: не то чтобы она совершенно не могла его заинтересовать, просто он предпочитал следить за тем, как поисками скрытых смыслов занимаются

другие… Поэтому его смутила явная озадаченность Элеоноры и ее серьезный тон – ведь это означало, что ничего хорошего и легко преодолимого ждать не стоит. Хуан доверял жене и знал, что в полностью сомнительную авантюру она вряд ли стала бы его втягивать… Ей требовалась помощь, он это чувствовал, а потому не стал возражать и молча последовал за нею по узкому коридору, освещенному старинными газовыми лампами, в сторону незапертой двери, из-за которой пробивался более яркий свет, а также слышались звуки менуэта и голоса, переговаривающиеся на красивом, но незнакомом языке…

Мигель понятия не имел, что ему делать теперь. Он уже полчаса сидел над рукописью и изобретал «коварный план мести». Судя по ее состоянию и виду, это был окончательный авторский экземпляр. Тот самый, вожделенный и пугающий, который совсем скоро должен был увидеть свет. И тогда уже не миновать ему полного позора и разочарования! Ведь книгу прочтут не только его соратники, но и другие игроки. А стало быть, времени терять нельзя, иначе уже спустя три-четыре дня после презентации все будут хвалить Альянс, восхищаться Реконкистой, а на его долю выпадут тыканье пальцами и непристойные шуточки. И с чего это Элеонора его так невзлюбила?

Чем дальше Мигель вчитывался в текст, водя фонариком по строчкам, тем сильнее история его захватывала. Книга

вышла, в сущности, неплохой – *плоха* была только несправедливость в отношении его самого. Вот если бы немного изменить историю… тогда все будет отлично. Он согласится, в крайнем случае, на нейтрального персонажа, хотя лучше бы – положительного, а еще лучше – героя. В конце концов, чем он хуже тех же Вальдеса или Генри? Да ничем! Он даже лучше! И почему автор предпочитает этих подхалимов и матерщинников ему, человеку ответственному и искренне радеющему за Испанию?

За окном полыхнула молния, и сразу же послышался оглушительный треск, как будто над головой раскололись одновременно сто тысяч гигантских страусовых яиц. Мигель содрогнулся. Ну и грозища! А ведь он едва под нее не попал!.. Эх, хорошо иметь крышу над головой во время такой непогоды, даже если крыша эта чужая…

Еще одна молния ударила в ствол стоящей у края леса сосны – так, что тот задымился: хорошо еще, ливень был слишком сильным для того, чтобы мог возникнуть пожар. Мигель снова перевел взгляд на окно и поежился, потом взглянул на рукопись. «Может, взять и уничтожить?» – возникла в голове шальная мысль. Но он тут же отмел ее в сторону: все-таки чужое произведение. Вот *изменить* – это нормально, а *уничтожать* книгу не имеет права даже автор, потому что *искусство принадлежит народу* ! Или можно ее припрятать, а когда хозяева начнут искать – выдвинуть ультиматум…

Стоп! Вот это, и в самом деле, мысль! Мигель критиче-

ски осмотрел ее со всех сторон, как незаконченную картину, и остался доволен. Воровать – преступно, как юрист по образованию и призванию, он это знал. Но ведь это и будет не воровство, а *сокрытие*. Сие же понятие родственно *сохранению*. «Ведь она лежит тут, одна, без присмотра, – рассуждал он про себя, – никто за ней не следит, а вдруг *кто-то еще* захочет прибрать ее к рукам?» Нет, он, Мигель, этого не допустит! А дочитать как раз успеет потом.

Он аккуратно сложил рукопись обратно в переплет, и после недолгих поисков обнаружил среди хлама и побрякушек полувыцветший кусок бархата, когда-то, видимо, бывший частью гардины. Осторожно завернув в него книгу, Мигель прицепил фонарик на лоб и вышел из комнаты, тихонько притворив за собой дверь. Теперь у него были все козырные карты, и он мог выступить в этой игре на равных с остальными.

Отсутствие света, по-видимому, не слишком помешало празднику – если вообще было замечено. Уже изрядно разомлевшие от хорошего вина и плотного ужина гости стали потихоньку забывать о той реальности, которая начиналась аккурат за лесом, скрывавшим пансионат от посторонних глаз. Уже пошли философские беседы о жизни и «за жизнь», то в одном, то в другом углу вспыхивали и затухали споры о достоинствах спиртных напитков, оружия и кораблей. помощники хозяев довольно легко и ловко научили гостей основам

средневековых танцев и фехтования, так что те, кто не хотел беседовать, могли встать и поразмяться.

Гроза немного приутихла, ливень хлестал уже не так сильно, уже можно было пройтись по галерее и подышать свежим воздухом. Оттуда то и дело доносились через открытые двери звон сшибающихся клинков и смех.

– Как бы они друг другу тяжких телесных не нанесли… – задумчиво проговорил Десс, прислушиваясь к этой «музыке». – Случайно. А нам потом отвечать.

– Не нанесут, – усмехнулся Хуан. – Там Пауль, он их разнимет вовремя.

– Главное, чтобы никто не забыл, что это все-таки не компьютерная игра, – проворчал собеседник. – Здесь могут и насовсем прихлопнуть. *Случайно*.

– Не забудут – не настолько же они пьяны, в самом деле, – отозвался молодой человек.

– Хотя жаль, – вздохнул подошедший сзади Конор. – Вот бы на пару часиков оказаться *там* – здорово было бы!

– Чур меня! – отмахнулся Десс, а Хуан смерил приятеля суровым взглядом.

– Кто тебя учил подкрадываться? В ухо схлопочешь когда-нибудь…

Конор сделал невинное лицо – дескать, он тут ни при чем – и принялся беззаботно насвистывать. Эту идею тут же подхватил Альваро, программист из Реконкисты, и к общей симфонии добавилась пара новых музыкальных инструмен-

тов. Хуан только со смехом махнул рукой, а Десс укоризненно заметил:

– Деньги высвистите. Не игровые – так реальные.

– А я вам знаете, что сейчас скажу? – Конор прекратил свистеть, глаза его загорелись, как у человека, знающего новость, о которой другие даже не догадываются.

– Ну, что? – подозрительно осведомился Альваро. Он вообще не особенно верил слухам, даже если их приносил лидер клана (а уж тем более – посторонний человек). Один ляпнул, второй дальше понес… а верить-то зачем?

Юноша подошел ближе, взгляд его стал еще более заговорщическим, а голос понизился почти до шепота.

– Я в запертом крыле человека видел!

– Врешь! – выдохнули все разом, а Десс, скептически скрестив руки на груди, добавил:

– Туда же ходить запрещено. Ты-то как там оказался?

– а я там и не был! – принял защитную позу юноша. – Я там свет видел. Как от фонарика.

– Может, померещилось? – нахмурился собеседник и вновь обратился к приятелю: – Ты уверен, что это не отсвет от молнии или от фар?

– Да что я, отражения от фонаря не отличу, что ли? – обиделся Конор. Ему не нравилось, что его желание поделиться новостью никто не оценил.

– Кто тебя знает, после стольки-то бокалов! – усмехнулся Альваро. Все засмеялись, даже насупившийся было юно-

ша… все, кроме Хуана, который, нахмурившись, о чем-то сосредоточенно размышлял, а потом кивнул своим мыслям и произнес:

– А я все-таки схожу, проверю.

Он присоединился к друзьям минут пять назад. После того, что ему показала Элеонора, строго-настрого запретив выдавать тайну, он готов был поверить во все, что угодно. Даже в то, что тот человек – привидение, заведшееся в доме в позапрошлом веке. Или в то, что это какой-нибудь «тайный диверсант», и именно благодаря ему – а вовсе не грозе – в пансионате творится чертовщина. Но о своих предположениях молодой человек предпочел умолчать…

Генри бродил по залу в поисках компании. Пить надоело – он и так уже был изрядно пьян. Болтать тоже наскучило: своих и Грандов (из тех, кого удалось перехватить между их беготней по делам – вот уж для кого праздник был настоящей каторгой!) он уже повидал и со всеми перекинулся парой слов. А что еще делать? Он успел даже вдоволь нафехтоваться и натанцеваться, и теперь толком не знал, чего бы ему еще хотелось. А спьяну в голову приходят самые разные мысли, и как бы хорошо он это ни понимал, язык уже поворачивался сам собой, без ведома мозга. Видимо, он уже что-то этакое сказанул Доминиканцам, потому что они обходили его по дуге.

Хозяйку он заметил случайно: она стояла у колонны, ве-

село болтая с Нэллом, Шуриком и Марком – пареньком из Черноголовки, который тоже увлекся игрой. Компания была вполне подходящая, так что Генри, недолго думая, решил присоединиться. Наполнив бокал вином в очередной (он уже не мог сказать точно, какой) раз, он направился к беседующим. Поскольку разговор начался уже давно, сути он не уловил, сперва пытался слушать и вникать, но получалось не очень, а поговорить хотелось, тем более что ему было, что обсудить с хозяйкой. Быть может, сейчас было не лучшее время и *состояние души*, но об этом он как-то не задумывался.

– Эл, можно тебя на минутку украсть?

Друзья переглянулись, посмотрели на Генри, на подругу, и явно о чем-то условились одними взглядами.

– Ну, не будем навязываться, – произнес Нэлл.

– Эл, я все хотел спросить… – он замялся, не зная, как завести разговор, взгляд бесцельно блуждал по залу, пока не остановился на бутылке с вином. – Может, выпьем?

Элеонора взглянула на него, на бутылку и расхохоталась.

– Так вот зачем ты пришел? Ну, давай…

Молодой человек постарался пропустить ее слова мимо ушей, а главное – мозга. Будь он в другом состоянии духа, наверняка бы обиделся, но сейчас все воспринималось иначе.

– Элеонора, скажи… – произнес Генри слегка заплетающимся языком, – тебе не надоела вся эта морока? Какой

смысл обо всех заботиться… Не стоят они того… Особенно Альянс.

Генри не впервые ступал на скользкий лед, в трезвом состоянии он уже схлопотал однажды моральную пощечину, после чего Элеонора с ним неделю не разговаривала.

– Знаешь что, золотко, – произнесла она тоном, каким обычно выносят смертные приговоры, – пойди, протрезвей сначала. Поговорим потом, – и добавила: – Только не вздумай больше подходить ко мне с этим вопросом. Если рискнешь – мы окончательно поссоримся.

Она развернулась и быстрым шагом направилась прочь.

– И это вся благодарность? Я к тебе со всей душой… – возмутился было Генри, но Элеонора его уже не слушала. Реконкистовец посмотрел в пустой бокал, вылил туда остатки из очередной бутылки – хватило только до половины.

– Во я напился… – вздохнул он, глядя в глубину сияющего напитка. Пойти поискать Элеонору? Извиниться? Но разве он не прав? Генри залпом осушил стакан и твердо решил, что на сегодня уже хватит, если он не хочет потерять рассудок окончательно. Так что, стараясь не смотреть больше в сторону стола, он направился на улицу проветрить голову. Дождь уже закончился, и промокнуть ему не грозило. Не дожидаясь, пока кто-то составит ему компанию, он накинул куртку и вышел во двор.

Когда Хуан позвал всех играть в бильярд, было уже

довольно поздно… точнее, рано. Большинство гостей уже разошлись по комнатам отдыхать, оставались только самые неутомимые. Из напитков сейчас подавали лишь горячие: кофе, шоколад и зеленый чай. Их готовила лично хозяйка, а гости стремились попробовать все и сразу, поэтому подносы с чашками быстро пустели.

Кто не был силен в пирамиде, нашли себя в картах, нардах или других интеллектуальных играх. Хуан бродил от стола к столу с «нескончаемой» чашкой чая; беседа стала вялой и сползла на темы, далекие от игры и сложных предметов, кроме разве что литературы. Все Гранды были здесь, за исключением Элеоноры, которая куда-то исчезла, причем ни ее соклановцы, ни помощники не знали, куда именно. Пока она отсутствовала с полчаса, никто не волновался, спустя еще пятнадцать минут – начали беспокоиться, а когда перевалило за час – настало время паниковать. Спокоен был только ее муж, который явно догадывался, куда подевалась хозяйка бала, а потому сохранял хотя бы внешнее самообладание и всем отвечал одно: скоро придет. После пятнадцатого раза спрашивать переставали…

Учитывая многочисленные сюрпризы вечера, никого не удивило неожиданное появление хозяйки, крайне взволнованной. Она как вихрь ворвалась в зал и нервным жестом отозвала Хуана в сторону. Тому оставалось только извиниться и последовать за ней: вид супруги его взволновал – она была непритворно перепугана.

Догнать Элеонору оказалось не так-то просто: если она хотела, то могла бегать довольно быстро. Только когда они свернули в темный коридор, молодая женщина наконец остановилась и обернулась.

– Ты объяснишь, наконец, что на сей раз случилось? – потребовал Хуан. Глаза супруги странно блестели, и это его испугало. Давно он не видел ее в таком волнении.

Элеонора с полминуты собиралась с мыслями, а затем беспомощно посмотрела на него и прошептала:

– Рукопись исчезла.

Ответ вверг Хуана в ступор. У жены такой вид, что краше в гроб кладут, а это она, оказывается, беспокоится о сохранности интеллектуальной собственности! Он посмотрел на нее недоверчиво. Уж не выпила ли *она* лишнего?

– А если серьезно? – усмехнулся было он, но тяжелый взгляд исподлобья заставил его подавиться последней фразой.

– Ты не понимаешь! *Рукопись пропала*. Сейчас, здесь. После грозы, – медленно, почти по слогам выговорила Элеонора, и голос ее звучал как-то зловеще. – Ты хоть догадываешься, *чем это может грозить*?

Как ни странно, она даже не задалась вопросом, кто бы мог взять книгу, и тут Хуану сделалось страшно по-настоящему. Разом вспомнились и бегающие глаза директора, и предостережения старика у остановки, и то странное зрелище, что показала ему Элеонора в запертой части здания…

и найденный кубок. Когда он украдкой показал его, она пришла в ужас.

– Ты хочешь сказать, что раз что-то оттуда могло попасть сюда…

– Верно! – молодая женщина не дала мужу договорить, прикрыв ладонью рот и быстро оглядевшись, как будто опасалась, что их подслушают, потом отчаянно затараторила: – Нам нужно найти рукопись, понимаешь ты или нет? Пока еще что-нибудь не исчезло! Иначе начнутся вопросы, и придется рассказать всю правду. Понимаешь – *всю*! А это скандал!.. Или, не дай Бог, кто-то отыщет дверь и решит прогуляться по запретной части… Знаешь, чем *это* грозит?!

– Знаю, – задумчиво буркнул Хуан, припоминая слова Конора, – как минимум паникой. Ладно, сейчас мобилизуем наших… хм… *посвященных*. Найдем твою рукопись – наверняка, кто-то просто взял почитать и завтра вернет.

– Надеюсь, – Элеонора пыталась храбриться, но почему-то ее слова звучали неубедительно, наверное, потому что ей самой в них не слишком-то верилось… – Надо развести гостей по комнатам… – пробормотала она, пребывая мыслями в тревожном «неизвестно где». Они с Хуаном, не чуждые мистике, вполне понимали, чем могли обернуться для гостей «последствия грозы», но пока предпочли перестраховаться сами, не посвящая в это всех, насколько возможно: только глупостей или паники им не хватало! И уже не важно, что было тому виной: пансионат, погода или чей-то злой умысел.

Главное – не медлить…

Из забытья, навеянного чрезмерным потреблением алкоголя (который был настолько качественным и разнообразным, что никак не получалось сказать себе «хватит»), Генри выдернули совершенно бесцеремонно. Кто-то тряс его за плечи и звал по игровому имени. Он даже сперва подумал, что заснул за клавиатурой, хотя мягкая подушка и теплое одеяло говорили об обратном. Открывать глаза не хотелось: веки саднило от яркого света, а в голове пульсировала мигрень. Сейчас бы пивка или хоть водички холодненькой…

Видимо, он ненамеренно озвучил свою мысль, потому как в ответ прилетело:

– Будет тебе и пиво, и сауна, и небо в алмазах! Вставай, а то пропустишь все к чертям!

Голос был знакомый, но при этом не принадлежал никому из его родственников – и это раздражало молодого человека почти так же сильно, как нарастающая головная боль. Еще чужой кто-то орет! Не открывая глаз, он натянул на голову одеяло и отвернулся.

– Генри! – не унимался незваный гость. – Хорош дрыхнуть! Тут такое творится! Не только опохмел проспишь – всю оставшуюся жизнь.

Магическое слово, сулящее избавление от мигрени, разом прогнало сонливость. Генри понежился в постели еще минуту, но, наконец, зудящая боль достала окончательно,

и он, блаженно потянувшись, открыл глаза. То, что он увидел, не походило ни на его квартиру, ни на номер в пансионате, где отдыхал с друзьями по игре. Нет! Комната скорее напоминала фотографии интерьеров дворца. Испания или, быть может, Франция? Стены были завешаны гобеленами, тяжелые гардины на высоком окне раздвинуты, и яркий свет бил прямо в лицо. Мебель тоже была сплошь старинная, инкрустированная перламутром, с бронзовыми ручками и украшениями. Вместо обычной гостиничной кровати – широченная, с пологом, а воздушные перины и подушки ничем не напоминали привычные, плоские и жесткие. На самом краю этого *ложа*, покрытого тигровой шкурой (между прочим, настоящей), сидел улыбающийся Алекс Грейди!

Выглядел он несколько непривычно. На нем была шелковая рубашка, бархатная жилетка и штаны, на поясе висел короткий клинок, похожий на дагу (видимо, парный к длинному). На лице – ни следа вчерашней гулянки: вид у приятеля был свежий и аккуратный, как будто он только что возвратился с прогулки, а накануне лег спать еще на закате.

Генри то непонимающе хмурился, то так широко раскрывал глаза, что вскоре у него заныли надбровья. Он не знал, расхохотаться ему или выругаться.

– Что происходит, Грейди? – произнес он наконец, едва заставив собственный язык повиноваться не ради бранных восклицаний. – К чему ты вырядился, как петух на Пасху?

Откуда взялось это выражение, Генри не помнил: услы-

шал когда-то давно в каком-то спектакле или фильме. Не то чтобы оно ему понравилась – просто прилипло к памяти, как кусок изоленты, а теперь всплыло в необычной обстановке, поскольку собственной необычностью гармонировало с ней, что ли… Друг поправил выбившуюся из-под жилета белоснежную рубашку с высоким кружевным воротником. Ему явно нравился его новый костюм, тем более что в нем он смотрелся среди нынешней обстановки куда привычнее и уместнее.

– *Что происходит*? – передразнил приятель. – Он еще спрашивает *меня*, *что происходит*! Сам посмотри!

Прежде чем Генри успел что-то возразить или остановить друга, тот подскочил к окну и распахнул створки, потянув за тяжелые кисти. В комнату ворвался ветер, неся с собой смесь запахов моря, рыбы, хлеба, мусора и гнилого дерева, а также всевозможные звуки улицы, галдевшей на самых разнообразных языках. Молодой человек откинул узорное покрывало, поднялся с кровати и, ступая босиком по зеркально блестящему паркету, проковылял к окну. Голова все еще болела после вчерашнего, воспоминания всплывали обрывками, одно другого краше, и чем дальше он вспоминал, тем больше ему становилось стыдно. Он старался даже не думать о том, что спьяну наговорил Элеоноре, и как она могла из-за этого к нему отнестись. Конечно, она мировая девчонка и умеет спокойно принимать еще и не такие речи, но от этого ему нисколько не становилось легче… И все-таки интерес-

но: а если они вчера на пару с Грейди так *уквасились*, что сейчас видят друг друга в качестве похмельного кошмара, то что же случилось со всеми остальными?..

Занятый подобными мыслями, молодой человек добрался наконец до окна и выглянул наружу… В следующий миг он едва не задохнулся от приступа нервного кашля, от неожиданности так хватив ртом воздуха, что разом пересохло в горле. Он ожидал чего угодно, но не такого: за окном раскинулся настоящий средневековый город. Вниз, к морю, ослепительно сияющему под солнцем у горизонта, речками сбегали узенькие улочки. Люди в старинных костюмах бродили по ним, переговариваясь на языках, большая часть которых была ему незнакома. Конный патруль испанских конкистадоров прогарцевал по улице, провожаемый восхищенными и завистливыми вздохами. Командир, лениво обозревавший окрестности, отсалютовал друзьям. Генри первым делом привычно ответил ему, и только потом нашел в себе силы задуматься, с чего это незнакомому испанцу их приветствовать. Тем временем симпатичная девушка, кокетливо поиграв ресницами, послала ему воздушный поцелуй.

Лишь сейчас молодой человек понял, как выглядит, и тут же нырнул обратно в комнату, где медленно съехал по стене, испустив долгий стон, в котором ясно читалось непечатное слово.

– Грейди… – прошептал он, подняв на друга взгляд, полный безнадежной тоски. – Что все это значит?

– Я бы тоже хотел знать! – собеседник бухнулся на кровать и сокрушенно покачал головой, вертя в руках длинную сигару, аромат которой заставил бы умереть от стыда запахи магазинных аналогов. – Я, признаться, сам думал, что налакался и у меня галлюцинации. Потом выяснил, что, вроде, и ты еще здесь. Решил проверить, а заодно и предупредить. Как сюда попал – не знаю, – он поднял руку, предупреждая вопросы, – проснулся уже тут, поэтому как выбираться – тоже понятия не имею. Одно могу сказать точно – это не сон и не киносъемки, – Алекс замолчал, нервно сглотнул и добавил сдавленным голосом, какого Генри еще ни разу у него не слышал, даже в самые тяжелые минуты: – к несчастью. Возможно, Элли что-нибудь знает.

Знакомое имя порой способен сотворить чудо, и сейчас Генри как никогда был рад услышать его: оно пробуждало в его сердце надежду на удачный исход… или хотя бы на какой-то шанс выяснить, что же с ним произошло. Но не ошибается ли друг в своем стремлении видеть в жизни только лучшее, выдавая иногда желаемое за действительное?

– А она что… тоже *здесь*? – недоверчиво спросил он, нахмурившись и исподлобья глядя на Грейди.

– Не только ж мы такие неудачники! – произнес тот загадочно-насмешливым тоном, что насторожило молодого человека еще сильнее.

– Ты уже говорил с ней?

– Пока нет. Но я знаю, что она где-то поблизости…

– Носом ты ее чуешь, что ли? – криво усмехнулся Генри. Ему казалось, что друг над ним издевается: слишком уж неправдоподобно все выглядело. Может, это очередная уловка хозяев с целью развлечь гостей?.. Но не могли же они воссоздать за ночь целый город! И у них там уже началась осень, а здесь самое что ни на есть лето.

– Слышал, – сухо отозвался друг, поднимаясь на ноги, и добавил, идя к двери: – Ладно, не буду тебе мешать приводить себя в порядок. А то еще явится сюда какая-нибудь дама, а ты в таком затрапезном виде.

Генри молча кивнул и встал, хотя мозг его по-прежнему отказывался верить в происходящее. Бред! Было бы еще понятно, если б он, к примеру, «травку» покуривал, но ведь нет!

Он растерянно огляделся в поисках не то подвоха, не то, наоборот, подсказки, но вещи хранили молчание. Да и сама комната, хоть и обставленная с роскошью Эрмитажа, отнюдь не была ими переполнена: кроме кровати, в ней находились только старинный комод, письменный стол, стул, два кресла и зеркало в массивной бронзовой раме… Вид собственного лица, заспанного и помятого то ли от подушки, то ли от вчерашних возлияний, окруженного торчащими во все стороны волосами, да еще и с заметной щетиной на щеках и подбородке его совершенно не вдохновил. Сперва молодой человек привычным жестом попытался пригладить «ежик» и протереть глаза, как будто от этого им ста-

ло бы легче, но потом махнул рукой и снова огляделся, на сей раз в поисках одежды, с завистью вспоминая аккуратно причесанного и свежего друга.

Одежда нашлась здесь же, на кресле. Белая шелковая рубашка, бархатистая на ощупь и такая легкая, что, наверное, ее можно было бы уравновесить шикарным пером с небрежно брошенной на столе шляпы; штаны, камзол и короткая накидка, как будто срисованные с макетов какой-нибудь киностудии, где снимали фильм по Лопе де Вега или Сабатини. Впрочем, в отличие от киношной бутафории, здесь золотое шитье и драгоценные камни были вполне настоящими. Генри задумчиво провел рукой по бархату, потом – по проступившей щетине. Взгляд упал на прикроватный столик, на изящной крышке которого оказался как бы невзначай забытый бокал чего-то, похожего на спиртное. У него сейчас меньше всего было настроения продолжать вчерашнее, но пить хотелось ужасно. В душе проклиная себя за доверчивость и любовь к выпивке, друзей – что не отговорили его от роковой поездки, которая Бог знает чем закончилась, а хозяев – что эту вечеринку устроили, он добрел до стола и залпом осушил бокал, запоздало подумав о том, что там мог быть и ром, и даже яд. Но, на его счастье, в бокале оказалось легкое вино.

После глотка живительной влаги мир сделался куда дружелюбнее. Генри продолжил исследование комнаты и обнаружил дорогую перевязь под клинок. Сам клинок в ножнах

был аккуратно прислонен к стойке возле кровати (там же в изголовье лежал заряженный пистолет искусной работы, настолько новенький, что его можно было бы принять за имитацию, если бы не запах пороха). Молодой человек взял клинок, и в тот же миг дыхание у него перехватило от восторга, так что он на минуту-другую выпал из реальности и даже подумал, что мир, в сущности, не так уж плох. Это была тонкая длинная сабля, настоящий дамаск, острая как бритва, с искуснейшей гравировкой по лезвию, где в узор вплеталась арабская вязь, смысла которой он, не умея читать по-арабски, не понимал. Ему даже было немного неловко без должного почтения держать в руках «историческую ценность».

За этим занятием его и застали очередные незваные гости. Дверь приоткрылась, в комнату заглянули девушка и юноша, ужасно похожие – видимо, брат с сестрой. Генри обернулся и непонимающе нахмурился, все еще сжимая саблю в руках. Видимо, подумав, что он рассержен, незваные гости прошмыгнули в комнату и низко (как показалось молодому человеку, виновато) поклонились.

– Что сеньору угодно? – тут же спросил юноша, бывший, очевидно, посмелее сестренки. – Умыться? Одеться? Может быть, цирюльника позвать изволите?

Генри не отказался бы в этот момент увидеть себя со стороны и не допустить выражения полного замешательства на лице. Хорошо, что ребята были совершенно по-иному

воспитаны и приняли его удивление за утреннюю «задумчивость» (в обычном мире называемую *заторможенностью*).

– А? Да, – поспешил отозваться он, скорчив серьезную мину, чтобы гости ненароком не подумали, что он и правда не знает, что ему надо. Наконец стало ясно, как приятель умудрился привести себя в порядок.

– Ну что стоишь? Беги за водой! – шикнул паренек на сестренку, а когда та, сделав реверанс, скрылась за дверью, снова обратился к Генри, сопроводив свои слова очередным поклоном: – А что ваше оружие, сеньор? Оно недостаточно хорошо почищено?

Только сейчас растерянный Генри понял, что все еще сжимает клинок в руках, и резким движением загнал его в ножны, так что юнец, похоже, испугался, но при этом и бровью не повел – только побледнел слегка. Молодому человеку стало стыдно. Впрочем, извиниться он не успел: вернулась девчушка, неся кувшин воды и полотенце, а за ней вошел пожилой человек с аккуратной испанской бородкой, в недорогом, но опрятном камзоле. Генри рассеянно следил за тем, как вокруг него суетятся, и ему казалось, что все происходит как бы не с ним, а это – всего лишь его шанс увидеть скрытую жизнь своего персонажа из компьютерной игры, с которым он теперь каким-то неведомым образом поменялся местами… А может так оно и было? Нет, бред какой-то! Пить надо меньше… или закусывать больше.

Генри решил на некоторое время отдаться во власть об-

стоятельств, позволив троим гостям *сделать из себя человека*. Он рассеянно отвечал «да» или «нет», не менее рассеянно показывал пальцем наугад, если его просили что-нибудь выбрать, в то время как мозг его был занят совершенно другими вопросами: что происходит, где он, как здесь оказался и, самое главное – когда и чем это безобразие кончится. Он даже не задумывался над тем простым фактом, что легко понимает местное население, а они говорили явно не по-русски. Неужели он выучил испанский во сне или это всего лишь последствия игры? Надо бы уточнить потом у Элеоноры, если Грейди не ошибся и она действительно здесь.

– Мы очень рады, что вы в хорошем настроении, сеньор! – щебетала девушка, всячески стараясь обратить на себя его внимание. – Говорят, вы вчера зарезали четверых, не сходя с места!

– Да, наверное… – пробормотал Генри, – я плохо помню…

И это была чистая правда. Когда он успел кого-то убить? За что? Он в жизни разве что тараканов морил, шлепал комаров да дрался с ребятами на улице, но до смертоубийства, слава Богу, точно ни разу не доходило. Что за дикость! Неужели это и вправду не страшный сон, а еще более страшная правда, и он действительно угодил в самое сердце средневековья… Ужас какой-то!

– А какое сегодня число, не помнишь? – бросил он как можно небрежнее, чтобы слушатели списали его ре-

плику на забывчивость по причине обильных возлияний, а не на незнание.

– Сегодня двенадцатое апреля, год одна тысяча шестьсот семьдесят девятый от Рождества Христова, сеньор! – услужливо отозвался паренек, не отрываясь от застегивания запонок на его рукавах.

Генри снова тихонько выругался. Или над ним продолжают издеваться и все происходящее – искусная выдумка Элеоноры и ее команды, или же… об этом лучше не задумываться, а то и голову сломать недолго.

Впрочем, несмотря на странности, троица незнакомцев свое дело знала: через три четверти часа он был одет по последней местной моде, аккуратно причесан (хотя до их прихода он вовсе не верил, что его шевелюру реально уложить), щетина куда-то исчезла, зато появился приятный легкий запах одеколона (должно быть, французского). Единственная неприятность заключалась в том, что у него совершенно не оказалось денег, чтобы заплатить ребятам, либо он просто не знал, где они лежат. Впрочем, старший из гостей заверил его, что за все услуги с ними уже рассчитались заранее: в этом доме, дескать, всегда бывает много гостей, так что все принято учитывать, тем более что нынешняя ситуация вполне обычна.

Так что когда его новые знакомые с поклонами покинули комнату (попросив немедленно звонить в колокольчик, если что-то понадобится) и снова появился вездесущий Грейди,

Генри уже возился с перевязью, стараясь поудобнее пристегнуть к ней клинок.

– Ну, как? – хозяйским тоном осведомился приятель, бесцеремонно плюхаясь на кровать. – Разобрался уже в обстановке?

– Разобрался, что мы, похоже, влипли, – буркнул Генри, продолжая возню с оружием, категорически не желавшим занимать положенное место у него на боку, и в душе радуясь за своего персонажа, которому, наверное, ни разу не приходилось чистить по утрам зубы. – И по-крупному. Мы что, правда в семнадцатом веке?

– Боюсь, что так, *амиго*, – произнес Грейди, и голос его вдруг стал серьезным, как никогда прежде, – а самое страшное, что я не знаю, сколько из *наших* сейчас здесь, в этом мире – и где они. Ведь вместе с друзьями сюда могло *затянуть* и врагов. Надеюсь, ты меня понимаешь…

Слова друга задели Генри за живое, причем так сильно, что руки вдруг сами приладили саблю на место, в то время как вкупе с умом это сделать не получалось. Сердце дрогнуло, и он неожиданно вспомнил, как хорошо ему жилось у себя, в Питере, в доме, где окна выходили в глубину грязного двора-колодца, где кухня всего-то девять квадратных метров, а на столе с трудом помещаются одновременно тарелка супа, бутылка пива и ноутбук. Но это был *его дом*, каким бы задрипанным он ни казался в сравнении с роскошными хоромами здесь, в другой эпохе и в чужой стране. На ду-

ше вдруг стало так мерзко, что душевная боль отозвалась болью физической. Молодой человек как стоял, так и рухнул в кресло, схватившись за голову. Он даже не сразу почувствовал, как кто-то заботливо подхватил его под локти.

– Генри, дружище, что с тобой? – услышал он сквозь туман в голове встревоженный голос товарища.

– Я здоров, Алекс, если ты об этом, – простонал он, все еще пытаясь совладать со скачущими, как взбесившиеся лошади, мыслями. Дом… он сейчас так далеко, а дорогу назад он не знает. Да и век-то, мягко говоря, не совсем тот, и Питера еще нет как такового… так – пара петровских деревенек на болотах, одно название… Если, конечно, весь этот бред – правда. – И где же мы?

– Точно еще не успел узнать, но где-то в Испании… точнее, в ее владениях, – произнес собеседник задумчиво. – Я еще на улицу не выходил. Не рискнул. Надеюсь дождаться Элли.

Генри подхватил с кровати первую попавшуюся подушку, закопался в нее лицом и ругался до тех пор, пока ему не перестало хватать воздуха. Вот это подвох из подвохов!.. Уж он ей задаст… *парочку вопросов* при встрече!.. С другой стороны, она может так же, как и они с Грейди, оказаться несчастной жертвой обстоятельств. Но если Эл успела узнать больше, у них есть шанс. Конечно, полностью на окружающих полагаться не стоит, но она лучше знает историю, она разберется…

Успокоив себя этой мыслью, Генри бросил подушку обратно на кровать и поднялся с места. Его желудок отказывался воспринимать всерьез понятие «форс-мажор» и отчаянно требовал пищи.

– Грейди, – решительно сказал он, – пора что-нибудь съесть. Пойдем поищем, где и чем здесь кормят.

– Вот это здравая мысль! – поддержал тот. – Уж всяко лучше чем «как мы будем выбираться?» и «Кто все это подстроил?».

Генри сделал вид, что не заметил сарказма друга, и быстро направился к двери. Найдя тему для размышлений помимо философских вопросов типа «кто виноват и что за это с ним сделать», молодой человек решил бороться с проблемами по мере их возникновения.

Мигель не знал, как ему быть и что делать. Точнее, что делать – он знал, но не знал, как. Рукопись, спрятанная под плащом, грела не только тело, но и душу. Теперь история должна была пойти по-новому – уж он-то приложит к этому руку. Он уже успел на себе ощутить силу слова, особенно слова написанного, а если учесть, что по изменении текста все происходящее в нем окажется правдой… Вот тогда он покажет всем этим выскочкам из Реконкисты, Доминиканцев, примкнувшего к ним по-подлому Альянса… и всем, всем, всем! Он им покажет, как творится история Испании, черт побери!

Вот только к кому обратиться за помощью? Мигель пытался изменить рукопись самостоятельно, но ничего не произошло. Единственным видимым эффектом было то, что его чуть было не прикончил бандит, неизвестно откуда взявшийся на его голову. Когда за ним закрылась дверь пансионата, приведшая его в задние комнаты таверны в испанской провинции, оставалось только уповать на удачу и снисхождение высших сил к несправедливо обиженному.

Он сам поначалу не слишком верил в происходящее, когда за обыкновенной дверью обнаружилась вовсе не комната или подсобка, а коридор старинного особняка. Он сам долго не мог избавиться от мысли, что попал на киностудию… А в мистику он не верил. Обратной дороги не было: дверь за спиной теперь вела на улицу, а не в пансионат на окраине Подмосковья… Порядочно времени потребовалось ему, чтобы понять, что он находится… внутри романа! Но раз так – он знает сюжет, а, в крайнем случае, рукопись ему подскажет выход. Необходимо было разыскать себе опытных союзников, покуда его потенциальные противники не наломали дров и не насовали получившихся палок в его колеса.

Но куда везти рукопись? Кому довериться? Здесь наверняка по-русски никто читать не умеет или, чего доброго, сочтут книгу еретической и сожгут, а его – заодно с нею. Да… надо бы лучше подумать о том, как выбираться назад… Впрочем, возможно, он единственный, кто добровольно отправился в эти края, чтобы самому распоряжаться сво-

ей судьбой. От этой мысли по лицу Мигеля поползла коварная кривая ухмылка. Пусть его враги помучаются, пусть поищут выход, а он тем временем переправит историю так, что у них вообще не будет шанса ни выбраться, ни что-то изменить. Да, здорово было бы, если бы и они тоже угодили с ним одну ловушку, созданную грозой, книгой и аномальной зоной на территории пансионата… Уж он заставит их страдать так, как не страдал даже он сам!

Наемный экипаж трясся по изрытой дороге, снаружи уже давно опустились сумерки, а Мигель уносился мыслями в далекое будущее, в то время как его противники пытались вспомнить и осознать что-то в своем прошлом. Скоро *он* будет править Испанией, а не эти выскочки и их тугодумы-помощники. Главное, чтобы не вмешалась Элеонора! Все-таки она автор рукописи, и она может легко все испортить… Да и восхищенное отношение окружающих к этой девице, мнящей себя как минимум королевой, изрядно ему поднадоело. Пусть она и правда дворянка в Бог знает каком поколении – это не дает ей право так его унижать. Он и ей отомстит, будет срок! Она и ее дружки успеют еще понять, насколько он, Мигель, страшен в гневе. А покамест пусть смеются… если у них вообще сейчас хватает сил на то, чтобы смеяться.

Мигель плотнее прижал к сердцу свое «сокровище» и снова усмехнулся, на сей раз довольно. Что бы там о нем ни говорили другие, пока что именно он в выигрышном положении и сам себе хозяин. А его врагам, сколько бы их тут ни

оказалось в итоге, нужно будет сперва прийти в себя от шока, потом разобраться в ситуации, еще и разыскать друг друга и только в конце всего этого бессмысленного метания они могут начать действовать, чтобы предотвратить собственный крах… так что у него есть фора. Только бы Призрак не нашелся раньше времени!.. А в остальном он уверен – все будет отлично. Мигель скрестил пальцы на удачу. До первой важной остановки оставалось всего несколько миль…

Ибарра проснулся оттого, что чей-то незнакомый голос настойчиво звал его по имени, причем прибавляя к нему какой-то неслыханный титул. Глаза открывать не хотелось, но чем дольше он притворялся спящим, тем настойчивее становился голос.

– Ваша светлость! – слышал он сквозь уже разорванные путы сна. – Герцог Ибарра! Просыпайтесь! Его высочество требует вас к себе!

Фадрике позволил себе еще немного поваляться, после чего все-таки открыл глаза. Ему было любопытно, что это за новая игра такая. С чего это вдруг его именуют герцогским титулом? Что еще изобрели эти выдумщики, Хуан с Элеонорой? Забавно, конечно, но если и дальше так пойдет, он настолько погрузится в старину, что вернется в родной Санкт-Петербург, окончательно свихнувшись.

Представшая перед ним картина настолько поражала воображение, что какое-то время молодой человек растерянно

хлопал глазами, пытаясь сообразить, как за одну ночь простой пансионат превратился вдруг в Петергофский дворец. Ну, Гранды! Ну, молодцы! Он бы не догадался так пошутить. Интересно, как отреагировали остальные?..

Он снова и снова оглядывал комнату, обставленную с истинно куртуазной роскошью, отдаленно напоминавшей французские мотивы в старинных питерских домах Юсуповых или Орловых. Нет, это более чем просто забавно. Как они такого добились? С помощью проекции?.. оставался только один вопрос: неужели накануне он был настолько пьян, что забыл присмотреться к собственной постели… что-то он не мог там припомнить ни восточных шелков, ни брабантских шпалер…

Что же было вечером? Они беседовали за столом с Призраком, Ветром, Иваном, Даниэлем и присоединившимся позже Вальдесом. Там еще были ребята из молодых… И Генри, который поспорил с этим Вальдесом по не слишком трезвой лавочке и дело едва не дошло до драки… Было выпито много вина, они пели песни… дальнейшее он помнил плохо, но голова побаливала, что означало, что вечер был прожит не зря.

Ибарра позволил себе оторваться от созерцания комнаты и перевести взгляд на нарушителя собственного спокойствия. Это был молодой человек, отдаленно похожий на кого-то из помощников хозяев вечеринки. Кажется, его звали Марк или как-то похоже. Он тогда еще спросил, паспортное

это имя или «никнейм»…

– Марк? – он нахмурился, принимая правила игры и изображая высокосветское недовольство. Герцог так герцог. Пусть, так даже веселее: он знал, что его персонаж ст*о*ит того, чтобы носить высокий титул. – В чем дело?

Юноша улыбнулся и даже не стал поправлять его (а это значило, что он не ошибся).

– Ваша светлость, принц вас требует к себе. Уже сердится, а в гневе он становится непредсказуем, вы же знаете.

– Я-то тут при чем? – буркнул Ибарра и попытался перевернуться на другой бок, намереваясь спать дальше, но юноша был настойчив.

– Прошу вас, ваша светлость, не губите меня и себя! – он сложил руки в молитвенном жесте. – Если вы не явитесь к завтраку в ближайшее время, его высочество на вас обидится, а меня… хотя, впрочем, какое вам может быть до меня дело… – он замолчал и сник.

Ибарре стало жаль парня. Он не знал, кто в этой пьесе играет «принца», но не мог позволить человеку попасть под чью-то горячую руку из-за своей лени. Фадрике не был ни злым, ни жестокосердным, поэтому решил сжалиться.

– Хорошо, передай его высочеству, что я скоро буду, – выдохнул он. Последние остатки сна, еще витавшие где-то вокруг, этот короткий диалог вкупе с любопытством разогнали окончательно. Очень уж хотелось посмотреть в глаза тому шутнику, что осмелился поднять его, не выспавшегося,

с постели в такую рань.

– Благодарю вас, ваша светлость! – паренек просиял и отвесил галантный поклон, какие Ибарра видел раньше, в основном, только в кино. – Я пришлю слуг.

Приняв последнюю фразу паренька за часть игры, Ибарра не удивился и, когда тот ушел, нехотя поднялся с постели, желая немного размяться. В комнате было достаточно места не только для легкой зарядки – там можно было сделать полное акробатическое колесо, не рискуя задеть мебель. На такие подвиги молодой человек способен не был, поэтому ограничился малым. Уже под конец, когда по разогретым мышцам разлилось приятное тепло, в комнату постучали: явились обещанные слуги. Их было пятеро, и они за рекордный срок (минуты три, не больше) превратили его, заспанного и сердитого, если не в цветущего Париса, то, по крайней мере, в благородного человека с портретов Дюрера или Ван Дейка. Глядя на себя в зеркало, Ибарра был слишком доволен собственным видом, чтобы всерьез подозревать неладное.

Нехорошие мысли начали зарождаться, когда он покинул комнату и отправился вслед за *Марком* по коридорам в сторону *столовой*. Дело в том, что коридоры совершенно не напоминали закоулки пансионата, а выглядели скорее как переходы средневекового дворца где-нибудь во Франции или Италии. Уж что-что, а полную перестройку предприимчивые хозяева за ночь точно не успели бы сделать. Тем более

что гербы, попадавшиеся на пути то тут, то там, наводили на странные мысли.

Но самая главная неожиданность ждала его в конце пути. Спустя минуты три блуждания по коридорам Ибарра и его провожатый достигли небольшой светлой комнаты с длинным столом по центру и многочисленными зеркалами по стенам. Большое французское окно выводило в сад, и оттуда в комнату влетал свежий ветер, принося запахи роз и жасмина. За столом, способным легко вместить пятнадцать или того больше едоков, сидел только один человек, причем вполоборота к окну, так что лица его Ибарра не мог увидеть даже мельком. Ясно было только, что человек это молодой, но не более того. Испанец? Скорее всего, испанец… Ибарра вежливо прокашлялся.

– Доброе утро, ваше высочество, – произнес он, решив не ждать, пока на него обратят внимание: играть – так до конца по-честному. – Как ваше здоровье?

– Спасибо, герцог, жаловаться пока не на что, – ответил ему мягкий голос, давно знакомый по голосовому чату. – Ступай, Маркус. Присаживайся, Фадрике.

Первая половина фразы явно относилась к мальчишке, судя по тому, как тот с поклоном удалился, а вторая – к нему лично. Наугад выбрав себе место поближе к пустой тарелке, Ибарра опустился на высокий и ужасно неудобный стул. Еще б*о*льшее неудобство доставляло то, что средневековый костюм стеснял движения, а многочисленные украшения

и жесткий воротник не давали нормально согнуться или даже наклонить голову. Шпага на бедре вынуждала сидеть постоянно в одном положении, ибо чуть что упиралась в пол и создавала еще больше проблем.

И главное: теперь молодой человек, оказавшись напротив собеседника, позволил себе присмотреться к его лицу… Впрочем, чтобы узнать его, особого тщания не требовалось. Увиденное не так сильно поразило Фадрике, как его знакомых далеко-далеко отсюда, но удивило – это уж точно.

– Хуан! Что за шутки?..

– Тс-с-с! – прошипел собеседник, приложив палец к губам. – Ты нас обоих погубишь! На костер захотел? Или на эшафот?

Тихие и жесткие слова хлестнули, как пощечина. Примерно минуту – рекордный для него срок – Ибарра приходил в себя. Упоминание об эшафоте никак не могло быть шуткой. Что же Хуан имел в виду? Рациональный мозг лидера Альянса отказывался верить в подобное. Неужели он все еще спит и видит во сне, что оказался в средних веках или в реальности игры, послужившей причиной той встречи, будь она неладна?!

– Теперь слушай, что я тебе скажу, – пользуясь замешательством собеседника, негромко заговорил Хуан совершенно серьезным тоном, – при незнакомых я для тебя никакой не Хуан, а принц Филипп. И ты с этого момента – герцог Ибарра, гранд Испании. Понял? Маркус – всего лишь двой-

ник парня из Черноголовки, а не он сам, так что не вздумай заговорить с ним о «малой родине».

Ибарра потряс головой, в которой по-прежнему не укладывались подробности дурацкой шутки.

– Что за приколы, Хуан? Мне это уже не нравится… Прекрати. Я завтра должен быть на работе, потом у нас в игре решающая битва, которую нельзя пропустить, и…

Под суровым взглядом друга он замолк на середине фразы. Следующая реплика повергла его в такие пучины сомнений, что он не был уверен, что из этого безумия есть хоть какой-то разумный выход.

– Ты еще больше повеселишься, когда я тебе вот что скажу: забудь о том, что ты родом из Питера и игрок онлайн-игры. На дворе семнадцатый век, и мы с тобой не в Клину, а в Версале. Придется с этим смириться.

Ибарра от неожиданности раскрыл рот, желая возразить, но все слова куда-то делись. Хуан напоминал бы ему сейчас сумасшедшего, которого надо бы как можно скорее госпитализировать – или же злого комика… если бы не внешнее сходство. Если слова еще могли его обмануть, то глаза – ни за что. Молодой человек только беспомощно смотрел на друга, делая какие—то непонятные жесты.

– Чтобы ты окончательно поверил… только без обид… – произнес собеседник, вытаскивая из-за пояса кинжал. Ибарра не успел даже моргнуть, как сверкнуло лезвие, на миг стало больно, и на ладони его блеснула алая капелька. Ли-

дер Альянса зажмурился, потом открыл глаза, но реальность не спешила меняться.

– Теперь поверил? – грустно усмехнулся Хуан, убирая кинжал. – Вот то-то же!.. – он вздохнул и продолжил безнадежным тоном: – Я тоже вначале не верил…

Молчание повисло над столом; молодые люди смотрели друг на друга, не в силах до конца поверить в происходящее, но также и не вольные ничего изменить. Лишь спустя минуты три Ибарра рискнул нарушить молчание: какой-никакой разговор все же указывал на то, что он еще жив и не сошел с ума окончательно, хотя и был к этому близок.

– Хуан… прости, *Ваше высочество*… А ты меня… не *дуришь*?

– Очень мне это надо! – фыркнул тот, задумчиво кроша хлеб. – Я был бы счастлив оказаться сейчас дома, в Москве!

– Как же мы сюда попали?

Вопрос был риторический, Ибарра и не ожидал получить на него хоть сколько-нибудь вразумительный ответ, поэтому дальнейшие слова товарища по несчастью показались ему сумбурной выдумкой в стиле голливудских блокбастеров:

– Когда мы снимали пансионат на выходные, один тип из деревни болтал, будто с домом что-то не так. А вчера мы обнаружили, что кто-то вскрыл дверь в запертую часть…

– В западное крыло? Куда не пускали? – нахмурился Ибарра. – И что тогда?

– Слушай дальше: Элеонора обнаружила пропажу своей

рукописи. Той самой, про которую говорилось накануне… Потом – помнишь грозу? – осведомился Хуан и, дождавшись неуверенного кивка, продолжил: – Как мы потом поняли, это была *не совсем обычная* буря. Хочешь – верь, хочешь – нет, но той ночью открылся проход в параллельный мир, чем-то схожий с нашим. И мы угодили как раз туда… Жизнь здесь идет наполовину по сценарию игры, наполовину по той рукописи. А мы – персонажи и жители этого мира, понятно?

– Нет, – честно признался Ибарра, тряхнув головой для полноты образа. – Но продолжай, заинтриговал.

– Кто кем стал и сколько нас здесь, я не знаю. Как выбираться – тоже, но, подозреваю, что нужно собраться всем вместе и поглядеть, что там сказано в книге. Там может быть ответ.

– Как же ты узнал про меня? – недоверчиво прищурился Ибарра, все еще отказываясь принимать слова друга за действительность, а не за бред сумасшедшего.

– Не поверишь – по фамилии, – усмехнулся Хуан. – Ты будешь смеяться еще больше, но командир нашей охраны – Шурик из Доминиканцев… Остальных я планирую вычислить тем же способом, что и тебя, вот только для этого придется ехать в Испанию…

– В Испанию?

– А мы, по-твоему, где? – буркнул Хуан.

– Да, Франция, помню!.. – Ибарра махнул рукой. – А как ты себе это представляешь?

– Разумеется, действовать придется тайно – усмехнулся собеседник. – Не думаешь же ты, что нас так просто отпустят? Не забывай, кто мы теперь… Так что возьмем лошадей (надеюсь, ты хоть приблизительно помнишь, как ездить верхом), доедем до Фландрии, в порту сядем на корабль. Что думаешь?

Молодой человек искоса взглянул на собеседника, потом на свою порезанную ладонь и вздохнул:

– Бред. И почему я во все это верю?..

– Можешь не верить, – развел руками Хуан, по голосу которого было слышно, что он собирается обидеться всерьез. – Но тогда выбирайся отсюда сам. У нас хотя бы есть план и кое-какая информация. А у тебя?

Ибарра молчал. Происходящее сильно напоминало злую шутку, и он ждал, что вот-вот откуда-нибудь из-за угла выскочит толпа знакомых людей и будет смеяться над его простотой. Но время шло, а ничего такого и не думало происходить. Ладонь ныла, вдобавок еще и желудок начал требовать пищи, а головная боль – успокоения. Просто страшный сон какойто… Может, они все-таки сошли с ума?

– думаешь, я наврал или спятил? – озвучил Хуан его незаданный вопрос и снова невесело усмехнулся: – Я был бы рад сделать то или другое, но эта шутка – не наша. И когда я узнаю, кто виноват – разберусь с ним лично.

– Если успеешь, – вдруг произнес Ибарра неожиданно для себя резко и жестоко. Апатия прошла, уступив место зло-

сти. – Ты правда считаешь, что дело в рукописи?

– Не думаю, – отмахнулся Хуан, – но она может нам помочь. Ведь Элеонора – писательница, она наверняка что-нибудь придумает. Ей такие сюжеты приходят в голову, какие нам с тобой и спьяну не померещатся!

– Это точно, – пробормотал молодой человек, разглядывая пустой бокал. Ничего не оставалось, кроме как довериться Хуану, который то ли и впрямь знал больше, то ли просто обладал больным воображением, но при любом раскладе оставался в выигрыше. Да и в беде лучше держаться вместе. Правда, он понятия не имеет, как обращаться со шпагой, заряжать старинные пистолеты и ездить верхом, зато хотя бы понимает, что говорят окружающие… Поэтому Ибарра решил либо извлечь из дурацкой ситуации максимум пользы, либо поймать приятеля на лукавстве.

– Как думаешь, где могут быть остальные? Ты помнишь, как было в тексте?

Судя по тому, как затуманился взгляд Хуана, его явно занимал тот же вопрос.

– Ну, боюсь, что часть наших сейчас в Новом свете. И добираться им сюда довольно долго… А вот другая часть – в Испании или во Франции… Беда только в одном…

– В чем же?

– А в том, что я пока считаю только наших друзей и союзников… а ведь по закону сохранения силы здесь могут появиться и враги.

Ибарра вздохнул. Он ждал этой фразы, хотя надеялся, что она так и не прозвучит. Ведь врагом мог оказаться любой. А здесь недолго и на костер, и на виселицу отправиться, если, конечно, Хуан не ошибается… будем надеяться на лучшее, но ожидать чего похуже. Он с минуту помолчал, потом наклонился к собеседнику и произнес – тихо, четко, дабы избежать неверного толкования:

– Не думай, что я тебе конца поверил, ибо поверить в такой бред может только псих. Но я пойду с тобой, просто потому, что у меня нет выбора, а там поглядим.

– Спасибо, – произнес Хуан с мягкой улыбкой, но что-то в ней заставило Ибарру внутренне содрогнуться. – За честность спасибо. Это, пожалуй, лучшее, что ты мог сказать, – он взял со стола колокольчик и позвонил в него. Высокий чистый звук разнесся по комнате, и через несколько секунд появился слуга с кувшином вина. – Только не запутайся, дорогой друг, помни, *кто ты*.

Ибарра молча кивнул, приступая к завтраку. Эта странная игра понемногу начинала его занимать. Интересно, какую следующую фишку от головоломки он должен будет отыскать и поставить на место? А головоломки он любил.

– Может, партию в шахматы? – улыбнулся он, вспомнив прозвище, которое получил с легкой руки Элеоноры.

– Лучше пофехтуем, – также с улыбкой ответил Хуан. – Для тренировки. Ну, и разберем дела, которые у нас накопились. *Алехандро* там оставил на столе стопку.

– Что ж, поглядим, – хмыкнул Ибарра, налегая на омлет с ветчиной, который оказался удивительно вкусным, хоть и был приготовлен несколько веков назад. Если уж такое снится, то лучше подольше не просыпаться. В конце концов, ему очень даже нравилось быть герцогом.

Он встретился взглядом с Хуаном и прочел в его глазах такую решимость, какая ему самому уже давно и не снилась. Этот человек ради достижения своей цели способен на многое… если только не переволнуется и не перегорит. Но здесь, похоже, был не тот случай. Он перевел взгляд на бокал, на этот раз уже полный, и сосредоточился на нем, прогоняя дурные предчувствия. *Пожуем-увидим*…

– А что ты сам-то думаешь? Как будем выбираться? – бросил Генри, мрачно глядя на друга.

– Для начала встретимся с Элли и послушаем, что *она* скажет, – Грейди пожал плечами. – Все-таки она, как-никак, писатель. Придумает что-нибудь.

– Ну конечно, давай все вешать на других! – всплеснул руками Генри. – А сами мы на что?

– А ты видишь другой выход? – собеседник вскинул брови и сделал приглашающий жест. – Ну, валяй, предлагай!

Молодой человек лишь покачал головой, отмахнувшись от друга, как от назойливого комара. Теперь еще этот будет давить на его любимую мозоль.

В дверь постучали, прервав их едва начавшийся спор, че-

му обе стороны были в глубине души благодарны.

– *Антрэ*! – бросил Генри, не задумываясь о том, на каком языке разговаривает. Дверь скрипнула, и из проема послышался мальчишеский голос:

– *Бон жур, мсье*! Госпожа просит вас к себе.

Друзья разом обернулись. В дверях стоял юноша в мундире лейтенанта. Белокурый, румяный и синеглазый, он был лишь немногим старше слуги и совершенно не походил на типичного испанца.

– Привет! – улыбнулся Грейди и прежде, чем Генри успел его остановить, спросил: – Ты кто будешь?

– Альбер, ваша милость, – парень отсалютовал по-военному. – Помощник коменданта форта и посыльный сеньоры Элеоноры. Она желает видеть вас обоих.

Грейди на миг повернулся к другу, чтобы бросить на него выразительный взгляд, в котором читалось «Я же говорил!» – и снова вернулся к гостю:

– Передай госпоже, что мы будем сию минуту. Куда нам идти?

– В библиотеку. Вас проводить?

– Было бы неплохо, – Грейди говорил быстро, без пауз, не давая другу вставить хоть слово и, как ему казалось, все испортить. – Когда вы поживете с мое, юноша, вы поймете, что значит *действительно много вина*.

Белобрысый смущенно улыбнулся и кивнул. Грейди поднялся с кресла, и Генри ничего больше не оставалось, кро-

ме как последовать за ним. Чем дальше, тем меньше ему нравилось лично принимать участие в происходящем. Мало того, что невесть с какого перепою он вдруг проснулся утром в средних веках, так еще вдобавок должен был помнить и знать все, что полагается благородному юноше того времени… К тому же неизвестно, как и когда он вернется домой, а ведь там тоже остались люди, которые о нем беспокоятся и по которым он сам, без сомнения, будет скучать, да еще работа, которой, хоть она и не была самым любимым делом в его жизни он все же дорожил… но осознал это только сейчас, обдумывая происходящее. Его ж наверняка уволят, если он прогуляет неделю-другую без предупреждения и уважительной причины. А как объяснить свое отсутствие? Если он заявит шефу, что не вышел на работу по причине попадания в другое измерение, его в сочтут клиническим сумасшедшим, а то и решат, что издевается – и тогда дорога ему в психушку либо на улицу без выходного пособия.

Генри плелся следом за гордо вышагивающим товарищем и старался думать пореже и поменьше, иначе настроение тут же начинало катиться вниз с такой скоростью, что поднять его хотя бы до нуля становилось невыполнимой задачей. Он и раньше завидовал умению Грейди сохранять невозмутимо-приподнятое настроение почти в любой ситуации, а сейчас при взгляде на приятеля просто хотелось его убить (дабы не смущал ум).

Когда у одного из поистине нескончаемых коридоров

обнаружился-таки конец, их провожатый свернул направо, и они оказались в небольшом круглом помещении, из которого вели четыре прохода в четыре двери – по расположению сторон света. Паркет изображал розу ветров, и двери располагались на четырех ее основных направлениях (будто указывали, куда нужно повернуть, чтобы гости и хозяева случайно не заплутали), а проходы – на промежуточных. Окон не было, но свет откуда-то сочился – то ли из-за барельефов, то ли с потолка.

Парнишка стоял сейчас напротив восточной двери, в ожидании, когда друзья наконец соберутся с духом и силами. На это потребовалось примерно минут пять: Грейди – чтобы рассмотреть все завитушки и рисунки на стенах, полу и потолке, Генри – запихнуть поглубже в долгий ящик каннибальские мысли насчет тех, из-за кого он так влип. По прошествии этой паузы Альбер критически осмотрел обоих с ног до головы, подобно старой нянюшке поправил им воротнички, манжеты и перевязи, смахнул с камзолов несуществующие пылинки, затем – по всей видимости, удовлетворившись результатом – кивнул и распахнул дверь.

Первым, что бросилось в глаза, был яркий свет, который заполонил собой все пространство и на несколько мгновений ослепил друзей. Когда же глаза, наконец, привыкли, перед молодыми людьми предстала огромная полукруглая зала с высоким потолком. Три французских окна с раскрытыми шторами располагались на противоположной от двери

стене, а все остальное пространство было заполнено книгами. Книги, книги, книги. Полки, шкафы, сундуки – и снова книги, книги, книги. Большие и маленькие, почтенные фолианты в старых истертых переплетах и совсем новенькие корешки. Столько книг одновременно Генри прежде видел только в государственных библиотеках. Интересно, существует ли на свете книга, копии (или даже первоиздания) которой здесь не было бы?

Заглядевшись на всю эту красоту, Генри не обратил внимания на то, что дверь за ними тихонько закрылась, и они остались одни на милость обитателей комнаты. Следующий звук громыхнул в его ушах так, как будто на голову надели медный таз и со всей силы шарахнули по нему молотком. На деле это Грейди вполголоса обратился к другу с вопросом:

– Интересно, зачем нас сюда позвали? – спросил приятель у окружающего воздуха, явно не стремясь узнать ничье мнение, но Генри предпочел отнести вопрос на свой счет.

– Все просто: нас убьют, забальзамируют и замуруют в стенку. После этого уже ни одна полиция не найдет – разве что археологи, лет через пару тысяч.

Грейди повернулся и смерил друга недовольным взглядом:

– Откуда такой пессимизм?

– Мне неясно, откуда у *тебя оптимизм*, – проворчал Генри. – Наверно оттого, что мы пока еще живы, здоро-

вы и на свободе. Хотя насчет последнего уже можно поспорить… я уж не говорю о нашем давно потерянном рассудке!

– Ты слишком драматизируешь, – отмахнулся Грейди. – Жизнь прекрасна. Когда еще получится побывать за границей на халяву? Считай, что ты в турпоездке, в спецтуре по местам боевой славы Испании.

– Ладно уж, – мрачно отозвался его спутник. – Кто только будет за нее платить, а если мы – то чем?

Получить ответ на эту загадку не удалось, поскольку их спор прервал звонкий и донельзя знакомый голос:

– Здравствуйте, господа. Как отдохнули?

Оба разом обернулись к источнику голоса. Сперва тихо присвистнул Грейди, а за ним и Генри потерял дар речи. Справа от них между стеллажами стояла молодая женщина, богато и причудливо одетая. Если бы они на недавней вечеринке не видели подругу в средневековом наряде, то ни за что бы ее не признали. В испанском платье, шитом золотом, украшенном тонким кружевом и драгоценными камнями, она казалась ожившим портретом кисти великого художника, который писал настолько правдиво, что сумел передать даже выражение глаз – дерзкое, уверенное, с легкой насмешкой.

Генри долго всматривался в лицо собеседницы, стараясь найти хоть какой-то изъян, непохожесть, малейшее отличие от оригинала, но тщетно. Более того, вскоре «объект наблюдения», которому надоело стоять на месте без дела, нетерпе-

ливо переступил с ноги на ногу и осведомился:

– Ну, чего смотрите? Я вам что, картинка?

Генри нахмурился, потом попытался улыбнуться (получилось плохо), потом вновь нахмурился и осторожно переспросил:

– Эл?

– А кто еще? – буркнуло «явление с портрета» и добавило уже громче и отчетливее: – Я вас ждала. Прошу.

Женщина повернулась, шелестя платьем, знаком пригласила друзей следовать за собой и направилась куда-то в глубь зала. Молодые люди недоуменно переглянулись, но возражать не стали. Нервный тон подруги наводил на невеселые мысли, а поскольку она явно лучше здесь ориентировалась, чем они, дешевле было подчиниться.

Свернув за один из шкафов, друзья обнаружили небольшой «читальный уголок» – столик и два низких дивана с множеством подушек. На столике стоял письменный прибор, и в беспорядке валялись исписанные листки, а также лежало несколько раскрытых книг. Элеонора устроилась в уголке одного из диванов и задумчиво посмотрела на гостей снизу вверх.

– Присаживайтесь, господа, – произнесла она уже спокойнее, – здесь нас никто не подслушает и не потревожит. Разговор предстоит неприятный.

Молодые люди молча повиновались, но едва тело утонуло в мягкой роскоши, как темперамент Генри вырвался наружу

в виде потока бурных восклицаний, которые до того копились и множились в его страдающей голове.

– Эл, что, черт побери, здесь происходит?! Что мы здесь делаем?! Что вы устроили на своей вечеринке? Мы же оказались хрен знает где, если, конечно, я благодаря вам не спятил и это не игра моего воображения!

Элеонора молча выслушала его, выдержала паузу, а затем заговорила – медленно и спокойно, но от ее тона по спине у обоих пробежал холодок:

– Во-первых, не поминай черта, а то явится. А еще за такое могут и на костер отправить, если будешь упорствовать. Здесь с этим делом мешкать не принято. А я бы вам не советовала умирать: еще неизвестно, проснетесь ли вы после этого дома в своей постели или сгинете навсегда.

– Конечно! – саркастически поддержал ее Грейди. – Это ж не компьютерная игрушка!

– Где мы? – пропустив мимо ушей его комментарий, поинтересовался Генри.

– В Испанской империи. Где-то на Карибах, я сама еще не до конца уверена.

– Как же нас сюда занесло?

Вопрос был почти риторическим, и друзья не особенно рассчитывали получить на него ответ, но, тем не менее, он прозвучал:

– Полагаю, все дело в том месте, где мы собрались. Люди болтали что-то об аномальной зоне, но я думаю, тут дру-

гая причина. Помните, как погас свет во всем пансионате? По первоначальной версии, в трансформаторную подстанцию ударила молния. Но дело в том, что грозы как таковой в тот момент не было, да и щиток при осмотре оказался исправным, – она снова сделала паузу, а потом вдруг спросила: – Вы верите в существование параллельных реальностей?

Грейди хмыкнул, Генри пожал плечами.

– Тогда придется поверить, пусть это и жестокий способ пробуждать веру, – продолжала собеседница. – Видите ли, мы сейчас находимся… ммм… в средневековье, но не совсем настоящем, а отчасти внутри моего романа. Судя по тому, что мне удалось выяснить, все, с кого писались герои этой книги, могли оказаться здесь. Я, по крайней мере, знаю про еще двоих, помимо вас. Во время бури в нашем пансионате создалось что-то вроде «пространственно-временной воронки». Не стану вдаваться в терминологию, но если говорить простым языком, на месте проведения встречи сейчас «зона перехода». И, возможно, ключ к разгадке лежит в рукописи. Повторяю – *возможно*, а не *обязательно*.

– Так за чем же дело стало? – воодушевился Грейди. Он говорил так, будто для него путешествие в параллельный мир привычнее утренней чашки кофе, и занимается он этой белибердой раз по десять на дню. – Давай достанем ее, пролистаем, найдем ключ, будь он неладен, и вернемся домой! А то здесь, конечно, *прикольно*, но, честно говоря, я чувствую себя как на корове седло.

– Тогда привыкайте, – так же невозмутимо парировала Элеонора, и на нее уставились два недоуменных взгляда. – Во-первых, надо найти остальных: не бросать же их на произвол судьбы! Во-вторых, должна вас огорчить: рукописи у меня нет, и у кого из наших собратьев по несчастью она оказалась, мне неизвестно. Знаю только, что ее кто-то спер из подсобки еще во время вечеринки.

– С чего нам тогда вообще знать, что она здесь? – буркнул Генри. Сомневаться в том, что они попали в беду не одни, ему даже в голову не пришло.

– С того, что именно ее поиски привели сюда *меня*, – отвечала Элеонора и продолжала: – Так что всем нам придется запомнить несколько простых правил, и если мы будем их соблюдать, то не только не угодим на тот свет, но и сумеем вернуться домой, так сказать, *без потерь*. Это-то ясно?

– Ясно, ясно, – огрызнулся Генри. Его грызла злость, он чувствовал себя полным идиотом, и чувство это было не из приятных. – Не ясно другое: ты смеешься или издеваешься? Ты бы себя со стороны слышала!

– Да ладно тебе! – шепнул Грейди. – Она ж не нарочно!

Но Элеонора и сама прекрасно могла постоять за себя. Она пожала плечами, всем своим видом говоря: «Ну, как знаешь. В таком случае разбирайся сам». И Генри пришлось смириться: разбираться самому хотелось еще меньше.

– Извини, – произнес он, по-прежнему не веря ни друзьям, ни глазам. Молодой человек все ждал момента, когда,

наконец, очнется (пусть даже и в психушке, Бог с ней!) и этот дикий бред останется позади. – Просто мне кажется, что я случайно нанюхался какой-то гадости…

– Возможно, что и так, – ухмыльнулся друг, – но в таком случае мы оба обкуренные.

– Нет, – Генри ткнул приятеля пальцем. – Просто ты – часть моего глюка!

– Хватит вам! – оборвала их Элеонора, тихо, но так резко, что у обоих отпало желание продолжать перебранку. – Если вы плохо помните историю средних веков – так я вам напомню. В Испании правит в первую очередь Инквизиция. Для них отправить вас на костер – плевое дело. Далее запомните, – продолжала она, – здесь вы благородные люди, графы. Вести себя придется соответственно. Но с этим я помогу: моя библиотека к вашим услугам.

– Но… Эл… пойми, я – не мой персонаж, – попытался оправдаться Генри, – я не умею фехтовать, я…

– Фехтование – не проблема, – успокаивающе улыбнулась девушка. – Навыки твоего персонажа должны были сохраниться. Стрелять ты умеешь, управлять кораблем… думаю, и с этим справишься. Научиться ездить верхом не так сложно, если ты хоть раз сидел на лошади не на корде в зоопарке. Остальное – с помощью книг.

Генри хотел спросить что-то еще, но потом раздумал. Он по-прежнему ни черта не понимал, и чем дольше слушал, тем больше запутывался. Рукопись, ребята, средневековье,

Карибы… Инквизиция! Смешно и страшно. Смешно звучит, а страшно – если подумать о последствиях. Он взрослый здравомыслящий человек… а тут такое!

Вместо него заговорил Грейди. Когда его несло, рот у него закрывался, только если говорил кто-то другой – а сейчас его именно несло.

– А откуда у тебя такие сведения? Ты часто здесь бываешь?

– Смешно, – поморщилась Элеонора и пояснила уже мягче: – я хорошо знаю сюжет. А когда увидела, что все идет согласно ему, поняла: всех вас наверняка постигла одна и та же судьба. Жаль только, мои ребята далеко. Б*о*льшая часть, скорее всего, с Хуаном, а он, если верить книге, должен быть в Мадриде.

– Это почему? – недоверчиво нахмурился Генри.

– Позже расскажу, если ты еще не успел прочитать. Пока советую взглянуть на ваши родословные – я там книги на столе оставила. Вечером, когда станет прохладнее, потренируемся в фехтовании – мне тоже разминка не помешает. Да и по городу прогуляемся, я надеюсь встретиться с кем-нибудь еще.

– Ну, хорошо, если мы – испанские доны, – продолжал свой допрос Грейди, давая другу время сориентироваться (Генри и раньше хвалили за «светлую голову», так что для него не составило труда сложить два и два, чтобы получить пять), – то кто же тогда ты?

Элеонора подняла бровь в насмешливом изумлении, потом театрально потупилась и произнесла ничего не значащим тоном:

– Инфанта. Ваша будущая королева.

– Ни хрена себе! – вырвалось у собеседника, другой же взглянул на нее еще более недоверчиво, чем прежде.

– С чего бы так?

– Ты забываешь, дружище, что это *моя* книга, – напомнила хозяйка, – а назови мне хоть одного автора, который хотя бы в одной из своих книг не сделал бы главного героя отпрыском королевской крови!

Аргумент был исчерпывающим. Грейди хмыкнул, Генри скептически пожал плечами, скрестил руки на груди и взглянул на подругу с плохо скрываемым сарказмом.

– Я тебя очень уважаю, Эл, но, по-моему, ты выдаешь желаемое за действительное. А если у тебя есть план, неплохо было бы поделиться с друзьями.

Молодая женщина кивнула.

– Извольте. Пока я здесь тайно, так что есть возможность найти корабль, собрать наших оставшихся «подкидышей» и отправиться в Испанию. Как только соберемся вместе и найдем рукопись – будем выбираться. Осталось только выяснить, к кому она попала.

– А просто написать новую – не судьба, твое величество? – недовольно бросил Грейди.

– Не забывай, что живем мы все равно по законам старой.

Я уверена – чтобы начали действовать законы новой, придется сперва уничтожить первую. И кстати, – она исподлобья взглянула на Генри, – прекрати называть меня «Эл»! Я для вас теперь – донья Элеонора.

– Логично, – выдохнул Грейди.

– Слишком много условий, – поморщился Генри, – попроще нельзя?

Молодая женщина проворчала: «Ну, можешь попробовать…», на что опять, к несчастью, было нечего возразить. Спрашивать, что теперь делать и как быть, охота отпала: толочь воду в ступе было бы куда продуктивнее.

– Дело за малым – улыбаться, поменьше болтать и делать вид, что ничего не произошло. Здесь так поступают если не все, то, во всяком случае, многие: это убережет вас от большинства неприятностей.

После ее слов воцарилось молчание: друзья понимали, что они не просто в одной лодке, но и в одной весьма щекотливой ситуации. В случае ошибки всем троим одинаково грозили неудачи, разоблачение и даже гибель. Самым сложным было признаться в том, что готов доверить свою не игровую, а вполне настоящую жизнь полузнакомому человеку… А выбирать надо было немедленно, и доверять – безоговорочно.

Генри задумчиво глянул на Элеонору, которая сейчас тоже о чем-то размышляла, и ему стало не по себе: впервые она выглядела на свой реальный возраст. В такой тоске и тревоге он её ни разу не видел – мысли и настроение Эл все-

гда были несгибаемы и ясны, как клинок толедской шпаги. Погрустнел, задумавшись, и неунывающий Грейди… Генри стало неловко. Он поерзал на месте, как будто сидел на канцелярской кнопке, и наконец, разведя руками, произнес:

– Что ж, раз так – придется тебе поверить. Но, – он погрозил пальцем, – если ты нас разыгрываешь – я тебя на весь интернет ославлю так, что мало не покажется.

Элеонора снова взглянула на него исподлобья, но на этот раз взгляд был усталый, и в нем читалось: «не ты первый, не ты последний», и молодой человеку понял, что она не врет… ну, или просто искренне верит самой себе.

– Ладно, не сердись ты, – улыбнулся он как можно дружелюбнее.

– С чего ты взял, что я сержусь? – буркнула собеседница.

«Обиделась. Точно» – подумал Генри. Как ему вообще теперь с нею общаться, чтобы не задеть? Молчать, что ли?.. Он задумчиво перебирал в пальцах перевязь, постепенно подтягивая к себе висящий на ней клинок… и вдруг в мозгу вспыхнуло воспоминание. Его личное оружие! Он был на вечеринке не с саблей, а с непальским клинком кукри. Еще в юности, когда впервые попал на оружейную выставку, его буквально заворожило это мистическое оружие. Он перелопатил целую кипу литературы, каждый раз находя что-то новое для себя… и втихаря мечтал о том, что наступит счастливое время, когда он отправится в путешествие на далекий таинственный восток… но что-то все не клеилось: то денег нет,

то времени. И вдруг – неожиданная удача: старинный друг привез ему на день рожденья в подарок «сувенир из Непала». Радости нашего героя не было предела. С тех самых пор он с клинком почти не расставался – даже семья начала поглядывать на него косо. И на встречу он специально приволок его не ради хвастовства, даже несмотря на то, что такое оружие в Новом свете отнюдь не было распространено… Если он потерялся «во сне»: для бедного Генри это была бы трагедия.

– Скажи, Элеонора, – произнес он задумчиво-тоскливым голосом, разом пробудив к себе сочувствие обоих собеседников, – ты ведь все можешь… ну, достать?

– Могу, – непонимающе пожала плечами глава Грандов. – А что тебе нужно?

– Ну… – замялся Генри, все еще смущаясь собственной просьбы, как будто приглашал гостей в запретную комнату собственного сознания. – Помнишь, у меня был клинок такой на вечеринке…

– Помню, конечно, – кивнула та, – кукри. Я еще удивилась, с чего ты решил именно его привезти. К тому же он, кажется, был настоящий.

– И… его реально здесь раздобыть?

Грейди покосился на соклановца и покачал головой – нет, это неизлечимо. Элеонора в глубоких раздумьях поскребла ногтем подбородок. Обычно такая привычка бывает у мужчин, особенно носящих бороду. Откуда она взялась у девуш-

ки – сказать сложно.

– Непальское оружие… Это будет непросто… – она взглянула на притихшего, расстроенного друга и ободряюще улыбнулась. – Но я попробую.

Первый же вечер в Версальском дворце дал Ибарре понять, что не все так просто на практике, как было в игре. Если с фехтованием не возникло особых проблем (игровые навыки персонажа, как ни странно, откуда-то взялись и у него, да и уроки помощников Грандов на встрече даром не прошли), но вот с теми, какие игровыми законами учтены не были, дело обстояло сложнее. Первым, обо что споткнулись его ум и опыт, была верховая езда. После десятой неудачной попытки забраться в седло и проехать хотя бы метров сто, он уже готов был сдаться. Больше всего его раздражал Хуан, который нарезал вокруг него круги то рысью, то галопом, постоянно давая советы – хотя и толковые, но не приносящие никакой практической пользы – и ничем не мог повлиять на ситуацию. Или не хотел – кто знает?

– Твое высочество! – наконец взмолился он, вытаскивая лошадь из непролазных кустов, куда она так и норовила заехать подкормиться. – Что ты надо мной измываешься?! Если у нас такое высокое происхождение, почему бы нам не путешествовать в экипаже, как белым людям?!

– Чтобы нас тогда каждая собака узнала? – осведомился Хуан, опасно свешиваясь с седла и подбирая с земли упав-

ший повод спутника. – Зачем тогда вообще вся эта наша конспирация? Проще будет сразу всем сказать, кто мы и куда едем!

Со своей стороны Хуан был, конечно, прав, так что Фадрике пожал плечами и продолжил упорные бои с лошадью, которая по-прежнему никак не хотела его слушаться. Примерно полчаса спустя, стоило ему еле-еле освоиться со стременами и поводом, как появился третий член их маленького отряда. Точнее, третий и четвертый. Сперва Ибарра их не признал, поскольку после такого количества разнообразных впечатлений не был уверен, что легко сможет отличить реальность от сна. Да и хорошо знакомого Доминиканца Шурика он с трудом мог себе представить в кирасе и при мушкете.

Второго человека он еще меньше ожидал увидеть здесь – не просто *в этой реальности*, а именно *вместе с ними*. С этим он старался иметь дело как можно реже, да и держаться подальше, по старой памяти уважал, но недолюбливал за тяжелый характер. С другой стороны, характер этот сослужил хозяину дурную службу в общении не только с ним, но и с другими достойными людьми. Мешало ли это ему самому – сложно сказать, но едва ли, если уж человек ничем, с точки зрения Ибарры, не попытался исправить положение. Рядом с Шуриком на великолепной серой лошади сидел Призрак. Одет он был довольно скромно и больше напоминал рыцаря какого-нибудь монашеского ордена «в штат-

ском». Еще более мрачный, чем обычно, он сдержанно поздоровался с Ибаррой и чуть более вежливо – с Хуаном, присмотревшись к его костюму.

Шурик ловко спрыгнул с седла, вызвав у лидера Альянса белую зависть, и подошел поближе, отбрасывая с лица мокрые от жары волосы. Хуан тоже спустился с лошади, чтобы приветствовать друга. Призрак не пошевелился – только скользнул взглядом по лицу Ибарры и продолжил созерцать воздух перед собой.

– Ну и забрались же вы в лес! Насилу вас нашел, – засмеялся Шурик, по-дружески здороваясь с Хуаном и помогая Фадрике слезть с лошади. – Как успехи?

– Пока скверно, – признался «наследник», его же «ученик» молча с ним согласился. Он чем дальше, тем больше убеждался в том, что верховая езда – не его конек, и что можно было бы все проблемы решить проще.

– Соболезную! – усмехнулся шурик. – Значит, придется везти тебя в телеге: иначе, не ровен час, потеряем где-нибудь.

– Я ему тоже самое говорил! – подтвердил Ибарра. – А он заладил свое – конспирация, конспирация!

Шурик рассмеялся, Призрак хмыкнул: он явно не был настроен на болтовню, даже по делу, что было для него необычно. Подобная молчаливость нападала на него в двух случаях: когда сильно обижался или очень глубоко о чем-то задумывался, а результаты размышлений ему не нравились. Похо-

же, сейчас было как раз второе.

– Разумеется, он командует – глянь, как высоко взлетел! – поддержал доминиканец. – Ты, правда, тоже не отстаешь, твоя светлость! Куда мне до вас, скромному гвардейцу!

– Зато ты умеешь договариваться с животными! – покачал головой Ибарра. – А в нашем случае это куда важнее.

– Ничего, придумаем что-нибудь, – пообещал Хуан.

– Например, к седлу привяжем, как во «Всаднике без головы»! – весело подмигнув, предложил юноша.

Друзья снова рассмеялись, Ибарра шутливо погрозил пальцем.

– Мы когда выдвигаемся?

Это была первая фраза, которую произнес Призрак (может быть, только для того, чтобы друзья не посчитали его немым). Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но во взгляде появился вопрос. Впрочем, Хуан не растерялся: похоже, он ждал этого вопроса. Поэтому выдержал паузу и, копируя тон собеседника, произнес:

– если повезет и Фадрике не убьется – то послезавтра с утра. К тому же, возможно, мы не единственные здесь застряли. На выяснение потребуется время.

– А сколько нас может быть? – нахмурился Шурик. – Я все утро пытался подсчитать. Но нас столько было на вечеринке – всех не упомнишь!

– А всех и не надо, – это была вторая фраза Призрака, что еще больше заинтриговало остальных присутствую-

щих. – Только тех, кто есть в рукописи.

На сей раз пауза была гораздо длиннее. За лидером одного из самых мощных кланов Испании и раньше водилась привычка изумлять слушающих, но не настолько… и не *так часто*. Еще на вечеринке Ибарра начал подозревать неладное, но сейчас у него было шоковое состояние: он понял, что совсем не знал призрака, что этот человек куда предприимчивее, чем хочет казаться, да и раньше, когда он не был так каменно спокоен, сложно было разгадать его натуру.

Первым нашелся Шурик, и Хуан предпочел передать ему слово. Что же касается Ибарры, тот слишком глубоко погрузился в размышления: мозг перепросчитывал жизненный сет в связи со стремительно меняющимися обстоятельствами. «Слава Богу, что его не „лагает“, как компьютер!» – подумал он.

– Ты всю ее прочитал?

– Если помнишь, мы ее обсуждали за столом, – равнодушно сообщил Призрак.

– Выпил слишком много, не помню, – парировал Шурик. – Так сколько нас?

– Двадцать. Вместе с Элеонорой.

– Ни фига себе! – вырвалось у Шурика. – двадцать человек! Это ж до хрена! Как мы всех собирать будем?! Мы теперь всю жизнь можем этим заниматься.

– Не так уж это и сложно, если хорошо помнить текст, – пожал плечами Призрак. – Достаточно держать в голове, кто

есть кто. Скорее всего, все игроки оказались на месте своих персонажей. В крайнем случае – хотя бы приблизительно.

– Надеюсь, что так, – вздохнул Ибарра. – Элеонора говорила, что часто переписывала рукопись.

– Наверняка Хуан последний читал окончательный вариант, – предположил Шурик, и теперь вопросительные взгляды переместились с Призрака на него. – Что скажешь, *твое высочество*?

Хуан грустно усмехнулся, и всем сделалось не по себе.

– На самом—то деле нас больше. Мы не можем утверждать, имеет ли отношение к тексту тот, у кого сейчас рукопись, или же нет. Надеюсь, что имеет, потому что в противном случае у нас вообще есть шанс его не найти.

– А Элеонора? – осторожно поинтересовался Шурик. – Она же автор. Может быть, она быстрее сможет ее отыскать?

– Я тоже об этом подумал, – вздохнул Хуан. – Поэтому мы едем в Испанию, в Мадрид. Я знаю Лину, она отправится туда, как только разберется, в чем дело.

– Тогда чего ради мы тут треплемся? – воскликнул собеседник. – Поедем завтра же. Ибарра, забирайся на лошадь!

Ибарра в ответ наградил друга тяжелым взглядом, но спорить не стал. Знать бы еще, кто из друзей здесь и сколько еще придется их искать. А главное – совпадает ли течение местного времени с реальным: ведь если это так – их уже должны были хватиться, завтра-послезавтра – начнут искать, а задержись они на полгода – сочтут пропавшими без вести. А ведь

у них друзья, семьи… Эх! Лучше об этом не думать, иначе настроение будет, как у призрака. Поэтому, вспомнив, какие подвиги на заре человечества совершали мученики и святые, Фадрике взгромоздился в седло. Если эта пытка поможет им найти Элеонору с ее книгой, а затем и вернуться домой – он согласен даже на такие жертвы.

– Едем! – пришпоривая лошадь, скомандовал Шурик и умчался вперед; за ним последовал Хуан. Призрак задержался, задумчиво взглянул на Ибарру и покачал головой.

– Как ты думаешь, мы не зря стараемся? – поинтересовался лидер Альянса, стараясь отвести внимания невольного союзника от собственной персоны.

– Я об этом не думаю, – отозвался тот. – Я просто действую. Думать – это твое дело… если Элеонора в тебе не ошиблась, конечно.

– Интересно, а нас здесь много таких… *пропащих*? – хмуро поинтересовался Грейди, копаясь в вещах, рассматривая их по очереди во всех деталях и прикидывая, насколько смешно будет смотреться в каждой. Он терпеть не мог модной одежды, но, похоже, здесь без условностей не обойтись: не походишь же по улице в футболке, джинсах и кроссовках! После завтрака их отправили собирать вещи, а поскольку у них почти не было ничего своего – оба встали перед выбором между чужим и чужим.

– На наш век хватит… – проворчал Генри. Его до сих

пор мучили остатки душевного похмелья, а еще сквернее была мысль о том, что все происходящее действительно может и не быть плодом его затуманенного алкоголем мозга.

– А ты *здесь* собрался век коротать? – съязвил Грейди, что за ним водилось редко, и Генри почувствовал его волнение. Конечно, такой эмоциональный человек мог устроить бурю в стакане на пустом месте, но почему-то на этот раз ему хотелось поверить… точнее, не *хотелось*, а *пришлось бы*, из инстинкта душевного и телесного самосохранения.

Потому он предпочел не продолжать диалог в таком ключе: еще не хватало им поссориться, а с таким «хладнокровием» от дружбы до вражды даже не шаг – полшага. Впрочем, не думать о сложившейся идиотской ситуации было невозможно. Чем дальше, тем сильнее происходящее напоминало приступ бреда. Даже усталость мышц после утренней фехтовальной тренировки не доказывала обратное. Генри знал наверняка: иные миры бывают только в книгах или в кино, а все, кто болтает о них не в рамках церковной традиции – или шарлатаны, или психи. Мда… и теперь ряды этих психов, похоже, пополнили его друзья, а скоро к ним присоединится и он сам. Такая перспектива героя-материалиста не прельщала, поэтому он старательно цеплялся за яркие воспоминания из реальной жизни: семью, работу, дом и всевозможные мелочи (вроде поездки в выходные за город на шашлыки), которые, по его мнению, еще связывали его с душевным здоровьем.

И все же получалось не очень: наблюдая за Грейди, красующимся перед ростовым зеркалом, он волей-неволей возвращался к нынешнему моменту и к навязчивой мысли, что надо как-то выпутываться. Для того же, чтобы найти выход, а не плыть по течению *неприятной субстанцией*, пришлось бы признать свою неправоту и поверить в происходящее… А этому всячески противился здравый смысл.

– Интересная штука получается, – прервал друг его мучительную борьбу с собой, – заснули мы еще в Клину, а проснулись уже здесь… Как будто кто-то подменил декорации!

– Тебя послушать, так ты уже свыкся со своим положением в обществе, – огрызнулся Генри и тут же пожалел о сказанном: его нервозное состояние стремительно воздвигало стену между друзьями.

– А *ты-то* чем недоволен? – начал возмущаться Грейди, которого задели за живое придирки собрата по несчастью, пусть и вызванные жестоким похмельем. – Здесь у нас есть власть, положение, средства, в конце концов! Хоть несколько дней поживем как люди…

– Даже если очнемся потом в «желтом доме»? – нахмурился Генри. – Говорят, с перепугу еще и не такие глюки ловятся!

– Да ну тебя! – отмахнулся соклановец. – Не хочешь верить – не верь, только меня не трогай тогда со своими приступами скепсиса, ладно?

Он замолчал с обиженным видом. Генри хотелось изви-

ниться перед другом, но он, как ни странно, не привык просить прощения. Обычно он считал неправыми других, поэтому не знал, с чего начать.

Грейди закончил примерку, застегнув последние пуговицы и пряжки, расправил воротник с манжетами. Получилось довольно прилично, даже по сравнению с тем, как он выглядел накануне в прокатном костюме с Мосфильма, и уж всяко лучше, чем в игре. Не хватало только шляпы с пышными перьями да роскошной перевязи – а так точь-в-точь актер из фильма о мушкетерах. Вот был бы он еще не был такой тощий…

Подобрав с кресла плащ и два клинка в отделанных серебром изящных ножнах, молодой человек уже собирался покинуть комнату. Он так и не сказал больше ни слова: общество явно его угнетало. Генри ругнулся про себя: похоже, друг и правда рассердился не на шутку. Надо было скрасить впечатление от разговора чем-то хорошим, но он не представлял, чем. Это ж не девчонка, чтобы можно было отделаться дешевым комплиментом! Да и разговор начать не с чего…

– Не подскажешь, что не так? – поинтересовался он наконец, делая вид, что рассматривает свое отражение в зеркале, когда друг уже был на пороге.

Шаги за спиной затихли: Грейди остановился.

– У тебя воротник набок.

В голосе его была привычная легкая усмешка: то ли сменил гнев на милость, то ли просто демонстрирует выдерж-

ку – говоря языком психологии, «дистанцируется». Ох, тогда лучше бы ругался!.. Еще не хватало, чтобы они друг на друга смотрели волками.

– А так? – молодой человек передвинул кружева чуть влево. С его точки зрения, их положение никак не влияло на общую картину.

– Так еще кривее, – усмехнулся Грейди, но тон его вроде бы слегка потеплел.

– А, ну на фиг! – махнул рукой Генри. – Пусть считают, что я такой необычный.

– Скорее они посчитают это вызовом, – намекнул друг. – Так что оружие советую держать все время при себе. Здесь могут принять за вызов все, что угодно, а неумение ответить сочтут невежеством, а то и прямым оскорблением.

– Что же, я обязан везде и со всеми драться? – возмутился Генри, раздраженный осведомленностью друга и собственным отсутствием познаний во многих вопросах.

– Не обязан. Но отказываться тоже надо уметь.

Грейди говорил без тени превосходства, с таким видом, будто для него внешние обстоятельства были столь же естественны, как подключение компьютера к сети или заваривание чая. Он и не думал учить друга жить. Но Генри все равно чувствовал себя уязвленным и подавленным. Он впервые оказался в ситуации, которую не мог даже толком осознать, не говоря уж о том, чтобы с ней справиться.

– Извини, – пробормотал он так тихо, как будто сам сты-

дился собственных слов. – Просто я не могу поверить…

– Может быть, поэтому тебе все еще ничего не ясно, – вздохнул Грейди. – Думаешь, и *мне* было легко?

Генри обернулся и смерил друга тяжелым взглядом. Сейчас у него не было желания ни ругаться, ни даже выяснять, к чему тот пытается подвести разговор. Он знал, что друг говорит искренне, и именно сейчас у них есть шанс или побыстрому помириться, или рассориться окончательно.

– Не думаю… – процедил он, с трудом выдержав пристальный взгляд Грейди, но не договорил, потому что дверь тихонько скрипнула, приоткрываясь, и внутрь заглянула изящная головка в ореоле растрепанных локонов.

– Мальчики, вы еще друг друга не убили?

Смешливый голос подруги на мгновение отвлек спорщиков.

– Не успели, – ответил Грейди с таким видом, будто она помешала его планам по уничтожению друзей, которые, как известно, куда страшнее врагов.

– Вот и славно, – Элеонора протиснулась в комнату и прикрыла за собой дверь. – Потому как у меня не слишком хорошие новости. В общем, если мы лишимся хотя бы кого-нибудь, занесенного из нашей реальности, выбраться из этой у нас получится едва ли.

– Ты о чем? – нахмурился Грейди. – Нас что, вычислили рыцари Инквизиции и сейчас придут арестовывать как еретиков?

Генри поперхнулся. Элеонора нахмурилась.

– Не вижу ничего смешного. Будь это так, я не читала бы вам лекции, а посоветовала… как это там принято говорить… «навострить лыжи?» И то не факт, что успели бы дать деру, – она опустилась в кресло напротив, критически осматривая спутников с ног до головы, из-за чего Генри опять почувствовал себя неловко. – Если вы все еще считаете, что у вас галлюцинации – получайте от них удовольствие, потому как они не скоро закончатся.

– Неужели эта бодяга надолго? – съязвил Грейди.

Элеонора бросила на друга многозначительный взгляд и продолжила:

– Судя по всему, б*о*льшая часть наших друзей сейчас в Европе, так что до них еще предстоит добираться.

– Свежая мысль! – Генри всплеснул бы руками, если бы они не были заняты прилаживанием пистолета на пояс (интересно, как в средние века юноши так легко с этим управлялись – или они уже рождались такими?)

– У тебя есть план? – поинтересовался Грейди, игнорируя выпад друга. – Или ты *нам* предлагаешь его составить?

– Кое-какой есть, – успокоила его молодая женщина. – Для начала хватит, а дальше посмотрим по обстоятельствам. Нам придется нанять корабль или наняться на него самим – это единственная возможность выбраться с острова. Здесь очень здорово, а главное, безопасно, но встретиться с остальными «подкидышами» – совершенно никаких шансов. Ко-

нечно, есть еще один способ, но я не уверена, сработает ли он… Кстати, Генри, – она с таинственным видом извлекла из-под платья длинный сверток, – есть одна приятная новость. вообще-то обещанного три года ждут, но я подумала, что оно тебе может пригодиться раньше.

Сперва молодой человек тупо смотрел на нее, не веря собственной удаче, потом бережно принял сверток из рук подруги и осторожно водрузил на стол. Развернет позже, когда будет один…

– Спасибо, – робко произнес он, Элеонора лишь молча улыбнулась в ответ.

– Не самый лучший выход из положения, – вздохнул Грейди, поглаживая подбородок. Отсутствие щетины было немного непривычно, а мысль о том, что бриться придется каждый день, чтобы не сойти за разбойника, вообще представлялась жутким сном, частью того самого кошмара, в который ему пришлось поверить вопреки здравому смыслу. – Особенно если не знаешь, кто еще из твоих находится рядом… Кстати, коль скоро ты – особа королевской крови, почему бы нам просто не заявить об этом, чтобы нас домчали «с ветерком» на самом быстром корабле эскадры?

– Домчат, не сомневайся, – мрачно пояснила Элеонора. – Только не туда. Тебе охота на тот свет прежде времени?

– Это почему? – нахмурился Генри. Мало того, что его заставили верить во всю эту чертовщину, так еще и пообещали непременно прикончить, причем несколько раз.

– Историю вспомни, – криво усмехнулась она.– Какой процент смертности «по случайности» был в правящих домах?

На этот вопрос Генри ответ нашел не сразу: он выкапывал из памяти информацию, и чем дальше, тем неутешительнее были приходившие на ум цифры. А если прибавить к этому вполне официальные данные о казнях, убийствах и болезнях, то их спутнице оставалось только посочувствовать.

– Нас угораздило попасть во времена, близкие к смуте, – пояснила молодая женщина. – Претендентов на трон более чем достаточно. Так что путешествовать в моем обществе крайне опасно. Именно поэтому я предпочла бы соблюдать инкогнито.

– Разделяться еще опаснее, – вставил Грейди. – Ты лучше знаешь местные правила. В конце концов, ты – автор книги… Кстати, – поспешил он задать наболевший вопрос, – ее след тоже не удалось обнаружить?

– Пока нет, – вздохнула она, – а вот похититель уже начал себя проявлять…

– Как же? – нахмурился молодой капер.

Элеонора вытащила из-за корсажа скомканный клочок бумаги и протянула друзьям. Те переглянулись, решая, кто будет читать, после чего Генри осторожно принял листочек и развернул его. Это была краткая записка, гласившая: «Сеньора Элеонора, Ваша жизнь и жизнь Ваших гостей в опасности. Наш противник нанял ищеек, и они уже взяли след.

Поэтому советую покинуть дом как можно скорее. Я буду ждать Вас в порту. К. М.»

Генри поднял брови, непонимающе покосился на подругу и передал записку Грейди.

– Что все это значит? – спросил он, пока друг изучал послание. – И кто такой этот таинственный «доброжелатель»?

– Как нетрудно догадаться, один из наших, так же застрявших здесь, как и мы, – пояснила собеседница с такой уверенностью, как будто заранее знала весь сценарий развития событий. Друзья понимали, что все совсем не так радужно, чрезмерное спокойствие – искусственное, и маска ей нужна, чтобы скрывать волнение, щадя нервы друзей. – Иначе откуда он знает, кто мы и где?

– *К.М*… Конор МакЛауд, что ли? – ухмыльнулся Грейди. Больше никого с такими инициалами он не помнил. но этот юноша тоже вряд ли спас бы ситуацию: он слыл отчаянным и бесшабашным, и мог принести как пользу, так и вред.

– Этого только не хватало… – буркнул Генри себе под нос, так чтобы Элеонора не услышала. – А почему ты считаешь, что он не врет? – добавил он уже громче и четче.

– Потому что заметила слежку за домом. Так что уходить придется с большой осторожностью…

Генри молчал – он наблюдал за подругой. Внешне спокойная и даже привычно ироничная, она, тем не менее, изменилась. В сумраке комнаты, защищенной от палящего солнца шторами, сложно было рассмотреть подробности: Генри за-

метил лишь бледность и скованность, к тому же она не улыбалась. Генри ни разу не видел ее в реале до встречи игроков – только на фотографиях, зато часто слышал в голосовом чате ее заразительный смех, да и встречавшиеся с ней лично ребята в один голос заявляли, что не знают более жизнелюбивого и жизнерадостного человека.

– Может быть, назначим встречу этому «К. М.» и выясним, на самом ли деле он такой добродетельный, – предложил Грейди, разглядывая записку со всех сторон, как будто собирался найти там какие-нибудь тайные знаки. – Устроим ему «теплый прием»?

– Идея неплохая, но несколько безрассудная, – возразил Генри. – А что если это одна из тех уловок, о которых нас предупреждала наша многоуважаемая инфанта?

Элеонора возвела глаза к потолку, а потом вдруг одобрительно кивнула.

– А по-моему, неплохая идея, Алекс. Я даже знаю, как мы все устроим… Не желаете поучаствовать?

– Я да, – поддержал Грейди.

– А я нет, – категорично бросил Генри и добавил, предупреждая возможные вопросы: – Не хочу портить свою здешнюю репутацию отменного фехтовальщика. Сперва потренируюсь.

– Разумный выбор, – благосклонно кивнула собеседница. – Начнем прямо сейчас? – она кивнула в сторону стойки с оружием.

– Как я могу тратить Ваше время, дорогая инфанта? – Генри церемонно раскланялся и добавил в своей обычной манере: – Да и негоже даме хвататься за оружие…

Элеонора нахмурилась, глаза ее сверкнули молниями.

– Ты сомневаешься в моем умении им владеть?

– Нисколько.

– Значит, дело в том, что я девушка? – в голосе собеседницы зазвенели стальные нотки: судя по всему, она рассердилась или вот-вот собиралась это сделать. И неудивительно: при своей внешней хрупкости Элеонора умела достаточно из того, на что не были способны иные крепкие парни.

– *Дело в том*, что ты – будущая королева, и тебе не резон подвергать свою жизнь опасности. Хотя бы из любви к собственному народу, – пояснил Генри мягко, хотя сам от себя такого не ожидал. Уж он-то прекрасно знал, что значит остаться без поддержки. А ей сейчас была нужна именно *поддержка*, крепкое плечо, на которое можно опереться. – Поэтому, насколько я помню историю, у благородных дам всегда были защитники. Согласна?

Элеонора задумалась на мгновение, потом улыбнулась и кивнула.

– Ты прав… с точки зрения исторической достоверности.

Генри усмехнулся, хитро покосился на друга, потом протянул даме руку галантным жестом, который часто видел в фильмах. Та сперва нахмурилась, пристально и изучающе глядя на него, после чего поднялась – и оперлась на его за-

пястье, принимая правила игры. Ей самой было любопытно, что тот задумал. Держа ее руку в своей, Генри опустился на колено и торжественно произнес:

– Сеньора, позволите ли Вы мне оберегать Вашу жизнь, поддерживать Вас в страданиях и бедах, быть Вашим щитом от напастей и верным союзником в борьбе?

Грейди тихонько присвистнул: он не ожидал от друга подобной вычурности. Элеонора помолчала, потом медленно наклонила голову и тихо ответила:

– Поднимитесь, граф. Я с радостью приму вашу помощь, только не стоит рисковать без нужды.

Генри тоже склонился в знак согласия и поднялся на ноги. Он бросил короткий взгляд на друга и подмигнул. Грейди был, мягко говоря, удивлен – он-то полагал, что соклановец будет до самого конца спорить и ругаться, а тот вдруг не просто согласился с правилами игры, а, похоже, еще и увлекся ею. Главное, чтобы не чересчур…

– Ну что, теперь я соответствую действительности? – с усмешкой поинтересовался Генри.

– Если ты это все серьезно… – начал было собеседник.

– Абсолютно серьезно, – прервал тот. – Милая инфанта должна брать в руки оружие только тогда, когда защитников у нее уже не осталось. Ее дело – нас вдохновлять, а не шпагой размахивать.

Элеонора звонко рассмеялась и добавила, снова окинув друга взглядом:

– Генри, у тебя воротник набекрень.

Грейди захихикал, Генри махнул рукой и тоже рассмеялся. Уели, ничего не скажешь!

– Ладно, Грейди, пойдем, потренируемся. А то я сейчас потерплю неудачу в словесном поединке, – произнес он, наспех поправляя воротник.

– Отлично, – поддержала подруга. – А я пойду писать ответ нашему «доброжелателю».

Ибарра задумчиво разглядывал листок с королевской печатью. В комнате валялось много таких, а он, к прискорбию своему, не знал французского… точнее, как выяснилось, знал, но на площадно-разговорном уровне. Поэтому Хуану он ничем не мог помочь – разве что перебрать и разложить по стопкам бумаги и бумажки.

– Значит, ты полагаешь, нас затянуло… в эту… временную воронку?

– Я считаю, да, – монотонно отвечал Хуан, не отрываясь от письма. – Гроза, перебои с электричеством, пропавшая рукопись, воронка, ну и так далее.

– Слабовато верится во всю эту мистику, – вздохнул новоиспеченный герцог. – Скорей уж поверю в то, что обкурился пеньки. Если бы ты меня не ткнул кинжалом…

– Лучше я, чем кто-нибудь другой, уж поверь мне, – так же сосредоточенно произнес молодой человек, рассматривая очередную страницу.

Ибарра тяжело вздохнул. Уже несколько часов сидели они над кипами бумаг, разбирая их, перечитывая, перекладывая. Это у Хуана называлось «приводить в порядок дела» (или «вникать в суть дела» – он точно не помнил). И как бы много лидер Альянса в свое время ни прочитал и ни прослушал, он никогда не думал, что государственные дела вести так скучно. Задумчиво потягивая легкое вино, Хуан с завистью наблюдал в окно за беззаботным Шуриком, который крутил шпагой в компании трех гвардейцев – отрабатывал приемы. Вот этому точно скучать некогда! Если у всех аристократов такая мутная жизнь, то лучше б ему родиться жуликом или простым солдатом. Ну ее, эту большую политику!

Призрак еще утром уехал в город, зато вместо него появился не менее важный человек. Прибыл он, конечно, по своим делам, но принес с собой весть, очень обрадовавшую остальных «жертв чужой шутки». В Версаль вернулся отряд кавалерии с восточной границы, а среди них – военный курьер. В общем-то, ничего особенного, если бы у последнего не было приказа передать лично в руки послание – вот тут-то их и ожидал сюрприз. Под видом курьера, принесшего важные вести от пограничного гарнизона, скрывалось еще одно знакомое лицо, чьему появлению Ибарра обрадовался куда больше. Когда в зал с поклоном шагнул доминиканец Флинт, у лидера Альянса отлегло от сердца. Пять – хорошее число во всех религиях и философиях, значит, им будет сопутствовать успех.

Уж этому-то человеку не нужно было объяснять ситуацию: хватило короткого разговора с Хуаном, чтобы все встало на свои места. Более того, Флинт принес новость: он выяснил, где находятся еще двое.

– Как ты думаешь, Хуан, – озабоченно поинтересовался лидер Альянса, – у нас могут быть враги в других кланах, но среди испанцев?

– Для того чтобы с кем-то враждовать, не обязательно играть за противоположную сторону в войне, – монотонно-замученным голосом отозвался адмирал Грандов, и лидеру Альянса снова сделалось не по себе.

Друг попал в самую точку: враги на той стороне всегда известны, а когда они у тебя под боком – это совсем другое дело. Здесь постоянно подозреваешь всех, ждешь удара, рано или поздно перестаешь доверять окружающим и оказываешься в одиночестве, а настоящий враг в это время спокойно плетет для тебя ловушку… Эх, хорошо, что по крайней мере они друг другу не враги… хотя это еще бабка надвое сказала. А что если Реконкиста (Ибарра давно подозревал, что в рядах у конкурентов не все так чисто) … Впрочем, они не пойдут против своих друзей Грандов. И все же доверять им безоглядно не стоит, иначе сначала сядут на шею, потом перехватят вожжи – и держи-хватай. Как бы Фадрике ни относился к извечному посмешищу Мигелю, с этим суждением он был согласен.

– Ты кого-то подозреваешь?

Хуан оторвался от бумаг и хмуро взглянул в его сторону – лидер Альянса даже подумал, что союзник сердится *на него*, но на самом деле хмурился тот совсем по другому поводу.

– Флинт подозревает, – произнес он после долгой паузы. – Я не стал делать выводов. Будь я Мигель – заподозрил бы любого, кроме себя… Но, к счастью, мы – не Мигели.

Ибарра хмыкнул. Мигель славился тем, что способен был испортить любую дружескую встречу чванством и руганью, коими заполнял все свободное пространство. Как же долго с ним пришлось мучиться, когда еще молодой клан Грандов делал первые шаги, попутно пытаясь не дать всем перессориться! Неудивительно – ведь Мигель хотел править единолично, а его вдруг подняли на смех. Элеонора весьма успешно проехалась в своей книге по всем его недостаткам. Конечно, он пришел в бешенство и еще неделю после обнародования отрывков отчаянно пытался отбиваться. Ибарра помнил, как они смеялись всем кланом, читая его излияния в Интернете…

– И больше никого?

Хуан пожал плечами. Признаться, лидер Альянса в глубине души ожидал, что друг назовет Реконкисту – не всю, только некоторых ее членов – но этому не суждено было сбыться. Молодой человек долго думал, покусывая усики, а потом немного неуверенно произнес:

– Наверное, Армада.

– Почему? – непонимание лидера Альянса было неподд-

дельным. – Они же метр с кепкой от пола! *Чайники*.

– Вот именно, – поддержал собеседник. – Зато у них большие амбиции и стремление навязать всем свои правила. Неужели не помнишь? Их не воспринимают всерьез, они обижаются, начинают искать признания на стороне… словом – отличная находка для врага.

– Который привык загребать жар руками дураков… – понимающе кивнул Ибарра. – Мда… Здесь ты прав.

По начищенному полу простучали подковки сапог, заставив друзей на всякий случай замолчать – вдруг чужой кто-нибудь? Но это оказался Флинт с очередной пачкой писем.

– Тебе не надоело работать грузчиком? – усмехнулся Хуан, принимая из рук приятеля ношу. – Может, займешься чем-то действительно интересным? Финансами, например, или торговыми делами?

– Да ну… – отмахнулся доминиканец с улыбкой. – Мне это еще в игре надоело. Хоть здесь почувствую себя кем-то другим.

– Тогда, может, нас потренируешь? – хитро прищурился лидер Альянса.

– А вот это дело, – охотно кивнул офицер.

Ибарра, которому что-то в поведении доминиканца казалось ненормальным, наконец смог осознать эту неясность и облечь ее в слова. Он поймал приятеля за рукав и поинтересовался:

– Слушай, а почему ты так быстро поверил, что попал

в другой мир? А не обкурился или перебрал лишнего?

Флинт в ответ загадочно улыбнулся. Он вообще был непонятной личностью – для тех, кто мало с ним общался. А болтливого Конора и даже Элеонору, которая плохо понимала разве что немых и невменяемых, он приводил в замешательство. Доминиканцы не особенно старались вникать в тонкости внутреннего мира сокановцев – у них это считалось «превышением полномочий». В этом смысле они мало отличались от своих тезок-монахов. Если человек так себя ведет – значит, так надо, и не важно, что стоит за его поступками. Кто-то называл это равнодушием, кто-то – излишней осторожностью или даже политкорректностью… для большинства же это было чем-то сродни соблюдения правил приличия: я тебя не трогаю, и ты ко мне не лезь. Потому и сложно было понять их, раз *познать* не удавалось из-за обособленности. И порой становилось ужасно интересно, что движет замкнутыми, мнительными доминиканцами.

– И все же?

– Не сейчас, – мягко возразил Флинт, заранее отметая всякое стремление с ним спорить.

Ибарра понимающе кивнул, хотя подавить приступ внезапного любопытства было не так-то просто. Он взглянул было на Хуана, ища подсказки, но тот снова «ушел в себя».

– Ты бы действительно пошел, потренировался… например, поездил бы верхом, – невинно-серьезным тоном произнес он, не поднимая головы.

– Смерти моей хочешь? – пробурчал лидер Альянса, вспоминая о последнем своем знакомстве со строптивым животным. Нет уж, вернется назад —никогда в жизни в седло не сядет! Тем не менее, сидеть просто так тоже было без толку, поэтому он подобрал с соседнего кресла плащ и шпагу и поплелся к выходу. Хоть пофехтует – тоже полезное занятие. Заодно и мысли в порядок приведет – авось что-нибудь да выкристаллизуется.

Мигеля одолевали смутные сомнения. Конечно, его пока еще не вычислили и не сцапали… но он совершенно один в чужой стране, весьма недружелюбно настроенной к нему и его идеям. Деньги рано или поздно закончатся, как их зарабатывать, не теряя конечной цели и не застревая на пути к ней, он не знал. Нужен покровитель – это он понимал со все большей остротой, по мере того как дорога уводила его все дальше от спасительного побережья.

Своего неизвестного доброжелателя, который снабдил его необходимым минимумом всего, но предпочел остаться неизвестным – только прислал записку – он побаивался: мало ли кто это может быть. Мигель этого типа ни разу не видел – просто в той крошечной таверне, куда вывела его дверь и где он безуспешно пытался найти комнату за просто так, на голову свалилась удача – неведомый господин оставил «подарок для такого же заплутавшего, как и он сам». Откуда он узнал, что Мигель выйдет именно там – загадка. К то-

му же он не был уверен, что помимо него и автора книги поблизости очутился еще кто-нибудь. Едва ли они стали бы помогать ему дальше. От кого ждать поддержки? От Реконкисты? Не смешите! От Альянса, который последнее время смотрит в рот своим союзникам? От Доминиканцев, которым все до лампочки? Да… а у него союзников просто пруд пруди – не выпрудишь…

Чтобы немного сориентироваться, он решил остановиться в небольшом городке – провинциальной столице. Куда дальше направить свои стопы? Наверное, все-таки в Мадрид – там есть шанс и подняться, и, если нужно, затеряться… заодно и на город поглядит. Судя по картинкам в книжках – там очень красиво.

Именно здесь, в гостинице, где он коротал второй день за размышлениями и проматыванием остатков денег, и случилась неожиданная встреча. За ужином, в который плавно перетек поздний обед, к нему как-то невзначай подсел незнакомец. Мигель даже не обратил бы на него внимания, если бы не смутно знакомый оттенок голоса. Он мало кого знал в лицо, ибо появиться на встрече игроков так и не соизволил, но зато по голосу мог опознать практически любого. За все время игры он наловчился различать людей настолько точно, что по приветствию почти безошибочно мог угадать, кто появился. Были, конечно, и неудачные эпизоды, когда похожие тембры путались, но крайне редко.

– Доброго вечера, – поздоровался голос. Его обладатель

носил плащ с капюшоном, скрывающим лицо ровно настолько, чтобы виден был лишь подбородок, зато самому незнакомцу, по-видимому, он не очень загораживал обзор. – Дон Мигель? Как вам наше милое захолустье?

От столь прямого вопроса Мигель опешил. В голове лихорадочно замелькали мысли одна страшнее другой: враги вычислили его, он раскрыт, сейчас повяжут, убьют, сдадут властям или инквизиции… Он чуть язык не проглотил от неожиданности и страха. Обладай он умением Элеоноры держать себя в руках, мог бы не сомневаться, что не выдал себя… но по части воспитания и манер их даже сравнивать не приходилось.

Собеседник почему-то молчал и медлил – очевидно, ждал ответной реакции. Мало-помалу паникерские мысли отходили на второй план, и вскоре Мигель начал осознавать, что враг если и существует, то лишь в его воображении, или, по крайней мере, где-то недосягаемо далеко. И все же осторожность не помешает…

– Вы, наверное, меня с кем-то путаете, любезный дон, – проворчал он, отворачиваясь, но незнакомец хмыкнул.

– Может, и пугаю, а может – это вы себя с кем-то путаете… Мне нужен господин Мальеда, а кто это, если не вы? Вас сложно было бы принять за кого-то другого…

Мигель молчал, чувствуя внутри неприятный холодок. Этот тип слишком много знает и чересчур спокоен. О том, кто он такой, известно было лишь игрокам их любимой он-

лайн-заварушки, а здесь компьютерами даже не пахло. Одно из двух: или его пытаются на что-то развести, или это кто-то «свой». Но вот друг это или враг – уже загадка посложнее.

– Ну, коли вы настолько мне не доверяете, что даже смотреть в мою сторону не хотите, – произнес человек нарочито равнодушным тоном, – тогда, пожалуй, мне и впрямь здесь делать нечего… Но я в одно не могу поверить: неужто вам совсем ничего не интересно?

За плечом послышался легкий шорох: незнакомец пошевелился и, очевидно, снял капюшон или просто приподнял его. Мигель осторожно скосил глаза: любопытство было сильнее других, более безопасных чувств. Он сидел к незваному гостю вполоборота, больше даже спиной, чем лицом; грамотный фехтовальщик или боец любого другого стиля пришел бы от такой позиции в ужас, но среди достоинств Мигеля искусство боя как-то не затесалось. Впрочем, если бы гость желал его убить, он не успел бы отразить удар даже сиди тот к нему лицом…

Краем глаза он заметил только, что собеседник действительно приоткрыл лицо и не держал в руках оружия. Это был молодой человек на вид лет двадцати, хотя, на деле, наверное, несколько старше. Мигель не узнал парня с первого взгляда, но одно он мог сказать определенно: человек не отсюда – слишком уж выделялись черты, не только совсем «неиспанские», но даже вообще из другой эпохи… Словом, от незнакомца за километр несло двадцать первым

веком. Конечно, проявлялось это в мелочах: манере держаться, одежде, взгляде, разговоре… но, тем не менее, как бы ни были скудны познания далекого от исторической науки человека в культуре средневековой Европы, такие мелочи он подмечал (хотя бы потому что сам старался их скрыть, дабы *не выделяться*).

– Вы кто? Что вам нужно? – резко бросил Мигель. Первая мысль была, что это кто-то из Грандов, его преступление раскрыли прежде времени и сейчас отберут рукопись, а самого «препроводят кой-зачем и кой-куда». Еще чего не хватало! Он сделал вид, будто тянется к оружию, а сам сжал покрепче заветный переплет.

– Мне? – парень усмехнулся. – То же, что и вам – союзник. Едва ли вы станете брать себе в помощники Реконкисту или Альянс? А уж тем более – Грандов, которых вы ограбили. Теперь, при всем их миролюбии, они будут с вами говорить только на расстоянии выстрела.

Мигель покрепче стиснул зубы: слишком уж сильно эта беседа напоминала провокацию. Вот сейчас он расскажет все этому парню, а тот возьми да схвати его, и пропали тогда его слава и независимость. Век же не отмоешься! Будь этот парень хоть сто раз из его времени, страны и любимой компьютерной игры – это вовсе не значит, что он должен ему доверять даже в самой опасной и нелепой ситуации.

– Понимаю, мои слова сбили вас с толку, и вы полагаете меня «шпионом с противоположной стороны», – вздохнул

незнакомец и ленивым жестом бросил слуге монету, заказав еще вина. – В таком случае, придется развеять ваши сомнения. Я не принадлежу к пиратам, французам или англичанам, тем более, как я слышал, про них в рукописи не упоминалось… Хотя кто знает? Литература – страшное оружие, периодически оборачивающееся против своего же создателя. Если б я сам был признанным писателем, наверное, тоже выпускал бы в свет такого рода «прозаические эпиграммы». Другое дело, что издатели не считают мой язык «достаточно подходящим для искушенного читательского глаза». Можете также не опасаться мести со стороны Альянса или Реконкисты в моем лице: первые нас ненавидят, вторые – не признают, и, как мы полагаем, не без помощи автора тех строк, которые вы, дон Мальеда, так трепетно сейчас пытаетесь от меня спрятать. Доминиканцы же нами не интересуются… да они вообще мало чем интересуются, кроме внутренних дел своего клана.

Незнакомец сделал намеренную паузу, воздавая должное вину, а Мигель задумался. Слова парня звучали убедительнее некуда, с другой стороны, он часто с «я» переходил на «мы», а это могло значить многое… хотя, скорее всего, он говорил от лица собственного клана. Неужели это представители его же компании? Нет, маловероятно… Или все-таки ловушка? Он с подозрением взглянул на собеседника, незваный гость ответил спокойной улыбкой, сквозь которую, впрочем, проглядывало что-то зловещее.

– Вы не там ищете. Тем более если подозреваете меня в пособничестве вашим противникам. Пару месяцев назад я, может быть, с радостью сдал бы вас любой из их разведок, а потом наслаждался бы почетом и созерцанием вашего поражения… Но, – он поднял палец вверх, не отрывая при этом руку от кружки, получилось забавно, – в настоящий момент нас так же обошли, как и вас. Они не пожелали мириться с тем, что более молодые и сильные могут быть лучше них. Наша независимость и высокий уровень их угнетали… Возможно, они изменят мнение, когда мы начнём действовать другими способами.

– Вы пойдете на преступление? – осведомился Мигель недоверчиво.

– Нет, что вы! – засмеялся парень еще более зловеще.– Зачем? Просто будем идти к своей цели, не помогая им. Мы умеем учиться на положительном опыте противников, а не только на их ошибках.

Мигель кивнул – скорее своим мыслям, нежели в ответ. Парень, который стремился казаться слишком умным, его раздражал. Впрочем, пока он ни единым словом или жестом не выдал своего неприятия к Мигелю лично. Значит, если налить ему немного меда на самолюбие, им можно будет управлять. Главное – не дать ему это понять… и заодно потихоньку выяснить его реальные планы…

– Скажите, отважный юноша, кого же вы представляете? Или вы действуете в одиночку, на свой страх и риск? –

елейным голосом поинтересовался Мигель. За долгие месяцы игры он научился быть любезным и обходительным, это действовало на неискушенных подкупающе. Жаль, Элеонора сразу его раскусила, а то и в страшном сне не приснились бы проблемы ни с ее кланом, ни с Альянсом, ни с Доминиканцами. Все ее завидущие глаза и ядовитый язык… Наверное, далекими предками всех женщин были змеи.

– Если вы о моем клане, то я пока нашел немногих, – уклончиво отвечал незнакомец, – а если о помощи со стороны – у меня здесь имеются серьезные покровители. Ведь вы ищете именно это! – ловко сменил он тему. Мигель довольно усмехнулся про себя: при всех своих недостатках парень далеко пойдет… если по пути из него не выйдет толк, оставив одну бестолочь.

– Предположим, – так же уклончиво парировал он. – А чего, в таком случае, ищете *вы*?

– Того же чего и вы – справедливости, – обезоруживающе улыбнулся собеседник, – ну и еще возможности выбраться отсюда. Хотя, если все-таки не получится – я, пожалуй, останусь. Мне нравится эта сказка, и… – он с минуту помолчал, лицо его стало безмятежно-мечтательным. – Раз уж вы ухитрились всех обставить, но не обошли меня – значит, мы поладим. Я не говорю о дружбе – что вы, это слишком большая честь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.